

ISSN 0131-6117

Русь -

R U S S I A N

Сказья

S P E E C H

речь

2023

ЯНВАРЬ -
ФЕВРАЛЬ

ISSN 0131-6117

Рус-
RUSSIAN
СРЯЯ
SPEECH
речь

МОСКВА, 2023

ЯНВАРЬ –
ФЕВРАЛЬ

Журнал основан в январе 1967 года

Выходит 6 раз в год

Главный редактор:

А. Д. Шмелев д. ф. н., проф., член-корр. РАН, Московский педагогический государственный университет;
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Зам. главного редактора:

М. Л. Каленчук д. ф. н., член-корр. РАН, проф., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
Е. Я. Шмелева к. ф. н., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Редколлегия:

О. В. Антонова к. ф. н., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
Е. Л. Березович д. ф. н., член-корр. РАН, проф., Уральский федеральный университет
А. А. Гиппиус д. ф. н., академик РАН, проф., Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»; Институт славяноведения РАН
М. Горэм PhD, проф., Флоридский университет, США
В. В. Дементьев д. ф. н., проф., Саратовский национальный исследовательский государственный университет
им. Н. Г. Чернышевского
Е. Е. Дмитриева д. ф. н., член-корр. РАН, проф., Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН
А. Ф. Журавлев д. ф. н., проф., Институт славяноведения РАН; Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова
А. В. Занадворова к. ф. н., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
А. А. Кибрик д. ф. н., проф., Институт языкознания РАН; Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова
Ю. А. Клейнер д. ф. н., проф., Санкт-Петербургский государственный университет
А. М. Красовицкий PhD, Оксфордский университет, Великобритания
М. А. Кронгауз д. ф. н., проф., Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Д. М. Магомедова д. ф. н., проф., Российский государственный гуманитарный университет
В. И. Новиков д. ф. н., проф., Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
М. А. Осадчий д. ф. н., проф., Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина
М. С. Полинская PhD, проф., Мэрилендский университет, США
Е. Ю. Протасова PhD, проф., Хельсинкский университет, Финляндия
М. А. Пузина к. ф. н., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
Х. Пфандль Dr. phil., проф., Грацский университет, Австрия
Л. Рязанова-Кларк PhD, проф., Эдинбургский университет, Великобритания
А. А. Соколянский д. ф. н., проф., Северо-Восточный государственный университет

Зав. редакцией: О. В. Антонова
Зав. отделами: А. В. Занадворова, М. А. Пузина

Статьи отбираются редколлегией
журнала на основе анонимного
независимого рецензирования.

Журнал индексируется в: Российский
индекс научного цитирования (РИНЦ).

Адрес редакции: 119019, Москва,
ул. Волхонка, 18/2, Институт русского
языка им. В. В. Виноградова РАН,
редакция журнала «Русская речь»
Телефон: +7 495 637-27-35
E-mail: rus-rech@mail.ru
Сайт: <http://russkayarech.ru/>

© Институт русского языка
им. В. В. Виноградова РАН
© Государственный институт
русского языка им. А. С. Пушкина
© Российская академия наук
© Составление. Редколлегия журнала
«Русская речь», 2023

ISSN 0131-6117

Russian R U S S K A Y A Speech R E C H'

MOSCOW, 2023

**JANUARY-
FEBRUARY**

Founded in January 1967
6 issues per year

Editor-in-chief:

Alexei D. Shmelev Moscow State University of Education; Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Assistant editors:

Maria L. Kalenchuk Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Elena Ya. Shmeleva Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Editorial board:

Olga V. Antonova Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Elena L. Berezovich Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia
Vadim V. Dementyev Saratov State University, Saratov, Russia
Evgeniya E. Dmitrieva M. A. Gorky Institute of World Literature (RAS), Moscow, Russia
Alexei A. Gippius National Research University Higher School of Economics; Institute of Slavic Studies (RAS), Moscow, Russia

Michael Gorham University of Florida, Gainesville, USA
Andrey A. Kibrik Institute of Linguistics (RAS), Moscow, Russia; Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Yury A. Kleiner St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia
Alexander M. Krasovitsky University of Oxford, UK
Maxim A. Kronhaus National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia
Dina M. Magomedova Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia
Vladimir I. Novikov Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
Mikhail A. Osadchiy Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia
Heinrich Pfandl University of Graz, Austria
Maria Polinsky University of Maryland, College Park, USA
Ekaterina Y. Protassova University of Helsinki, Finland
Maria A. Puzina Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Larissa Ryazanova-Clarke University of Edinburgh, UK
Alexander A. Sokolyansky North-Eastern State University, Magadan, Russia
Anna V. Znadvorova Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Anatoly F. Zhuravlev Institute of Slavic Studies (RAS); Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Managing editor: Olga V. Antonova
Editorial staff: Anna V. Znadvorova, Maria A. Puzina

Articles are selected by the editorial board on the basis of blind peer review process.

Abstracting / Indexing: Rossiiskii indeks nauchnogo tsitirovaniya (RINTS).

Address: «Russkaya rech'», editorial office, Vinogradov Russian Language Institute (RAS), Volkhonka street, 18/2, Moscow, 119019, Russia

Telephone: +7 495 637-27-35

E-mail: rus-rech@mail.ru

Website: <http://russkayarech.ru/>

Содержание

Проблемы современного русского языка

- 7..... А. Д. Базаржапова. *Веревочная или ковидная история: семантическое «опустошение» слова в различных типах дискурса*
- 21..... С. В. Князев. *Хлебо, кресто и паёко в архангельских говорах: фонетика или не фонетика?*
- 45..... Г. Е. Крейдлин, Е. Я. Шмелева. *Параязык в текстах*
- 66..... Н. В. Николенкова, Дин Цян. *Правило употребления прописной буквы как периферийная зона русской орфографии*
- 77..... М. М. Харченко. *О некоторых нерешенных вопросах современной пунктуации*

Из истории русского языка

- 88..... У. И. Турко. *История правописания приставок на -з, -с в дореформенный период*

Язык художественной литературы

- 103..... И. А. Александров. *Мифопоэтическое пространство бани в стихотворениях Б. А. Слуцкого и В. С. Высоцкого*
- 114..... К. А. Жулькова, В. В. Никульцева. *Реминисцентный характер перифразы «на берегах Невы» в мемуарах Ирины Одоевцевой*

Contents

Issues of Modern Russian Language

- 7..... *Altana D. Bazarzhapova. Verevochnaya or Covidnaya Istoria: Desemantization of the Word Istoria in Different Discourse Types*
- 21..... *Sergey V. Knyazev. Khlebo, Kresto and Payoko in Arkhangel'sk Dialects: Are they Conditioned by Phonetics?*
- 45..... *Grigorii E. Kreidlin, Elena Ya. Shmeleva. Paralanguage in Natural Language Texts*
- 66..... *Natal'ya V. Nikolenkova, Ding Qiang. The Uppercase Rule as a Peripheral Zone of Russian Orthography*
- 77..... *Mariya M. Kharchenko. On Some of Unsolved Modern Punctuation Issues*

From the History of the Russian Language

- 88..... *Ul'yana I. Turko. The History of Spelling Prefixes with -z, -s in the Pre-reform Period*

The Language of Fiction

- 103..... *Il'ya A. Aleksandrov. Mythopoetic Space of Banya in Poems of B. A. Slutsky and V. S. Vysotsky*
- 114..... *Karina A. Zhulkova, Victoria V. Nikultseva. The Reminiscence of the Periphrasis "On the Banks of the Neva" in the Memoirs of Irina Odoevtseva*

Веревочная или ковидная история: семантическое «опустошение» слова в различных типах дискурса

Алтана Доржиевна Базаржапова, Санкт-Петербургский государственный университет
(Россия, Санкт-Петербург), altanaaanatla@mail.ru

DOI: 10.31857/S013161170024703-2

АННОТАЦИЯ: Статья посвящена описанию коммуникативного поведения слова *история*, которое в результате процесса ресемантизации употребляется в значении ‘вещь/штука/нечто’ и широко функционирует в современной повседневной русской речи в различных типах дискурса. Исследование выполнено на материале трех источников: устный подкорпус Национального корпуса русского языка, корпус русской повседневной речи «Один речевой день» и отдельные записи окружающей речи (из бытовых разговоров, интервью, лекций и пр.). Проблема функционирования семантически «опустошенного» слова *история* рассматривается в нескольких аспектах: зависимость таких употреблений от типа дискурса и характеристик говорящего (возраст, профессиональная деятельность, уровень речевой компетенции — УРК), а также способность ресемантизированного слова *история* характеризовать конкретный идиолект. Оказалось, что слово *история* с «опустошенной» семантикой играет роль полифункционального средства, обслуживающего в современной русской речи различные типы дискурса, и активное его употребление является результатом экономии речевых усилий и не характеризует никакую конкретную социальную группу говорящих.

Такое употребление имеет, скорее, характер индивидуальной речевой черты: в одних случаях слово *история* обретает статус «слова-паразита» и указывает на невысокий УРК носителя языка, а в других ситуациях свидетельствует о стремлении говорящего с высоким УРК к установлению непринужденного стиля общения.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: коммуникативное поведение слова, ядро и периферия лексико-грамматической характеристики слова, ресемантизация, тип дискурса, идиолект

для цитирования: Базаржапова А. Д. *Веревоchnaya или ковидная история*: семантическое «опустошение» слова в различных типах дискурса // Русская речь. 2023. № 1. С. 7–20. DOI: 10.31857/S013161170024703-2.

благодарности: Исследование проведено при финансовой поддержке гранта РНФ (проект № 22-18-00189 «Структура и функционирование устойчивых неоднословных единиц русской повседневной речи»).

Issues of Modern Russian Language

Verevochnaya or Covidnaya Istoria: Desemantization of the Word *Istoria* in Different Discourse Types

Altana D. Bazarzhapova, Saint-Petersburg State University (Russia, Saint-Petersburg),
altanaanatla@mail.ru

SUMMARY: The article is devoted to the description of the communicative behavior of the word *istoria*, which, as a result of the process of resemantization, is used in the “non-dictionary” meaning: ‘a thing/something’ and widely functions in modern everyday Russian speech in various types of discourse. The study was carried out on the material of 3 sources: the oral

subcorpus of the National Corpus of the Russian Language, the corpus of Russian everyday speech “One Speech Day” and separate recordings of the surrounding speech (from everyday conversations, interviews, lectures, etc.). The problem of the functioning of the bleached word *istoria* is considered in several aspects: the dependence of such usages on the type of discourse and the characteristics of the speaker (age, professional activity, level of speech competence — LSC), as well as the ability of the resemantized word *istoria* to characterize an idiolect. It turned out that the word *istoria* with “empty” semantics plays a role of a multifunctional tool serving various types of discourse in modern Russian speech, and its active use is a result of saving speech efforts and does not characterize any particular social group of speakers. Such use has the character of an individual speech trait: in some cases, the word *istoria* acquires a status of a “parasite word” and indicates a low LSC of a native speaker, and in other situations, it indicates the desire of a speaker with a high LSC to establish an easy communication style.

KEYWORDS: communicative behavior of a word, core and periphery of lexical and grammatical characteristics of a word, resemantization, type of discourse, idiolect

FOR CITATION: Bazarzhapova A. D. *Verevochnaya or Covidnaya Istoria: Desemantization of the Word Istoria in Different Discourse Types*. Russian Speech = *Russkaya Rech'*. 2023. No. 1. Pp. 7–20. DOI: 10.31857/S013161170024703-2.

ACKNOWLEDGEMENTS: The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation (project no. 22-18-00189 “Structure and functioning of stable multi-word units of Russian everyday speech”).

Введение

Многие современные лингвистические исследования основываются на универсальном противопоставлении «язык — речь» и связанном с ним несоответствии между словарной информацией о слове и его употреблением. «Жизнь слова в его реальном употреблении не всегда отражается и фиксируется словарями» [Богданова 2017: 7–8], традиционные словари часто не фиксируют многие «живые формы, которые нам удастся находить во всей их свежести и непосредственности» [Балли 1955: 34] в повседневной речи. Такие явления образуют «периферийную» зону функционирования слова (подробнее о «ядре» и «периферии» лексико-семантического поля слова см.: [Богданова-Бегларян 2020]), а различные изменения, происходящие на ее почве, дают правдивое представление о слове как о «единице, не знающей состояния покоя», пусть и в словаре оно

представлено как «единица, находящаяся в состоянии покоя» [Шведова 2005: 424].

Так, при обращении к словарной статье *история* в Малом академическом словаре [Евгеньева (ред.) 1999: 691] читатель узнает, что это слово имеет 8 значений и входит в многочисленные фразеологические сочетания. Однако обзор различных толковых словарей современного русского языка и анализ повседневной речи показывают, что многие активные употребления слова *история* остаются за рамками традиционной лексикографии. Например, Р. И. Розина в докладе на конференции в ИРЯ РАН обратила внимание на отсутствующее в самом новом словаре русской разговорной речи [ТСРРР 2014] прономинальное значение слова *история* в контексте *Кинотеатр — это совсем другая история* [Розина 2020: 64]. Более подробный комментарий о новейших употреблениях этого слова дал в 2019 г. В. М. Пахомов в подкасте, посвященном последним тенденциям в современной речи:

- *История — это слово, которое сейчас действительно модное <...>, и, как у всех модных слов, понятно, что это не навсегда. И может быть даже, не очень надолго. Может быть, когда-то кто-то¹ употребил слово **история** вот в таком значении, которое даже трудно как-то вот обозначить. <...> Такое **десемантизированное** слово, значение которого трудно выделяется. И вот уже несколько лет оно действительно очень модное, оно употребляется активно. И совершенно понятно, что чем чаще, чем больше оно будет употребляться, тем быстрее нам надоест. И мы перестанем употреблять слово **история** в этом значении* (Подкаст на сайте «Техника речи»).

Исследователь упоминает десемантизацию, т. е. утрату словом своего значения, или «обесцвечивание» его семантики [Вубее 2003]. Но очень часто приходится говорить не просто о десемантизации слова *история*, а о его **ресемантизации**, которая заключается в том, что в ходе утраты значения это слово обретает новое, сближаясь со словами *вещь*, *штука*, *дело* [Базаржапова 2022]. В этом отношении приведенное выше утверждение Р. И. Розиной верно лишь отчасти. «Толковый словарь русской разговорной речи» все же фиксирует первый шаг «опустошения» семантики слова *история*: одно из его значений формулируется как «ситуация, положение вещей» [Крысин (ред.) 2014: 769–770] и в качестве синонима дается как раз слово *дело* в 4-м значении — «о чем-л., что известно, понятно собеседникам из контекста, конкретной ситуации и т. п.»: например, *Хочу*

¹ С этой гипотезой невозможно не согласиться, поскольку «всякое языковое изменение — индивидуального происхождения» и «в своем начале — это свободное творчество человека» [Бонфанте 1960: 299].

картинку повесить// А куда ты это **дело** [дрель] спрятал? [Крысин (ред.) 2014: 438]. Показательно, что в качестве аналогов для слова *дело* в этом значении приведены такие слова с «опустошенной» семантикой, как *вещь, история, фигня, хрень, штука*. Эта словарная информация, однако, не охватывает многих новейших употреблений слова *история*, приводимых далее в настоящей статье.

Таких, ресемантизированных, употреблений слова *история* насчитывается 50 (11,3 %) из 442 контекстов, составляющих пользовательский подкорпус настоящего исследования. Этот подкорпус составлен на материале устного подкорпуса (УП) Национального корпуса русского языка [НКРЯ], корпуса русской повседневной речи «Один речевой день» (ОРД) [<https://ord.spbu.ru>] и записей окружающей речи.

Чтобы оценить степень расширения значения слова *история*, достаточно взглянуть на различные прилагательные, с которыми оно было употреблено в этих контекстах и которые свидетельствуют о «расшатанности» его лексической сочетаемости: *родительская, заочная, белая, кривая, верёвочная, лавандовая, цирковая, ковидная, психосоматическая, поминальная, торпедная, фанатская, референтная, ревматологическая, коммерческая, диспепсическая, барьерная* и др. *история*; *психологические, правоохранительные, сексистские* и др. *истории*. Такой разнообразный речевой материал вынуждает поставить как минимум два вопроса: 1) насколько ресемантизированное слово *история* действительно модно, или в каких коммуникативных ситуациях можно встретить такое его употребление? 2) является ли такое употребление семантически «опустошенного» слова *история* приметой определенного типа речи? Решению этих вопросов и посвящена настоящая статья. Далее под «несловарными» употреблениями понимаются употребления слова *история* в ресемантизированном виде со значением ‘штука, вещь, нечто’.

Зависимость ресемантизированного употребления слова *история* от типа дискурса

Анализ речевого материала показал, что десемантизация слова *история* наблюдается в различных типах дискурса — в бытовых разговорах, интервью и телешоу, на научных конференциях и др., ср.:

- *Причиной смерти указан отёк головного мозга и инфаркт церебральной системы — то есть это **инсультная** **какая-то история*** (из разговора);
- *Надо заказать пироги из «Штолле» и **поминальную** **всю эту историю*** (из разговора);

- У него, например, зарплата 12 тысяч, а ему предлагают кредит на полтора миллиона. Это же **несоизмеримые истории!** (из разговора);
- Подпишите эту справку, пожалуйста. Это, поскольку у нас **ковидная история**, предупреждение пациентам о необходимости... (из разговора в клинике);
- [M1]: То есть мы доезжали туда до Иматры оттуда доезжали до Лаппеэнранты <...> [M2]: блин ну а то есть где **вот эта верёвочная история** туда вы? [речь идет о веревочном парке в Иматре] (ОРД)² (из речи менеджера по рекламе);
- [М]: причём ты представляешь это собираются на международном уровне делать всех русскоговорящих ну кто по-русски говорит приглашать сюда [Ж]: откуда? [М]: откуда хочешь <...> они **такую** делают очень **заочную историю** (ОРД) (из речи режиссера);
- Кроме **этой внутриэлитной истории** Россию ожидает социальное землетрясение: у людей очень быстро, прямо залпом понизится уровень жизни (из видеоролика политолога);
- Ну/ во-первых/ <...> у нас была/ ну/ извините/ за такое выражение/ раз мы уж здесь тоже и о всяких **правоохранительных историях** говорим/ такая очная ставка между представителями региональной власти и людьми (УП) (из речи депутата);
- [M1]: Какие-то именно на национальной почве у тебя были хоть раз конфликты или ситуации? [M2]: Мы бились школа на школу. Вот это было регулярно <...> [M1]: Ну, это была **национальная история** или нет? (из интервью урбаниста);
- **Следующая история** кому-то покажется мелкой, но я так не привык — это американский душ <...> лейка жёстко встроена в стену (из видеоролика урбаниста);
- Есть книга, которую вы написали, она называется «Метамодерн в музыке и вокруг неё». И это **история, которая** довольно сильно всколыхнула околomuзыкальную и музыкальную общественность (из интервью с композитором);
- [М]: что за видео мы хотим сделать? это действительно будет **белая история** или нет? [Ж]: я считаю что нужно на белом строить ну на

² Все упомянутые контексты из корпуса ОРД приведены здесь без специальных знаков и разметки (обозначения запяток, вздохов и проч.), какими оформлены оригинальные расшифровки ОРД.

вот эту идею простыни я бы не отметала [театралы обсуждают реквизит для сцены в больнице] (ОРД) (из речи режиссера);

- *Неправильные глаголы — это **такая история**, которую надо постоянно повторять, как таблицу умножения* (из лекции);
- *Это были две **разные** совершенно **истории** — разные эксперименты* (из научного доклада);
- *После *lest* [англ. ‘чтобы не’] сразу идет подлежащее следующего предложения и всё — **никаких дополнительных историй** нам не нужно* (из речи преподавателя английского языка на занятии).

Особый интерес представляют ресемантизированные употребления слова *история* в контексте кулинарного шоу и различных интервью со специалистами в сфере медицины, поскольку отчетливо свидетельствуют о полной утрате словом *история* словарного значения событийности или повествования, ср.:

- *Я вам сейчас покажу **такую историю** — называется кебаб* (из телешоу);
- *Овощи — это **такая история**, которую можно подать в любом виде* (из телешоу);
- *Там **такая** замечательная **лавандовая история**: лавандовое вино, лавандовое пиво <...> (из телешоу);*
- *Наталья, где живёт болезнь в теле? **Психосоматическая** имеется в виду **история**, вот когда мы, вот когда наша психика говорит, что у меня там что-то болит или нам кажется, что оно болит, а на самом деле нет* (из интервью с психологом);
- *Хламидии могут и в крови появляться, соответственно <...> Синдром Рейтера <...> это уже там, кровь берут. Ну это уже **ревматологическая**, там, да, **история**. Это... ревматологи этим занимается* (из интервью с венерологом);
- [M1]: *Если сменил пол, а потом передумал, можно вернуть всё обратно?*
[M2]: *<...> Обычно это происходит крайне редко. Обычно это **коммерческая какая-то история**, вот когда мужчина перестал быть мужчиной и стал женщиной* (из интервью с андрологом);
- *Что можно рекомендовать в юном совсем возрасте, подросткам? <...> То есть это **барьерная** [барьерные средства контрацепции] **какая-то история?*** (из интервью с гинекологом);
- *Не нужно полностью списывать это на МПС. Но этот симптомокомплекс — он, правда, описывается, потому что это **достаточно***

понятные истории <...> Это и всякие там **диспепсические истории**: может быть диарея, вздутие, метеоризм (из интервью с гинекологом);

- Это **очень частая** (иногда бывает прямо на уровне фобии) **сопутствующая социальной тревожности история** [о страхе покраснеть на публике]. Специальное для него есть название — эритрофобия (из интервью с психологом).

Из многочисленных контекстов видно, что такое расширенное функционирование слова *история* **не привязано** к определенному типу дискурса: оно встречается как в непубличной, так и в публичной речи, и в самых разных коммуникативных ситуациях. Анализ более обширного материала, во-первых, невозможен, поскольку в устном подкорпусе НКРЯ или, например, в Генеральном интернет-корпусе русского языка [ГИКРЯ] содержатся десятки тысяч употреблений слова *история*, из которых ресемантизированные пришлось бы отбирать вручную. Во-вторых, такой обширный анализ в целом излишен, так как на материале уже 50 контекстов не обнаруживается никаких четких соответствий и тенденций, которые можно было бы проверить по корпусам.

Слово *история* в зеркале социолингвистики

В этом разделе предлагается рассмотреть три социальные характеристики говорящих: профессиональная деятельность, возраст и уровень их речевой компетенции. Что касается первой характеристики, то отсутствие корреляции между профессиональной деятельностью говорящего и активностью ресемантизированного употребления слова *история* в его речи также подтверждается приведенными выше контекстами. Определенная возрастная характеристика тоже не является маркером: подобные употребления слова *история* встречаются и в речи молодежи, и в речи достаточно зрелых людей, вплоть до возраста 60+.

Однако обзор материала с точки зрения УРК говорящих позволил прийти к любопытным наблюдениям. Нередко пользовательский подкорпус пополнялся многочисленными примерами, исходящими от одной языковой личности: например, речь одного и того же говорящего представлена в подкорпусе 13-ю ресемантизированными употреблениями слова *история*, а фрагменты речи еще как минимум 9 человек почти так же часто фигурируют в подкорпусе. Эту проблему можно сформулировать так: имеет ли активное употребление слова *история* в ресемантизированном виде характер индивидуальной речевой черты и «слова-паразита», т. е. слова, утратившего в устной речи свое «смысловое или эмоциональное

наполнение» [Литвинова 2012: 55]³? Для иллюстрации приведем небольшой отрывок, в котором слово *история* употреблено 5 раз и в каждом случае с «опустошенной» семантикой:

- У меня/ в смысле темы какой-то родительской **истории** и детей. У Романа/ **история** онкологии/ но/ в общем/ и Роман не выходил на некоторые обобщающие плоскости в смысле/ это **история** не про то/ как устроена онкология/ и это **история** не про то/ ну/ отчасти про то/ может быть/ как устроено родительство. Это **истории** про то/ как/ столкнувшись с очень сильной меняющей какой-то **историей**/ ты следишь за тем/ как именно ты меняешься <...> (УП).

По большому счету, слово *история* здесь и во многих приведенных выше контекстах функционирует так же, как прагматические маркеры-**декоративы**, или «никчемутивы» [Богданова-Бегларян 2019] — это вводные единицы, использующиеся говорящим немотивированно, фактически как вербальные **хезитативы** (по типу как *говорится*, так *сказать* и др.). Кроме того, такое функционирование слова *история* по функции схоже с употреблением таких прагматических маркеров, как (*и*) *всё такое* (*прочее*) / (*и*) *всякое такое* (подробнее см.: [Прагматические маркеры... 2021: 134–143]). Маркеры-декоративы, в свою очередь, являются результатом **гиперкоррекции**, признаками стремления говорящего звучать «красиво» — при отсутствии или недостаточной сформированности навыков «хорошей речи». В этом отношении интересен следующий пассаж:

- Что касается нанесения масла на кожу головы, это вообще отдельная **история**. <...> Если уже кончики посеченные, то там уже <...> мы только состригаем всё это **дело**. <...> Когда производитель пишет «шампунь против посеченных кончиков, ломкости», даже против жирности — вот ещё один такой **момент**, который бесит всех специалистов <...> Может быть жирная, по типу кожа жирная, но она обезвоженная. Может быть шелушение, зуд, там различные вот такие **моменты**, но это не меняет сам тип кожи головы (из интервью с трихологом).

В одном контексте представлены два ресемантизированных слова — *история* и *дело*, а также дважды употреблено слово *момент*, которое тоже претерпело значительную семантическую модификацию: изначально имея значение времени, это слово обрело периферийное значение 'отдельная сторона какого-л. явления или обстоятельство, сопутствующее

³ См. о словах-паразитах также: [Шмелев 1998; Дараган 2000].

условие' [МАС 1999: 295], и в приведенном контексте тоже вполне можно говорить о его ресемантизации. Использование семантически «опустошенных» слов *дело*, *момент* и *история*, новое значение которых способно «покрыть» значения единиц совершенно разной тематики, позволяет говорящим выражать мысль без называния конкретного предмета. Это ускоряет коммуникацию и избавляет от необходимости тратить усилия на подбор, припоминание слова с конкретным значением, ведь собеседник вполне понимает из контекста, о чем речь. Роль смыслового центра высказывания при этом берет на себя прилагательное (или причастие), в сочетании с которым употреблено ресемантизированное слово *история*, как это можно наблюдать из приведенного в начале работы списка. Итак, чрезмерное употребление ресемантизированного слова *история* как средства, работающего на **экономия речевых усилий**, может указывать на невысокий уровень речевой компетенции говорящего. Однако такой вывод не совсем верен, и это доказывается в следующем разделе.

Ресемантизированное употребление слова *история* как индивидуальная речевая черта

Почти все говорящие, чья речь попала в пользовательский подкорпус и отличается активностью употреблений слова *история* с «опустошенной» семантикой, имеют высшее образование (среди них, например, есть доктор филологических наук, преподаватель-режиссер, университетский преподаватель английского языка и т. д.), и их УРК невозможно определить как низкий. В связи с этим ценно наблюдение А. Д. Шмелева: «исследования разговорной речи не могут опираться на компетенцию носителей языка: как было обнаружено довольно давно, *особенности* (курсив мой. — А. Б.) разговорной речи обычно не осознаются говорящими, которые, даже когда им предъявляют их собственные высказывания, не верят, что они могли действительно так сказать» [Шмелев 2010: 239]. В связи с этим более вероятно, что ресемантизированные употребления слова *история* для этих говорящих имеют статус **индивидуальной речевой черты**, которая несознательно выработалась у них в стремлении придать своей речи **непринужденный** характер. Так, закономерно, что гинеколог или психолог в своем интервью хочет «простым» языком донести до широкой аудитории многие недоступные неспециалисту нюансы, преподаватель преследует цель доходчиво объяснить студентам материал, а в контексте кулинарной передачи нет установки на то, чтобы речь шеф-повара звучала строго и точно. Еще более это касается бесед на бытовые

темы. Таким образом, все упомянутые контексты так или иначе объединяет то, что говорящий хочет звучать «легко», непринужденно, так, чтобы мысль сразу схватывалась собеседником⁴.

Выводы

Таким образом, в данной статье на основе анализа повседневной устной речи подтверждается отмеченный исследователями факт, что слово *история* в своем расширенном употреблении сейчас действительно стало «модным» и способно встраиваться в любой дискурс. Как показывает опыт, все «модные» слова достаточно быстро выходят из моды, теряют заряд экспрессии и новизны, но при этом могут закрепиться в идиолекте отдельного человека, и он может продолжать их употреблять, несмотря на смену моды. Употребление слова *история* в значении ‘вещь’, ‘штука’, ‘нечто’ — это рефлекс универсального процесса экономии речевых усилий, ставший общей тенденцией на современном срезе развития языка, которая не является приметой речи определенной социальной группы и которая, скорее, является индивидуальной речевой чертой. В одних случаях эта индивидуальная черта имеет характер слова-паразита и указывает на невысокий уровень речевой компетенции носителя языка, а в других — свидетельствует о том, что у говорящего в данной ситуации есть установка на максимально непринужденный стиль речи.

Источники

ГИКРЯ — Генеральный интернет-корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.webcorpora.ru/> (дата обращения: 8.11.2022).

Евгеньева А. П. (ред.). Словарь русского языка: в 4 т. Т. 1. А — Й. 4-е изд., стер. М.: Русский язык; Полиграфресурсы, 1999. 702 с.

⁴ Среди возможных причин употребления ресемантизированного слова *история* можно перечислить и следующие два частных обстоятельства. Во-первых, упомянутое употребление *инсультная* *какая-то история* маркирует неуверенность говорящего в достоверности воспроизводимой им информации (ср.: *что-то, вероятно, связанное с инсультом*), или, скорее, такое употребление позволяет говорящему показать, что он не обладает глубокими знаниями о называемом им предмете/явлении и не может дать подробный комментарий к той информации, которую передал собеседнику. Если бы говорящий построил фразу иначе, например, *Причиной смерти указан отёк головного мозга и инфаркт церебральной системы — то есть это инсульт*, то это бы свидетельствовало о том, что он уверен в достоверности воспроизводимой им информации и/или готов ее прокомментировать. Вторая частная функция ресемантизированного употребления слова *история* состоит в том, что оно может играть роль эвфемизма, и это хорошо демонстрируется на упомянутом сочетании *поминальная* *вся эта история*, которое используется с целью как бы избежать названия неприятных вещей (похороны, гроб, прощальное застолье и др.).

Крысин Л. П. (ред.). Толковый словарь русской разговорной речи. Вып. 1: А — И / Отв. ред. Л. П. Крысин. М.: Изд. Дом ЯСК, 2014. 775 с.

НКРЯ — Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru>.

ОРД — Корпус русской повседневной речи «Один речевой день» [Электронный ресурс]. URL: <https://ord.spbu.ru>.

Подкаст на сайте «Техника речи» [Электронный ресурс]. URL: <https://tehnikarechi.studio/episodes/2019/10/21/slovom-istoriya-mozhno-oboznachit-vse-chto-ugodno-kak-menyaetsya-moda-na-slova> (дата обращения: 8.11.2022).

Литература

Базаржапова А. Д. История как вещь, штука и дело: о процессе ресемантизации знаменательного слова в современной русской речи // Тезисы докладов XXV Открытой конференции студентов-филологов. Санкт-Петербург: СПбГУ, 2022. С. 55–56. URL: https://conference-spbu.ru/files/local/CMS_File/h0000/6501/6501.pdf?1651682278.

Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка / Пер. с 3-го фран. изд. Е. В. и Т. В. Вентцель / Ред., вступ. статья и прим. Р. А. Будагова. М.: Изд-во иностранной лит-ры, 1955. 416 с.

Богданова Л. И. Слово в речи и в словаре // Слово и словарь = Vocabulum et vocabularium. Сборник научных материалов / И. Л. Копылов (гл. ред.). Минск: Четыре четверти, 2017. С. 7–12.

Богданова-Бегларян Н. В. Об одной из проблем современной коллоквиалистики (в поисках терминов для новых единиц) // Языковые категории и единицы: синтагматический аспект. Материалы XIII Международной научной конференции, посвященной 90-летию проф. А. Б. Копелиовича и 100-летию педагогического образования во Владимирской области. Владимир: Транзит-ИКС, 2019. С. 86–90.

Богданова-Бегларян Н. В. Ядро и периферия лексико-грамматической характеристики русского слова: о судьбе периферийных единиц // Мир русского слова. 2020. № 2. С. 23–31.

Бонфанте Дж. Позиция неолингвистики // В. А. Звегинцев (ред.). История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях. Часть I. М.: Учпедгиз, 1960. С. 298–319.

Дараган Ю. В. Функции слов-«паразитов» в русской спонтанной речи // Труды Международного семинара «Диалог-2000» по компьютерной лингвистике и ее приложениям. Том 1. Теоретические проблемы. Протвино: РГГУ, 2000. С. 67–73.

Литвинова Г. М. К проблеме употребления слов-паразитов в современном русском языке // Вестник Московского ун-та. Серия 22. Теория перевода. 2012. № 2. С. 55–62.

- Прагматические маркеры* русской повседневной речи: словарь-монография / Сост., отв. ред. и автор предисловия Н. В. Богданова-Бегларян. СПб.: Нестор-История, 2021. 520 с.
- Розина Р. И. Крохотки: о том, чего нет в «Толковом словаре русской разговорной речи» // *Повседневная речь как объект лексикографии* (XIII Шмелевские чтения). Тез. докл. межд. конф. М.: ИРЯ РАН, 2020. С. 63–64.
- Шведова Н. Ю. *Русский язык: Избранные работы*. М.: Языки славянской культуры, 2005. 640 с.
- Шмелев А. Д. Слова-паразиты и их роль в построении дискурса // *Русский язык в контексте современной культуры*. Екатеринбург. Тезисы международной научной конференции (29–31 октября 1998 г.). Екатеринбург: УрГУ, 1998. С. 151–153.
- Шмелев А. Д. Языковые факты и корпусные данные // *Русский язык в научном освещении*. 2010. № 19 (1). С. 236–265.
- Bybee J. L. Mechanisms of change in grammaticization: The role of frequency // *The handbook of historical linguistics* / B. D. Joseph, J. Janda (eds.). Oxford, Blackwell, 2003, pp. 602–623.

References

- Bally Ch. *Linguistique générale et linguistique française*. 1950. 440 p. (Russ. ed.: Bally Ch. *Obshchaya lingvistika i voprosy frantsuzskogo yazyka*. Moscow, Izdatel'stvo Inostrannoi Literatury, 1955. 416 p.)
- Bazarzhapova A. D. [*Istoria as veshch', shtuka and delo*: on the process of resemantization of an independent word in modern Russian speech]. *Tezisy dokladov XXV Otkrytoi konferentsii studentov-filologov* [Abstracts of the XXV Open Conference of Philology Students]. St. Petersburg, 2022, pp. 55–56. (In Russ.) Available at: https://conference-spbu.ru/files/local/CMS_File/h0000/6501/6501.pdf?1651682278 (accessed 12.11.2022).
- Bogdanova L. I. [Word in speech and in the dictionary]. *Slovo i slovar' = Vocabulum et vocabularium. Sbornik nauchnykh materialov* [Proc. of "Word and Dictionary = Vocabulum et vocabularium"]. Minsk, 2017, no. 15, pp. 7–12. (In Russ.)
- Bogdanova-Beglarian N. V. [On one of the problems of modern colloquialistics (in search of terms for new units)]. *Materialy XIII Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi 90-letiyu prof. A. B. Kopeliovicha i 100-letiyu pedagogicheskogo obrazovaniya vo Vladimirskoi oblasti* [Proc. of the XIII International Conference dedicated to the 90th anniversary of prof. A. B. Kopeliovich and the 100th anniversary of pedagogical education in the Vladimir region]. Vladimir, 2019, pp. 86–90. (In Russ.)
- Bogdanova-Beglarian N. V. [The core and periphery of the lexical and grammatical characteristics of the Russian word: on the fate of peripheral units]. *Mir russkogo slova*, 2020, no. 2, pp. 23–31. (In Russ.)

- Bonfante G. [Position in neolinguistics]. Zviagintsev V.A. *Istoriya yazykoznavaniya XIX i XX vekov v ocherkakh i izvlecheniyakh* [History of linguistics of the 19th and 20th centuries in essays and extracts. Part I]. Part I. Moscow, Uchpedgiz Publ., 1960, pp. 298–319.
- Bybee J. L. Mechanisms of change in grammaticization: The role of frequency // The handbook of historical linguistics / B. D. Joseph, J. Janda (eds.). Oxford, Blackwell, 2003, pp. 602–623. (In Eng.)
- Daragan Yu. V. [Functions of “parasite” words in Russian spontaneous speech]. *Trudy Mezhdunarodnogo seminar “Dialog-2000” po komp’yuternoi lingvistike i ee prilozheniyam. Tom 1. Teoreticheskie problemy* [Proc. of the International Seminar “Dialogue-2000” on computational linguistics and its applications. Vol. 1. Theoretical problems]. Protvino, 2000, pp. 67–73. (In Russ.)
- Litvinova G. M. [On the problem of the use of parasitic words in modern Russian]. *Vestnik Moskovskogo un-ta. Seriya 22. Teoriya perevoda*, 2012, no. 2, pp. 55–62. (In Russ.)
- Pragmaticheskie markery russkoi povsednevnoi rechi: slovar'-monografiya* [Pragmatic markers of Russian everyday speech: dictionary-monograph]. St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2021. 520 p.
- Rozina R. I. [Tiny words: about what is not in the “Explanatory Dictionary of Russian Everyday Speech”]. *Povsednevnyaya rech' kak ob'ekt leksikografii (XIII Shmelevskie chteniya). Tez. dokl. mezhd. konf.* [Proc. of 13th International Conference “Everyday speech as an object of lexicography”]. Moscow, 2020, pp. 63–64. (In Russ.)
- Shmelev A. D. [Parasite words and their role in the construction of discourse]. *Russkii yazyk v kontekste sovremennoi kul'tury. Ekaterinburg. Tezisy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (29–31 oktyabrya 1998 g.)* [Russian language in the context of modern culture. Yekaterinburg. Abstracts of the international scientific conference (October 29–31, 1998)]. Yekaterinburg, 1998, pp. 151–153. (In Russ.)
- Shmelev A. D. [Language facts and corpus data]. *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii*, 2010, no. 19 (1), pp. 236–265. (In Russ.)
- Shvedova N. Yu. *Russkii yazyk: Izbrannye raboty* [Russian language: Selected works]. Moscow, Yazyki Slavyanskoi Kul'tury Publ., 2005. 640 p.

Хлебо, кресто и паёко в архангельских говорах: фонетика или не фонетика?

Сергей Владимирович Князев, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Москва, Россия), svknia@gmail.com

DOI: 10.31857/S013161170024704-3

АННОТАЦИЯ: В статье излагаются результаты исследования употребления форм м. р. им. и вин. п. ед. ч. на -о (*домо, хлебо, барако*) и форм с постпозитивными частицами -то и -от в семи севернорусских говорах Пинежского, Виноградовского, Плесецкого, Мезенского, Лешуконского и Верхнетоемского районов Архангельской области на материале данных диалектных речевых корпусов и магнитофонных записей общей длительностью 41,3 часа. Проведенный анализ дает основания утверждать, что в исследованных говорах наблюдается явная взаимозависимость форм на -от и на -о (доля первых значительно уменьшается при наличии последних), а также очевидная тенденция к распределению форм на -о и на -от по фонетическим позициям в зависимости от правого контекста. Эти данные могут служить существенным аргументом в пользу гипотезы о фонетическом развитии форм на -о из форм с -от в прошлом, связанном исходно с положением -от в позиции перед смычным, особенно гоморганным, согласным, что привело к разрушению «правильного» выбора вариантов частицы в сочетании с именами мужского рода и заменой частицы -от самой распространенной частицей -то в этих формах.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: русский язык, севернорусские говоры, постпозитивные частицы

для цитирования: Князев С. В. *Хлебо, кресто и паёко* в архангельских говорах: фонетика или не фонетика? // 2023. № 1. С. 21–44 DOI: 10.31857/S013161170024704-3.

благодарности: От всей души благодарю А. В. Птенцову за помощь в подготовке статьи.

Issues of Modern Russian Language

Khlebo, Kresto and Payoko in Arkhangel'sk Dialects: Are they Conditioned by Phonetics?

Sergey V. Knyazev, Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
(Russia, Moscow), svknia@gmail.com

ABSTRACT: The paper reports new findings concerning the distribution of Nom. and Acc. Sing. Musc. *-o* nominal forms and forms with postpositive particles *-ot* and *-to* in seven Northern Russian dialects spoken in the Pinezhsky, Plesetsky, Verkhnetoemsky, Mezensky, Leshukonsky and Vinogradovsky districts of Arkhangel'sk region based on the material of dialectal speech corpora and tape recordings of dialectal speech made in the period of 1987–1999 (total duration — 41,3 hours). The study reveals 1) an explicit mutual dependence of the *-o* and *-ot* forms in the dialects considered (the fraction of the *-ot* forms decrease significantly with the presence of *-o* forms), and 2) a clear tendency to the positional distribution of the *-o* and *-ot* forms depending on the right phonetic context (a pause, a vowel, a fricative or a plosive consonant) with the minimum number of the *-ot* forms before geminated stop consonants. This may serve as an essential argument in favor of the hypothesis suggesting the phonetic evolution whenever in the past of the *-o* forms from those of *-ot*, leading to the decay of the initial regular grammatical and/or phonetical agreement of a of Nom. and Acc. Musc. noun and the postpositive particle's "correct" *-ot*

form and to the extended distribution of uncoordinated *-to* form of the particle in this context.

KEYWORDS: Russian Language, Northern-Russian Dialects, postpositive particles

FOR CITATION: Knyazev S. V. *Khlebo, Kresto and Payoko* in Arkhangel'sk Dialects: Are they Conditioned by Phonetics? Russian Speech = Russkaya Rech'. 2023. No. 1. Pp. 21–44. DOI: 10.31857/S013161170024704-3.

ACKNOWLEDGEMENTS: My particular thanks to A. V. Ptentsova for her assistance in preparing the article.

В ходе диалектологической экспедиции 1989 г. под руководством С. К. Пожарицкой мы посетили деревню Сельцо Виноградовского района Архангельской области, которая находится на левом берегу Северной Двины в 80 км выше по ее течению (в юго-восточном направлении) от поселка Березник, административного центра Виноградовского района. В Сельце мы записали речь четырех информантов-женщин, 1910–1914 годов рождения общей продолжительностью 5 часов звучания.

Одной из самых ярких особенностей этого говора являются формы им. и вин. п. м. р. существительных и прилагательных с конечным гласным *-о*: *возо, пароходо, в лесо, тракторо, барако, плуго, паёко, хлебо, домо, кресто, совхозо, магазино, паёчеко, брато, другою, чёрныйо, само* (один раз такой гласный встретился в глагольной словоформе 1 л. наст. вр.: «*Что ты, — говорит, — бродишь, съедят тебя кабаны! Я говорю: «Я них съемо!»*»).

Этим формам (в основном причинам их возникновения) посвящено специальное исследование, выполненное на материале в том числе и говора Сельца (но не только его) [Касаткин 1996]. Л. Л. Касаткин считает, что «записи свидетельствуют о значительной редкости форм на *-о*, которые встречаются только у некоторых информантов, наиболее старых. По-видимому, эти формы представляют собой лишь редкие остатки явления, бытовавшего ранее в русских говорах» [Касаткин 1996: 244], а в качестве иллюстрации своих предположений о времени и причинах возникновения этих форм приводит некоторые примеры из разных архангельских говоров (д. Покшеньга Пинежского района, д. Верхняя Золотица Приморского района, д. Тимошино Виноградовского района и из наших записей д. Сельцо Виноградовского района). Однако в разных говорах

могут быть представлены как различные системы употребления исследуемых форм, так и разные стадии развития (разрушения) этих систем. В настоящем исследовании предпринята поэтому попытка *сплошного* анализа соответствующего материала *внутри* говора.

Основным **материалом** исследования служили наши магнитофонные записи шести архангельских говоров:

- д. Сельцо Виноградовского района (запись С. В. Князева, 1989 г., 300 мин.) [Князев 2023],
- д. Веегора (и окрестных деревень) Пинежского района (запись С. В. Князева, С. К. Пожарицкой 1999 г. и В. Голубевой и С. Саркисянц 1986 г., 680 мин.),
- с. Церковное Плесецкого района (запись С. В. Князева, 1988 г., 120 мин.) [Князев 2022б],
- дд. Вадюга и Тинева Верхнетоемского района в верховьях Пинеги (запись С. В. Князева и С. К. Пожарицкой, 1987 и 1990 гг., 540 мин.) [Князев 2021],
- д. Кеба Лешуконского района (запись С. В. Князева, С. К. Пожарицкой 1986 г., 380 мин.) [Князев 2022а],
- д. Мосеево (и окрестных деревень) Мезенского района в среднем течении притока Мезени Пёзы (запись С. В. Князева, С. К. Пожарицкой 1989 г., 460 мин.) [Князев 2022в].

Этот выбор обусловлен тем, что в первых двух говорах довольно регулярно встречаются формы м. р. на -о, а материал из Веегоры при этом не мог быть учтен в работе Л. Л. Касаткина (поскольку большая его часть была записана нами позже); в четырех же последних говорах этого явления не наблюдается, и они служили основанием для сопоставления.

В качестве дополнительного материала (записанного другими исследователями) были использованы данные из д. Тимошино Верхнетоемского района Архангельской области, сделанные в 1997 г. С. К. Пожарицкой и в 1970 г. Е. А. Нефедовой (всего — 320 минут звучания). Таким образом, общий объем исследованного материала составил 41,3 часа.

Одной из причин возникновения форм имен м. р. на -о можно считать отпадение конечного согласного [т] в одной из форм постпозитивной частицы -то [Касаткин 1996: 246], которая в современном русском литературном языке выполняет усилительно-выделительную функцию.

В большинстве архангельских говоров варианты этой частицы различны при разных формах имени и определяются фонетически и/или грамматически: «Частица в виде *от* “сопровождает” форму им. п. м. р.

существительных и прилагательных (*старик-от, дорогой-от*); *та* — форму им. п. ж. р. (*жена-та, мати-та, жизнь-та*); *то* — форму им. п. ср. р. (*окно-то*); *ту* — форму вин. п. ж. р. (*жену-ту*), *те* и *ти* представляют собой, по-видимому, фонетические варианты одной и той же частицы, сопровождающей обычно формы им. и вин. п. мн. ч. <...> с остальными словоформами употребляется преимущественно *то*» [Пожарицкая 1997: 130]. По мнению С. К. Пожарицкой, функция этой частицы в высказывании «не может быть однозначно определена как усилительно-выделительная хотя бы потому, что в речи она встречается значительно чаще, чем это требовалось бы для усиления и выделения слов; в некоторых говорах она может сопровождать несколько слов в пределах одного высказывания. Это позволяет предположить, что ей свойственна определенная роль в просодической структуре диалектной речи, в ее ритмическом оформлении» [Пожарицкая 1997: 129–130]. Наш материал не противоречит этой точке зрения, см. пример из Сельца:

– *А грибы — какие вы тут грибы собираете?*

– *Всяки. Красны грибы это. Эки толсты-то, головки-то красны-то...*

По дорогам-то нувой раз маленьки-то.

В настоящее время во многих говорах — и Сельцо с Веегорой в этом отношении не являются исключениями — исходная система разрушается и форма *-то*, как можно видеть и из примера выше, получает всё большее распространение, в том числе и при существительных мужского и женского рода в именительном и винительном падежах единственного числа и при формах множественного числа.

Поскольку *-от* употребляется с теми же самыми словами, которые могут иметь варианты на *-о*, очевидным образом, «возникает вопрос, не образовались ли формы типа *домо* из *дом-от* в результате утраты конечного *т*? Так, в частности, объясняет Л. Л. Васильев записанные А. В. Марковым в Зимней Золотице Архангельской губернии формы *кресть-о, носъ-о, годъ-о, шумъ-о, шатёръ-о, овинъ-о, Владимёръ-о, князь-о, глупой-о, неразумной-о, удалой-о, малой-о* [Васильев 1902, с. 27–28]. Так же, по-видимому, считал и сам А. В. Марков, судя по орфографии его примеров» [Касаткин 1996: 246]. Отметим еще, что существенным аргументом в пользу этого предположения является тот факт, что формы на *-о* до сих пор отмечены только в тех говорах, где есть постпозитивная частица *-то* с вариантом *-от*.

Обсуждая эту гипотезу, Л. Л. Касаткин отмечает: «Можно было бы предполагать, что в русских говорах, знающих формы типа *дом-от*, конечный *т* в этих формах мог утрачиваться перед словами, начинающимися с [т], [д]... Можно предположить, что сочетания [тт] и [дд] могли

сокращаться, в результате чего и возникли формы на *-о*: *плуг-от таскат'* > *плуго таскат'*, *стол-от тут* > *столо тут*. Однако формы на *-о* выступают и перед словами, начинающимися другими согласными или гласными, а также перед паузой, где выпадение [т], [д] трудно предполагать» [Касаткин 1996: 246]. На этом основании Л. Л. Касаткин считает, что формы на *-о* не могли образоваться из форм с частицей *-от* фонетическим путем и предлагает иное объяснение: «Можно предположить, что после падения редуцированных окончание существительных муж. рода им.-вин. падежа ед. числа выступало в двух вариантах: в гласном *-о* и в нуле гласного. По-видимому, эти варианты первоначально были позиционно обусловлены и *-о* выступало в сильных фразовых позициях» [Касаткин 1996: 246]. Можно предположить, что *сплошной* анализ материала *внутри* говора мог бы пролить новый свет на эту проблему.

На **первом этапе** исследования для ответа на вопрос о наличии или отсутствии связи между формами на *-о* и формами с постпозитивной частицей из перечисленных выше семи говоров были выделены все слова, которые могут иметь при себе частицу *-от* — имена м. р. в им. и вин. п. ед. ч.

- 1) с конечным *-о*,
- 2) с частицей *-от*,
- 3) с частицей *-то*, которая заменяет *-от* в процессе разрушения исходной системы. Полученные **результаты** приведены в таблице 1 и на рисунке 1.

Таблица 1. Количество и процентное соотношение форм на *-о* и форм с частицами *-от*, *-то* в архангельских говорах

Table 1. Total number and percentage ratio of *-o*, *-ot* and *-to* forms in Arkhangel'sk dialects

	Церков- ное (120 мин.)	Вадюга (540 мин.)	Кеба (380 мин.)	Мосеево (460 мин.)	Тимо- шино (320 мин.)	Сельцо (300 мин.)	Веегора (680 мин.)
-о	0	0	1 (0,5 %)	6 (3 %)	27 (24 %)	38 (38 %)	52 (39 %)
-от	20 (95 %)	189 (96 %)	177 (97 %)	171 (86 %)	63 (55 %)	31 (31 %)	33 (25 %)
-то	1 (5 %)	8 (4 %)	5 (2,5 %)	22 (11 %)	24 (21 %)	31 (31 %)	47 (36 %)
всего	21	197	183	199	114	100	132

Эти результаты свидетельствуют о том, что степень сохранности системы с «правильным» употреблением *-от* при с именах м. р. им. и вин. п.

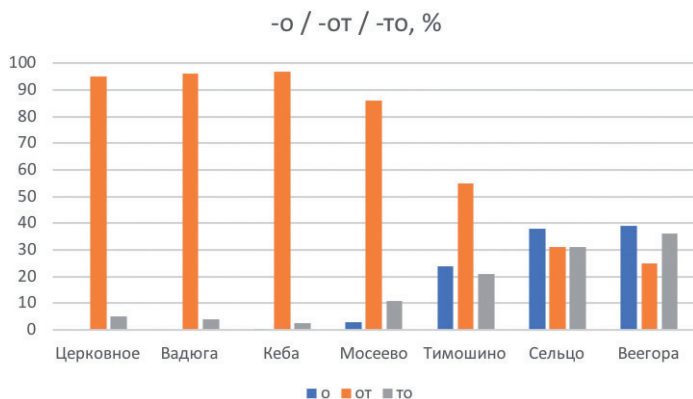

Рис. 1. Процентное соотношение форм на -о и форм с частицами -от, -то в архангельских говорах

Fig. 1. Percentage ratio of -o, -ot and -to forms in Arkhangel'sk dialects

уменьшается по направлению от говоров Церковного, Вадюги, Кебы к говорам Мосеева, Тимошина и Сельца-Веероры (на рисунке 1 — слева направо). В Церковном, Вадюге и Кебе отсутствие форм на -о сочетается с «правильным» употреблением постпозитивной частицы -от (в 95 %, 96 %, и 97 % всех случаев соответственно), в то время как в Веероре и Сельце, в которых формы на -о встречаются чаще всего, количество «правильных» -от уступает как числу форм на -о, так и количеству форм с -то и составляет всего 25 % и 31 % от общего числа соответственно. Говор д. Мосеево очень близок Церковному, Кебе и Вадюге: 86 % «правильных» форм на -от и 3 % случаев с -о, а говор Тимошина занимает в некотором смысле промежуточное положение: 55 % форм на -от и 24 % — с -о. Таким образом, можно утверждать, что чем больше в говоре примеров на -то вместо форм на -от, тем больше в нем и вариантов с конечным -о.

На основании этих данных можно сделать **выводы** о том, что

- количество вариантов с частицей -от явно связано с наличием/отсутствием форм на -о: доля первых значительно уменьшается при наличии последних;
- аналогичным образом, имеет место корреляция числа вариантов с частицей -то и наличием форм на -о: при увеличении доли первых возрастает и доля последних;
- наличие форм на -о явным образом коррелирует с наличием вариантов с частицей -то вместо -от; по-видимому, формы на -о появляются в случае разрушения исходной системы последовательного

употребления частицы *-от* (это может быть связано с тем фактом, что говоры Вадюги-Тиневы, Кебы и Мосеева являются более изолированными, чем говоры Тимошина, Сельца и Веегоры).

Все это свидетельствует о существовании определенной связи между формами на *-о* и формами с постпозитивными частицами и является аргументом в пользу гипотезы о происхождении форм на *-о* из форм с частицей *-от*.

В качестве одной из вероятных причин, способствовавших такому изменению, можно указать и на характер произношения вводной частицы *во*, в которой в говоре Сельца регулярно, а в Тимошине и Веегоре sporadически отсутствует начальный согласный, то есть ее звуковой облик полностью идентичен форме *-от* постпозитивной частицы (в отличие от говоров Вадюги, Церковного, Мосеева и Кебы): стремление снять омоимию может приводить к использованию вариантов без конечного [т] в постпозитивной частице.

Среди форм на *-о* встретился «немотивированный» случай глагольной словоформы *съемо*, где постпозитивной частицы как будто бы не ожидается, так что его можно рассматривать в качестве контраргумента гипотезе о возникновении форм на *-о* из форм на *-от*. Однако такой пример встретился только один (из общего числа 124) на более чем 16 часов звучания, кроме того, в исследованных говорах наблюдаются и глагольные формы с постпозитивной частицей *-то*, см., например, пример 87 в Приложении.

Укажем в заключение этого раздела, что формы существительных м. р. в им. и вин. п. ед. ч. без последующей частицы или форманта *-о* фиксируются в 7–8 раз чаще форм с *-о*, *-от*, *-то* (соответственно 697 против 100 в Сельце и 1074 против 132 в Веегоре). Таким образом, варианты с конечным *-о* встречаются один раз на 20–25 словоупотреблений с конечным согласным, поэтому предположение о том, что формы на *-о* являются нейтральными вариантами имен в им. и вин. п. (в отличие от форм с постпозитивными частицами), выглядит не очень убедительным, особенно в свете того, что с определенными фразовыми условиями, например положением в конце фразы или синтагмы, они явно не связаны: в этой позиции отмечено только около 20 % всех форм на *-о* (подробнее об этом см. ниже, в частности таблицы 2 и 4).

На **втором этапе** с целью ответа на вопрос о наличии фонетических факторов, которые могли бы способствовать изменению *дом-от* → *домо*, или отсутствию связи между формами на *-о* и формами с постпозитивной частицей из двух говоров с максимальной частотностью форм на *-о*

(Сельцо и Веегора) были выделены все слова с *-о* и все слова с частицей *-от* в контексте. Они приводятся в Приложении.

Формы на *-о* встречаются в обоих говорах у всех информантов с достаточной регулярностью — в среднем приблизительно один раз в десять-одиннадцать минут. Чуть реже (один раз в пятнадцать минут), но столь же регулярно фиксируются в Веегоре и Сельце формы с частицей *-от*. В речи большинства информантов оба варианта более или менее равновероятны, лишь в редких случаях преобладает какой-либо один (так, у НЕП1920 на 12 форм на *-о* приходится всего 2 случая с *-от*).

Одним из аргументов в пользу позднего происхождения форм на *-о* является высокая частотность новых для говора слов в таком оформлении: *барако, паёко, паёчеко, магазино, колхозо, пароходо, милиционеро, тракторо, совхозо, интернато, свиарнико, «Бурано», мотоцикло, заводо, трудоденё* и т. п.

Для того чтобы определить, существует ли какая-либо зависимость выбора той или иной формы от правого контекста, все примеры были разбиты на группы в зависимости от того, что следует за анализируемыми словоформами:

- пауза,
- гласный,
- щелевой согласный,
- смычный согласный,
- смычный согласный того же места образования,
- сочетание согласных (только для Веегоры, т. к. в Сельце встретился лишь один такой пример).

Щелевые согласные — это звуки, которые образуются вследствие существенного сужения (образования щели) в речевом тракте, вызывающего вихревой поток воздуха и, соответственно, фрикативный шум (например, [ш], [ф], [х], [с], [з]). Эти согласные обычно более или менее однородны на всем своем протяжении.

Обязательным условием произношения смычных согласных является полное смыкание артикулирующих органов (например, языка и зубов) в речевом тракте и запираение воздушного потока через рот. Эта фаза их произношения называется смычкой.

В зависимости от того, как преодолевается смычка, они подразделяются на:

- *взрывные* (например, [б], [т], [к]), при артикуляции которых за смычкой создается избыточное давление воздуха, которое приводит к резкому размыканию смычки (взрыву) и выдоху скопившегося воздуха (послевзрывная фаза), см. пример слева на рис. 2;

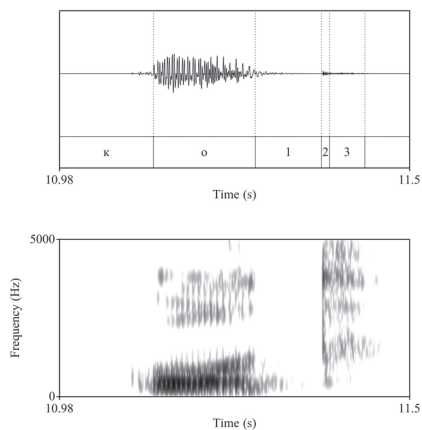

Рис. 2. Осциллограмма (вверху) и спектрограмма (внизу) слова *кот*: слева с размыканием смычки последнего согласного, а справа — без размыкания (имплозивного [т]); цифрой 1 обозначена фаза смычки, 2 — взрыв, 3 — послевзрывная фаза

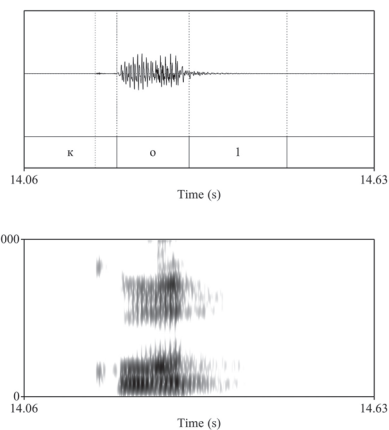

Fig. 2. Waveform (up) and spectrogram (bottom) of the word *kot*: with (left) and without (right) release of the final consonant. 1 = occlusion, 2 = burst, 3 = release

- *аффрикаты*, при артикуляции которых смычка переходит в щель (например, [ц] и [ч']);
- *носовые*, при произношении которых имеется смычка в ротовой полости, но часть воздуха может выходить через нос (например, [м], [н]).

Взрывные и носовые согласные, произнесенные без взрыва (то есть вообще без размыкания речевых органов, образующих смычку), называются **имплозивными** («неразомкнутыми») — так произносится, например, первый [т] в слове *оттолкнуть*.

На рисунке 2 приведены осциллограмма (вверху) и динамическая спектрограмма (внизу) двух произнесений слова *кот* — слева с размыканием смычки последнего согласного, а справа — без размыкания (имплозивного [т]); цифрой 1 обозначена фаза смычки (присутствующей в обоих случаях), цифрой 2 — взрыв, цифрой 3 — послевзрывная фаза разомкнутого согласного (слева). Характер взрывного согласного может зависеть от его положения во фразе [Halle, Hughes, Radley 1957]. В современном русском литературном языке в конце фразы перед паузой он может быть как разомкнутым, так и имплозивным, такова же ситуация в английском языке, в других языках в этой позиции может допускаться только один из вариантов: например, во французском только разомкнутый, а в корейском — только имплозивный [Lee 1993]. Перед гласными

взрывные согласные всегда разомкнуты, а перед согласным могут произноситься по-разному в зависимости от их степени близости по способу и месту образования. Для конечного в частице *-от* взрывного [т] вероятность имплозивного произнесения минимальна (практически нулевая) перед щелевыми и [р], значительно выше перед одинаковыми с [т] по способу образования смычными, отличными по месту образования [Davidson 2011], и максимальна (100 %) перед смычными того же места артикуляции (то есть гоморганными) — [т], [д], [н], [л], [ч] и соответствующими мягкими. Именно этим обстоятельством — степенью вероятности имплозивного произнесения — в настоящей работе было обусловлено выделение групп 1) — 6) по типу правого контекста форм с *-о* и *-от*: имплозивный характер согласного может способствовать его утрате, поскольку без взрыва смычка этого согласного может восприниматься как часть смычки последующего.

Общеизвестно, что распределение разных типов взрывных перед паузой может различаться по диалектам [Byrd 1992], именно такая ситуация наблюдается и в нашем материале: в общем случае в позиции конца синтагмы взрывные согласные в Веегоре реализуются с гораздо большим уровнем энергии взрыва и послевзрывной фазы, чем в Сельце.

Результаты распределения примеров по группам в зависимости от правого контекста (следующего звука или паузы) в д. **Сельцо** приведены в таблице 2 и на рисунке 3.

Таблица 2. Количество и процентное соотношение форм на *-о* и *-от* в зависимости от правого контекста в говоре д. Сельцо

Table 2. Total number and percentage ratio of *-o* and *-ot* forms as a function of the right phonetic context in Sel'tso dialect

правый контекст	<i>-о</i>	<i>-от</i>
пауза	15 (39 %)	15 (48 %)
гласный	0	4 (13 %)
щелевой	3 (8 %)	5 (16 %)
смычный	20 (53 %)	7 (23 %)
т, д, н, л, ч	11 (30 %)	1 (3 %)

Эти данные свидетельствуют о том, что в говоре Сельца формы на *-о* и на *-от* по-разному распределены в зависимости от того, что следует после них: первые преобладают перед смычным согласным, особенно гоморганным, вторые — перед гласным и щелевым согласным; в позиции

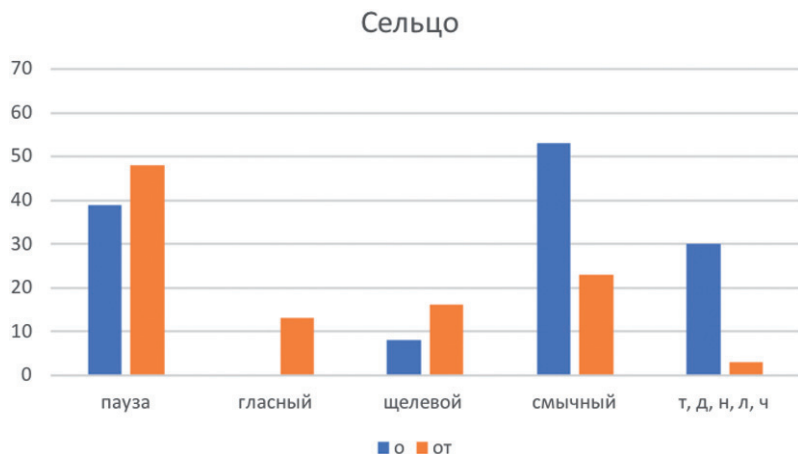

Рис. 3. Процентное соотношение форм на -о и -от в зависимости от правого контекста в говоре д. Сельцо

Fig. 3. Percentage ratio of -o and -ot forms as a function of the right phonetic context in Sel'tso dialect

перед паузой их употребление почти равновероятно. Этот тип распределения звуков по позициям можно охарактеризовать как разновидность орфоэпической прикрепленности [Каленчук 1993], а не фонетической обусловленности, при которой тот или иной звук встречается в определенной позиции всегда, без исключений. Необходимо отметить, что в конце фразы перед паузой согласный в частице *-от* зачастую произносится без взрыва, то есть является имплозивным; тем не менее, его наличие может быть в этом случае зафиксировано как на слух, так и инструментально — по происходящим в соседстве с ним изменениям гласного. Так, вторая форманта гласного [o] перед зубным [t], в том числе и имплозивным, повышается (см. спектрограмму слова *хлеб-от* на рис. 4), а перед паузой это повышение отсутствует (см. спектрограмму слова *домо* на том же рис. 4).

Как уже отмечалось, дополнительным материалом исследования служили записи из д. Тимошино Виноградовского района. Куст деревень под общим названием Тимошино (Заболотье, Семёновская, Тилкурья и др.) протянулся на 11 км вдоль Северной Двины в 100 км выше Сельца на противоположном (правом) берегу. Говоры этих деревень очень близки говору Сельца, отличия между ними крайне немногочисленны и незначительны.

Результаты распределения примеров по тем же группам в зависимости от правого контекста в д. **Тимошино** приведены в таблице 3 и на рисунке 5.

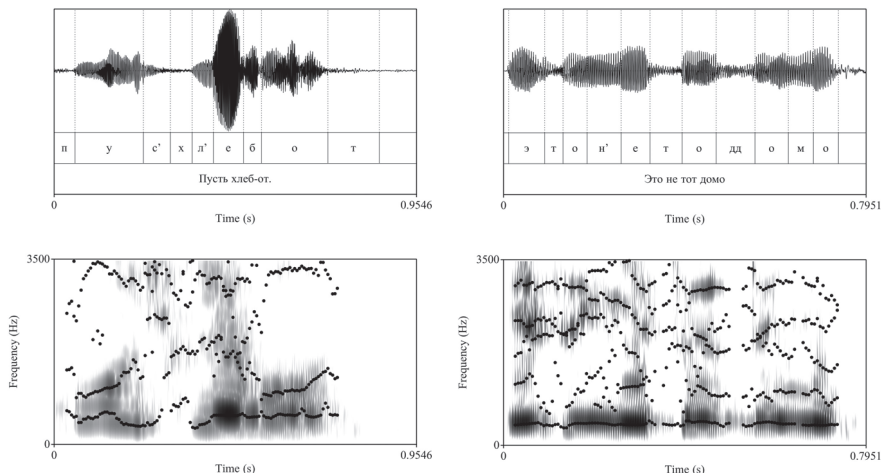

Рис. 4. Осциллограмма (вверху) и спектрограмма с формантными треками (внизу) отрезков *пусть хлеб-от* (д. Кеба, слева) и *Это не тот домо* (д. Сельцо, справа)

Fig. 4. Waveform (up) and spectrogram (bottom) of the segment *pust' khleb-ot* (Keba, left) and *Eto ne tot domo* (Sel'tso, right)

Таблица 3. Количество и процентное соотношение форм на -о и -от в зависимости от правого контекста в говоре д. Тимошино

Table 3. Total number and percentage ratio of -o and -ot forms as a function of the right phonetic context in Timoshino dialect

правый контекст	-о	-от
пауза	4 (15 %)	17 (27 %)
гласный	0	12 (19 %)
щелевой	4 (15 %)	15 (24 %)
смычный	19 (70 %)	19 (30 %)
т, д, н, л, ч	17 (63 %)	2 (3 %)
всего	27	63

На основании этих данных можно утверждать, что в говоре Тимошина наблюдается в целом та же картина, что и в близком ему во всех других отношениях говоре Сельца: формы на -о преобладают перед смычным согласным, особенно гоморганным, а формы на -от — перед гласным и щелевым согласным. Отличия между говорами заключаются в том, что, во-первых, в Тимошине формы на -о встречаются реже форм на -от:

Рис. 5. Процентное соотношение форм на -о и -от в зависимости от правого контекста в говоре д. Тимошино

Fig. 5. Percentage ratio of -o and -ot forms as a function of the right phonetic context in Timoshino dialect

27 против 63 (при 38/31 в Сельце за те же приблизительно 5 часов звучания); во-вторых, в позиции перед паузой в Тимошине преобладают формы с частицей *-от*.

Результаты распределения примеров по тем же группам в зависимости от правого контекста в д. **Веегора** приведены в таблице 4 и на рисунке 6.

Данные из Веегоры очень сходны с результатами, полученными на материале говора Сельца и Тимошина; они позволяют утверждать, что в говоре д. Веегора имена на -о и на -от также по-разному распределены в зависимости от наличия и типа следующего звука: формы на -о гораздо чаще встречаются перед смычным согласным, в том числе гомоганным, и перед сочетанием согласных, формы с -от — перед гласным, щелевым согласным и перед паузой. Основное отличие от ситуации, наблюдаемой в Сельце, заключается в том, что в Веегоре -от явно преобладает в положении перед паузой, это, однако, находится в полном соответствии с тем фактом, что взрывные согласные в пинежском говоре реализуются с гораздо большим уровнем энергии взрыва и послевзрывной фазы, чем в двинском.

Весьма примечательно, что в Веегоре наблюдается также вариативность в произношении отрицательной частицы *нет* (с конечным согласным или без него), причем распределение ее вариантов также зависит от правого контекста: перед паузой и гомоганным согласным существенно преобладает *не* (81 % из общего числа 166 случаев), перед гласным и негомоганным согласным — *нет* (78 %).

Таблица 4. Количество и процентное соотношение форм на *-о* и *-от* в зависимости от правого контекста в говоре д. Веерора

Table 4. Total number and percentage ratio of *-o* and *-ot* forms as a function of the right phonetic context in Veegora dialect

правый контекст	<i>-о</i>	<i>-от</i>
пауза	4 (7 %)	18 (55 %)
гласный	1 (2 %)	3 (9 %)
щелевой	12 (23 %)	9 (27 %)
смычный	35 (67 %)	3 (9 %)
т, д, н, л, ч	25 (48 %)	2 (6 %)
сочетание согласных	7 (13 %)	1 (3 %)

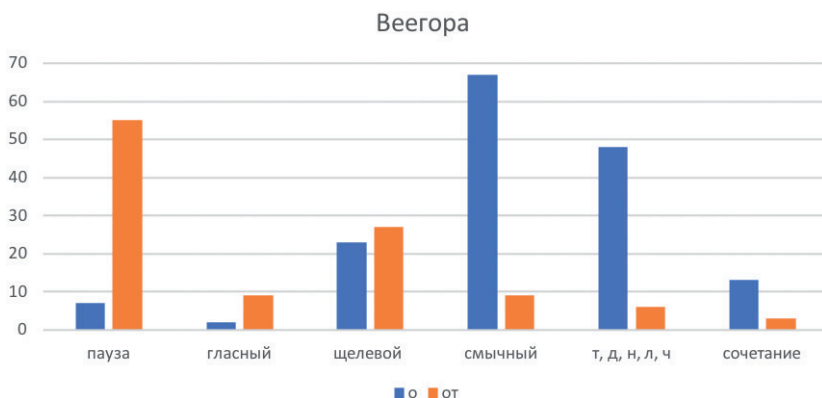

Рис. 6. Процентное соотношение форм на *-о* и *-от* в зависимости от правого контекста в говоре д. Веерора

Fig. 6. Percentage ratio of *-o* and *-ot* forms as a function of the right phonetic context in Veegora dialect

Еще три обстоятельства, связанные с употреблением анализируемых форм в Веероре, требуют, на наш взгляд, комментариев.

Во-первых, кроме форм на *-о*, *-от* и *-то* в этом говоре отмечаются и конструкции типа *телёнок тот* — (16), (58), (59). Конечно, они могут быть интерпретированы как сочетание существительного с указательным местоимением, но в свете данных о разрушении исходной системы согласования форм частицы *та/то/ту/ти/от* с именами есть основания полагать, что они представляют собой контаминацию форм *-то* и *-от*. К этим примерам примыкает и (66) *Конёк вот не сушили*.

Во-вторых, перед согласными [т] и [д] в говоре нередко встречаются примеры, которые затруднительно однозначно интерпретировать как формы на *-о* или *-от*, поскольку длительность соответствующего согласного превышает продолжительность одиночного, но не достигает длительности двойного, а взрыв у первого отсутствует (такие примеры были исключены из рассмотрения).

В-третьих, обращают на себя внимание примеры типа (27) и (43), в которых при повторе того же слова форма на *-о* в более полном произнесении (в случае более яркого фразового выделения) заменяется в речи информанта на форму с *-то* или с *-от*. К этим примерам примыкает (73), в котором формы на *-от* и на *-о* тоже встречаются в одной фразе, но в обратной последовательности — вследствие того, что первая находится перед паузой, а вторая — перед частицей *не*, начинающейся с гоморганного согласному [т] сонорного [н'].

Укажем, наконец, что в говоре д. Мосеево пять из шести отмеченных в нем примеров на *-о* зафиксированы в позиции перед звуками [т] или [д] в начале следующего слова.

Все эти факты полностью согласуются с предположением о том, что в процессе разрушения исходной системы согласования постпозитивной частицы с именами мужского рода формы на *-о* могли в прошлом возникнуть из форм на *-от*, первоначально, по-видимому, в позиции, где конечный согласный частицы произносился без взрыва. Этот процесс привел к наблюдаемой в настоящее время ситуации конкуренции форм на *-о*, *-от* и *-то*, которая, по всей вероятности, в дальнейшем приведет к все большему преобладанию форм с частицей *-то* в этой функции.

Итак, на основании изложенных выше фактов представляется возможным сформулировать следующие **выводы**:

- в исследованных говорах наблюдается явная **взаимозависимость форм на *-от* и на *-о***: доля первых значительно уменьшается при наличии последних;
- и в Сельце, и в Веегоре имеет место очевидная **тенденция к распределению форм на *-о* и на *-от* по фонетическим позициям** в зависимости от правого контекста;
- полученные в ходе настоящего исследования данные могут служить существенным аргументом в пользу **гипотезы о фонетическом развитии форм на *-о* из форм с *-от*** в прошлом (вероятно, начавшегося с положения *-от* перед смычным (гоморганным) согласным), что привело к разрушению «правильного» согласования вариантов частицы с именами мужского рода и заменой частицы *-от* более распространенной частицей *-то* в этих формах.

Приложение

Сплошная выборка форм на -о и -от в говорах дд. Веегора¹ и Сельцо. Информанты обозначены инициалами, цифры соответствуют году рождения (если он известен) и длительности соответствующей записи.

Веегора

ЛМИ1915, 55 мин

- 1) *А раньше-то ведь стирали-то, знаешь, щёлоку наделают, пепел-от.*
- 2) *Чёрный — свой-от ведь и житный, а тут, тут ржаной.*
- 3) *Хлеб-от чёрный за булку ели.*
- 4) *На шаньги крупно мололи: поставят жёрнов-от повыше, чтобы он, крупно чтобы бежало-то.*
- 5) *Ведь раньше дома мололи-то своё, свой был жёрнов-от.*
- 6) *А пекли **хлебо** сами тоже, дак тоже такая мутовка была ведь.*
- 7) *Пашка нонче сколько-то заловил зайков-то, Шаврин, Ульянин-от.*
- 8) *Где-то как-то делали, где-то брали вот их, бисер-от.*
- 9) ***Колхозо** ведь не даёт денег-то.*

НЕП1920, 80 мин

- 10) *Дак у нас и конюшня а, дак и телятник, **свинарники**, / скотный был...*
- 11) ***Мужико** молоко всё возил в Веегоры, там маслозавод был.*
- 12) *А потом-то (в) **колхозо** вступили, да.*
- 13) *Уехали, дак нас не отправили в лес, отправили лес заготавливать, мы радёхоньки хоть в лес-от.*
- 14) *а пожар-от был, на реку, говорят, головёшки летели.*
- 15) *В Шеймогоры этто за рекой у нас лесопункт был, лесу заготовил **отецо**, нарубил там, навозили мы.*
- 16) *Теленок **тот** остался.*
- 17) *а тут **плуго**, дак тут.*
- 18) *и тут **навозо**, надь удобрять и удобрять.*
- 19) *Ящик такой на ножках был, ящик. И тут **жёрново** там и снизу...*
- 20) *И тут **жёрново** подымут...*
- 21) ***Отецо** всё охотником был тоже.*
- 22) ***Валенко** то покажи.*

ШУИ1918, 35 мин

- 23) *в **лесо** пошла.*
- 24) *а этот **передоко** поставлен был только.*

¹ В выборку из Веегоры не включены данные, полученные от одного из информантов (ДТП1914), место рождения которого неизвестно, а также небольшая часть записей информантов РАА1919 и РИИ (всего около 40 мин. звучания) неудовлетворительного качества.

- 25) В Веегоры поставят сено, скосят **луго**, низ...
- 26) Луго обкосят, сено-то высушат да и смечут его.
- 27) — **Лесо** растёт хорошо экой вот. — Что растёт? — **Лес-то** растёт хорошо, говорю.
- 28) Там в Водогоры всё больше **лесо** был большой, дак и медведь-то ходил.

РИИ1915, 100 мин

- 29) Не один **мужико** ловил.
- 30) У нас дом-**от** не наш тепере.
- 31) Дак вот сапог-**от** и носил.
- 32) Ак вот там ведь без картошки лес-**от**.
- 33) А колхозо ста= **совхозо** стал, и вот я пошла пятьдесят четыре года.
- 34) Ну, в колхоз-**от**.
- 35) Сосед-**от** Оли-то.
- 36) — А как же Вы без света там? Чай как Вы пьёте? — **Чайо**? Самовар ведь есть этты.
- 37) **Пальнико** горелый. Лес-**от** сгорел, дак вот всё пальником звали.
- 38) Он там попросил, говорит: «У меня не работает, бабушка, дай телевизор-**от**».
- 39) И вот ему и дали телевизор-**от**, он и не ночевал.
- 40) Писали, писали там уж в **городо** всё, а ничего не выдали нам.
- 41) У нас этто вот **леснико** был.
- 42) Петька ей в **рото** запихал, она встала.
- 43) «**Бурано**» давно куплен, «Буран»-**от**.
- 44) «Буран»-**от** хошь купили.
- 45) **Мотоцикло** было нам надо, коров-то сдавали, мотоциклы вот покупали.
- 46) **Совхозо** стал, да хорошо зарабатывали.
- 47) **Пáренё** трактористом ведь был.
- 48) И всё тут оставили — казённый конь-**от**.

СКК1914, 45 мин

- 49) Выпустила его, а **дворо** большой.
- 50) Ну вот, сено поставили, потом подготовительные, стали **мохо** драть.
- 51) Да, мел-**от** этот, мел.
- 52) Жгали у полей-то, чтобы это дым-**от** / падал на зерно-то, чтобы не замерзло, колос.

РЕС1936, 60 мин

- 53) Мы от колхоза ездили в лес-**от**.
- 54) Я только слыхала, что лесники сеют тамотки **лесо** на вырубки-ти.
- 55) **мохо** белый ле, жёлтый ле...
- 56) Да, на **заводо** свезут, так масло собьют.

РАА1919, 90 мин

- 57) Не залезть мне на поезд-**от**.
- 58) Николай **тот** на квартиры.
- 59) Лён **тот** хороший был.
- 60) Колхоз платил-то, **колхозо** только. Носила я, а платил колхоз.
- 61) Это откуда рипс-**от** шёл?
- 62) Забыла, откуда он шёл, **рипсо**.
- 63) Баба-та да дедо, **тот** знали.
- 64) Но, я в **лесо** ходила.
- 65) Вот у нас **Валентино** держал кур-то.
- 66) Конёк **вот** не сушили.
- 67) Дак **годо** бывает и кажный.
- 68) Ак вот тут **переплёт**о тут, назывался оплень.
- 69) **Наволоко** — это чищенины, это по лывы идёт.

РУК, 90 мин

- 70) а тепере всё **народо** живёт хорошо-то как это уж.
- 71) война-то началась, холодный был сев-**от** (импл.).
- 72) Ну дак вот трактор-**от**, холодно, он свои валенки ещё трактористу отдал...
- 73) А раньше в лес, вот в экой лес сгонят и там и ходят скот-**от** / там и пастухи где-то бродят. А теперь в лесу-то всё заросло, **ското** не ходит дак.
- 74) Этот **веко** самый такой нынче ведь стал.
- 75) и вот зять-**от**, зять воевал, а **свато** тот так уехал.
- 76) Все цветки-то съели, **мохо** весь.
- 77) дак вот встали за стол-от со сватьей-то.
- 78) Первый **дёнё** ночью гуляют.
- 79) Теперь нечего на **празднико**, теперь каждый день праздник. Теперь нечего на **празднико** ладить.
- 80) Мужики тут были, наверное, Павел да, кто их, **Кирилло** да.
- 81) — А кто ходил в повойниках-то — и девки молодые, нет? — А как выйдут **замужо** дак.
- 82) А тепере вот лес-**от** / несёт. Видели на реки-то?

НИМ, 30 мин

- 83) Кто много наловит, перепускают, продают, на праздник-**от**.
- 84) Сколько там соток надь **трудоде́нё**.
- 85) Агитируют учителя и все, чтобы обязательно все в **совхозо** да по деревьям.

АС, 50 мин

- 86) Где как он мужик-**от** ездит.
- 87) Там ведь грязь, идти-то-то.
- 88) Всё **мужико**!
- 89) А что? Умру — один **чёрто**!

Сельцо

ГОИ1912, 60 мин

- 90) сестра **домо**-то продала.
- 91) а повезли, дак он [] и попал, **милиционеро**.
- 92) всё это, какой **паёко** получишь, да всё ему, всё ему.
- 93) У меня **па́ренё** был тогда, какие-то ребята были и он дак. А тут все ходят, все ездят в этот **домо**, ездили.
- 94) Мяконькой **хлебо**.
- 95) Бабка-то жила, а сгорел **домо**.
- 96) одного-то на войне убили, **другойо** ну вот, не знаю, тоже где-то в [] жил.
- 97) Котище был, котиня такой хороший эттако, **чёрныйо** дак.
- 98) и тут **тракторо**, дак то дорога-то сбита, трактор ходил по лесам, но.
- 99) что ты, говорит, бродишь, съедят тебя кабаны, я говорю: «Я них **съемо**».
- 100) Никакого креста нету; видко, что **кресто** был, а взяли.
- 101) Ак там в [] да туды домик-**от** маленькой.
- 102) У нас эттака бригада была, выстроит, так и несёт лес-**от**.
- 103) иду, того дошла, а там всё лесом-то, не низ-**от**.
- 104) Бабушка дала каравашечек, у ней еще хлеб-**от** был.

БМС1910, 30 мин

- 105) О, в **лесо**, рубить-то, когда война-то была, дак тогда.
- 106) это не тот **домо**, который я жила, с родителями-то.
- 107) Это что хоть — давно ли **домо**?
- 108) Нет, у нас **хлебо** ничего.
- 109) А дом-**от**, я помню, как он строен, помню.
- 110) А мох-**от** белый-**от** этот засушим да, дак натолкём да там.

111) Ну и сор-**от** чтобы высеять, решетом наподсеваешь, всё чтобы чисто было.

112) дубец-**от** / привяжут там.

ЛАВ1914, 90 мин

113) Дак вот и **кресто** / затрещал, загорел, осколки-то полетели.

114) А ведь **совхозо** тоже этого не хочет, что гнильё-то.

115) Сестра-то умерла, **брато** (в) Березнике в милиции работает.

116) всего да насушим, да дают **паёчеко** / ячмень с торичкой.

117) А **само** на калаче спасся, приплыл.

118) дак сидим на палубе — тишина-то, **пароходо** хороший, тот уто-нул дак.

119) Такой **возо** навалят, дак, думаешь, на веку не сползти.

120) Но и, раньше в **барако** набьёт людей, одна печка.

121) вот хоть так **матерьяло** тоже ткут ведь.

122) Она говорит: «Настя, давай выпрягай **плуго**».

123) пошли, а **мосто**, / господи, высокой, их, вишь, отнесло под **мосто** пьяных, а выползти-то не могут.

124) А если рабочим? Откуда **паёко** выделишь?

125) Да. Что, из Москвы нам будут возить-то **хлебо**?

126) Ой! Сначала церковь-то горела, а вторая-то церковь — очень высоко крест-**от**.

127) На низенькой-то я не знаю, кабыть был еще крест-**от**.

128) дядя ест, а прямо тут у бабы-то дом-**от**.

129) Но, вот сын-**от** у меня на большой-то карточке.

130) А кусочек-**от** уж мама, свекрова тут была дак...

131) такие же на вид-**от** тоже, только серые.

132) Фёдор-**от** приехал, да всё-то всё прибрал да убрал да.

133) Думаю, как улечу, дак мне уж всё тут. Да и какой-то конь-**от** послушный.

134) в конюшне-то приехала, Василий, конюх-**от**: / «Но-ко, Настя, ты откуда?»

135) тогды еще был расстрел-**от** / не запрещён, ак его вывели на площадь, да и застрелили.

136) а на деревню-ту как будто задом дом-**от** был.

137) Двухэтажный был дом-**от**...

138) Вот скажут, вот где хлеб-**от** оставляете.

139) Вспашешь да заборонишь да глызки выбьешь да кончики изладишь, а но и найдёшь конец-**от**.

ММЛ1914, 120 мин

- 140) там где, этого, **магазино**, дак вот тут.
141) Дак **мужи́ко** привёз ей.
142) Ныне смелый **на́родо** пошёл. Отчаянный.
143) Вот цыганы-то поехали, цыганёнков-то посадили в повозку-то, **ко́нё** как начал фу́рить, да все цыганёнки вылетели. Вот оне и пришли, коня **опусти́ли** обратно этого.
144) Да тут далеко́нько туда в **лесо** так.
145) Я как сюда первый-то год пришла жить-то, замуж-то, дак возле бережок **пароходо** ходил.
146) а всё равно **интернато** дальше там, дак далёко.
147) раньше всё пешком бегали в **Березнико**.
148) Не, Серёжка-то тот лучше, брат-**от**.
149) Сват-**от** вот год будет зимой-то как помер...
150) Любке-то сын-**от** Юрка-то дак.
151) да сколько раз постоят, молебен-**то** почитают.
152) дак она и сейчас о́стов-**то** стоит, тоже белая, каменная, большая тоже мельница.
153) на песни-то ездили, в Березник-**от**.
154) она и стоит, о́стов-то один-**от**.
155) украинец был, мужик-**от**.
156) А бат и год-**от** и не проживёшь, правда?
157) А рядом-то тут дом-**от**.
158) и по вечерёнкам бегали, куделю пряли, лён-**от** вот, да всё.

Источники

Князев С. В. Корпус говоров бассейна Верхней Пинеги и Выи. 2021. Москва: Международная лаборатория языковой конвергенции НИУ ВШЭ [Электронный ресурс]. URL: <http://lingconlab.ru/vaduga/> (дата обращения: 21.09.2022).

Князев С. В. Корпус говора села Кеба. 2022а. Москва: Международная лаборатория языковой конвергенции, НИУ ВШЭ [Электронный ресурс]. URL: <http://lingconlab.ru/keba> (дата обращения: 01.09.2022).

Князев С. В. Корпус говора села Церковное. 2022б. Москва: Международная лаборатория языковой конвергенции, НИУ ВШЭ [Электронный ресурс]. URL: <http://lingconlab.ru/tserkovnoe/> (дата обращения: 18.09.2022).

Князев С. В. Корпус говора Средней Пёзы. 2022в. Москва: Международная лаборатория языковой конвергенции, НИУ ВШЭ [Электронный ресурс]. URL: <http://lingconlab.ru/pyoza> (дата обращения: 03.10.2022).

Князев С. В. Корпус говоров среднего течения Северной Двины. 2023. Москва: Международная лаборатория языковой конвергенции, НИУ ВШЭ [Электронный ресурс]. URL: <http://lingconlab.ru/dvina> (дата обращения: 16.01.2023).

Литература

- Каленчук М. Л. О фонетической обусловленности и орфоэпической прикреплённости // Проблемы фонетики I. М.: Наука, 1993. С. 67–75.
- Касаткин Л. Л. Гласные звуки на конце слова в современных севернорусских говорах на месте редуцированных гласных древнерусского языка // *Русистика. Славистика. Индоевропеистика: Сборник к 60-летию Андрея Анатольевича Зализняка*. М.: Издательство «Индрик», 1996. С. 243–255.
- Крысько В. Б. Общеславянские и древненовгородские формы Nom. Sg. masc. *о-склонения // *Russian Linguistics*, 1993, no. 17. С. 119–196.
- Кузнецов П. С. Русская диалектология. М., Просвещение, 1960.
- Пожарицкая С. К. Русская диалектология. М.: Изд-во МГУ, 1997.
- Byrd D. Preliminary results on speaker-dependent variation in the TIMIT database // *J. acoust. Soc. Am.*, 1992, no. 92. С. 593–596.
- Davidson L. Characteristics of stop release in American English spontaneous speech. *Speech Communication*, 2011, no. 53. С. 1042–1058.
- Halle M., Hughes G.W., Radley J.-P. Acoustic properties of stop consonant // *J. acoust. Soc. Am.*, 1957, no. 29. С. 107–116.
- Lee H. B. Korean // *J. Int. Phonet. Assoc.*, 1993, no. 23. С. 25–28.

References

- Byrd D. Preliminary results on speaker-dependent variation in the TIMIT database. *J. acoust. Soc. Am.*, 1992, no. 92, pp. 593–596.
- Davidson L. Characteristics of stop release in American English spontaneous speech. *Speech Communication*, 2011, no. 53, pp. 1042–1058.
- Halle M., Hughes G.W., Radley J.-P. Acoustic properties of stop consonant. *J. acoust. Soc. Am.*, 1957, no. 29, pp. 107–116.
- Kalenchuk M. L. O foneticheskoy obuslovlennosti i orfoepicheskoy prikrepennosti [On the phonetic conditioning and orthoepic attachment]. Problemy fonetiki [Problems of phonetics]. Moscow, Nauka Publ., 1993, pp. 67–75. (In Russ.)
- Kasatkin L. L. Glasnye zvuki na kontse slova v sovremennykh severnorusskikh govorakh na meste redutsirovannykh glasnykh drevnerusskogo yazyka [Word-final vowels in modern

North-Russian dialects representing reduced vowels in Old Russian]. *Rusistika. Slavistika. Indoeuropeistika* [Russian, Slavic and Indo-European Studies]. Moscow, Indrik Publ., 1996, pp. 243–255. (In Russ.)

Krys'ko V.B. Obshchесlavjanskіe і drevnenovgorodskie formy Nom. Sg. masc. *o-skloneniya [The common Slavic and Old Novgorod forms of the Nom. Sg. masc. of the *o-declension]. *Russian Linguistics*, 1993, 17, pp. 119–196. (In Russ.)

Kuznetsov P. S. Russkaya dialektologiya [Russian dialectology]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1960.

Lee H.B. Korean. *J. Int. Phonet. Assoc.*, 1993, no. 23, pp. 25–28.

Pozharitskaya S.K. Russkaya dialektologiya [Russian dialectology]. Moscow, Moscow State University Publ., 1997.

Параязык в текстах

Григорий Ефимович Крейдлин, Российский государственный гуманитарный университет
(Россия, Москва), gekr@iitp.ru

Елена Яковлевна Шмелева, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Россия, Москва), eshkind@mail.ru

DOI: 10.31857/S013161170024705-4

аннотация: Наряду с естественным языком в актах устной коммуникации принимают участие невербальные знаки разной природы, в частности параязыковые знаки. В настоящей работе описываются особенности употребления и функции русских параязыковых единиц в разного рода текстах. Особое внимание уделяется русским анекдотам, в которых эти единицы являются ключом к природе комического.

Анализируются случаи имитации невербальными единицами патологий произношения, а также этнические, социальные, профессиональные и иные особенности коммуникативного поведения людей. Отмечаются некоторые функции параязыковых единиц, а именно быть заместителями табуированных речевых единиц, обозначать те или иные реально совершаемые действия, имитировать особенности произношения и др.

Особое внимание обращается на форму, значение и употребление в текстах параязыковых единиц. Некоторым параязыковым единицам даны толкования, описываются сферы употребления отдельных единиц в текстах разных типов. Отмечены синтаксические роли параязыковых единиц в предложениях, а также в текстах, больших, чем предложения, прежде всего в диалогах.

Лексика параязыка относится к разряду так называемых сигналятивов, которые не выражают пропозиции, а являются лишь сигналами эмоций человека или маркерами его мыслительной деятельности.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: русские параязыковые лексические единицы, текст, анекдот, функции, сигналятивы

для цитирования: Крейдлин Г. Е., Шмелева Е. Я. Параязык в текстах // Русская речь. 2023. № 1. С. 45–65. DOI: 10.31857/S013161170024705-4.

Issues of Modern Russian Language

Paralanguage in Natural Language Texts

Grigorii E. Kreidlin, Russian State University for the Humanities (Russia, Moscow), 1gekr@iitp.ru

Elena Ya. Shmeleva, Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences (Russia, Moscow), 2eshkind@mail.ru

ABSTRACT: In oral communication natural language is always combined with nonverbal signs of various nature, in particular paralanguage signs. The present paper describes usages and functions of lexical paralanguage units in Russian texts, mainly texts of anecdotes, where these units serve as a key to comic effect.

The article analyzes examples of nonverbal imitation of speech pathology and ethnic, social, professional and other peculiarities of human communicative behavior. The paper describes some functions of paralinguistic signs such as their ability to imitate specific acts of pronunciation, to substitute taboo speech units or to denote other real actions.

The authors pay attention to the form, meaning and usage of paralanguage units in Russian. Some of the units regarded are supplied with semantic descriptions and with descriptions of spheres of their usage. The article establishes syntactic function of paralanguage units in dialogues.

Paralinguistic units constitute the class of so-called signalatives, which do not denote propositions but indicate peoples' emotions or their mental activity

KEYWORDS: Russian paralinguistic lexical units, text, anecdote, functions, signalatives

FOR CITATION: Kreidlin G. E., Shmeleva E. Ya. Paralanguage in Natural Language Texts. Russian Speech = Russkaya Rech'. 2023. No. 1. Pp. 45–65. DOI: 10.31857/S013161170024705-4.

Исследовательский материал и постановка задачи

Параязык сравнительно недавно стал предметом изучения лингвистов и семиотиков, причем проблемы, связанные с параязыком, в основном изучаются на примере повседневных языковых текстов. Выделяются три основные категории параязыковых лексических единиц. Это:

- 1) одиночные звуки и последовательности звуков, которые не принадлежат естественному языку, но которые в конкретном акте коммуникации могут означаться (семиотизироваться), то есть приобретать значение. Примерами таких единиц являются последовательности *трах-тибидох-тох-тох*, *а-а-а* со значением 'торжество', употребляемое взрослым в игре с детьми (ср. сочетание: *А-а-а! Попался!*), единицы, имитирующие производимый поцелуй, и др. См. также шуточный текст, в котором с помощью параязыковых единиц — перевертышей — обыгрывается встречное направление движения: *Один идет: чап-чап-чап. Навстречу другой: пач-пач-пач.*

Некоторые из таких последовательностей, например *бац*, *ш-ш-ш* стали конвенциональными языковыми единицами и даже получили отражение в некоторых новых словарях (ср. «Толковый словарь русской разговорной речи» [Крысин (ред.) 2014–2022], «Большой толковый словарь» [Кузнецов (ред.) 2014]).

Описание значений, которые некоторые из подобных единиц приобретают в контекстах, главным образом в диалогических, а также возможности разного произношения таких единиц, случаи их различного написания и типы синтаксических конструкций, в которых эти единицы встречаются, будут рассмотрены ниже;

- 2) фонации, под которыми понимаются изменения звучания традиционных звуков речи или отдельных звуков параязыка. Фонации имеют место вследствие изменений разных параметров речи, таких как тембр, скорость, частота, а также вследствие изменения мелодики интоном, интенсивности звуков, длительности пауз и слогов¹. Кроме того, речевые и параречевые единицы могут меняться

¹ Фонациям посвящены многие работы С. В. Кодзасова, см., например, [Кодзасов 2000].

в зависимости от места происхождения, от этнической, национальной или социальной принадлежности говорящего. Примерами таких изменений могут служить имитация в анекдотах замедленной речи эстонцев, особый тембр речи так называемых «новых русских» или подражание в анекдотах речи техасцев.

- 3) Лингвокультурологические комплексы, такие как стоны, смех, крик, плач, или комплексы так называемых инструментальных звуков, то есть звуков, сопровождающих те или иные действия, и их языковые обозначения. Отметим, что звуки смеха, отображаемые на письме как *хи-хи-хи*, не такие же, как звуки смеха *ха-ха-ха* или *гы-гы-гы*. Точно так же крик человека, заблудившегося в лесу и зовущего «своего», не такой, как крик человека, находящегося в городе и зовущего на помощь. Все перечисленные различия между параязыковыми элементами, являются смысловыми.

Примером текста, построенного на отображении звуков, различающих разные лингвокультурологические комплексы, служит анекдот: *Твой сын идет в воду и бац. — Не бац, а бултых, потому что он глубоко зашел.*

Многие из лингвокультурологических комплексов выделяются и описываются как отдельные лексические единицы паралингвистики — науки, изучающей параязык, точнее параязыки, соответствующие разным иностранным языкам. Многие такие единицы служат важными диагностическими маркерами, позволяющими судить о патологии человека или его телесных объектов (ср., например, речь заикающегося русского человека или речь англичанина-дистрофика), о климатических факторах или о месте проживания человека (ср. такие особенности речи, как картавость или необычная длительность речи некоторых народов Севера России, находящие отражение и в соответствующих анекдотах).

Особое место в текстах занимают параязыковые единицы, которые лингвистика относит к *звукоподражаниям*. Есть даже тексты, в которых звукоподражания имитируют звучание отдельных предметов, множества сопоставимых предметов или каких-то признаков предметов. Ср., например, детский стишок:

Бьют часы на башне: тик-так, тик-так.

А стенные поскорее: тики-таки, тики-таки-так.

А карманные спешат: тики-таки, тики-таки, тики-таки-так.

В этом стихотворении размеры часов и скорость их биения иконически отображаются в последовательностях звучания — в длине и характере звуков.

Исследования параязыков многих народов и культур показали, что в текстах разного типа одна и та же параязыковая единица может обладать своими особенностями. Впрочем, систематического исследования значений и употреблений параязыковых единиц в текстах разных культур, насколько нам известно, до настоящего времени не проводилось.

Целью настоящей работы является описание поведения некоторых семантических и синтаксических параязыковых единиц и типов параязыковых единиц в русских текстах, главным образом в анекдотах. Материал текстов анекдотов был выбран нами потому, что анекдоты, с одной стороны, имитируют живую речь носителей языка, а с другой стороны, подчеркивают и юмористически обыгрывают особенности использования параязыка людьми разных этносов, социальных слоев, профессий и индивидуальные характеристики носителей данного языка.

Параязык как элемент «ненастоящего» языка часто употребляется в особых целях. В анекдотах, например, он может служить цели отображения ненормативного, непolitкорректного или попросту неприличного поведения, и такое его употребление часто является солью соответствующего анекдота.

Обратим внимание на некоторые роли и функции параязыковых единиц, которые ранее системно не описывались. Это их анафорическое употребление, это эвфемистическая функция — параязыковые единицы, как и речевые, заменяют в текстах, в том числе в текстах анекдотов, табуированную лексику² — или роль параязыковых единиц как заместителей семантически однозначных имен, то есть употребление этих единиц в роли особого рода номинатива, ср., например, в коротком анекдоте (1) такой ролью обладает второе вхождение параязыковой последовательности *брр*, которая замещает однозначное языковое имя:

(1) *Просыпаюсь утром: брр. Смотрю, брр тоже проснулась.*

Далее в статье мы остановимся на примерах имитации параязыковыми единицами патологий произношения, на этнических, социальных, профессиональных и иных особенностях речевого поведения людей. При этом мы покажем, что некоторые параязыковые единицы отображают определенные характеристики действий и состояний — скорость, направление, интенсивность, длительность, инструмент и др.

Каждый текст, который далее приводится в статье, сопровождается лингвистическим и, шире, семиотическим комментарием.

² Сами параязыковые звучания тоже могут восприниматься как неприличные, и многие авторы их заменяют эвфемистическими звуками или последовательностями звуков. К таким звукам относятся, например, звуки, отображающие «жизнь тела», или незаконченные неприличные слова, от которых остаются только начальные последовательности соответствующих звуков.

§1. Тексты с неприличным содержанием

Начнем анализ, как это читателю ни покажется странным, с неприличных анекдотов. Дело в том, что именно в таких анекдотах параязыковые единицы функционируют как эвфемизмы, заменяя полнозначную табуированную лексику (обычно это обозначения половых органов или связанных с ними объектов), либо как анафорические элементы, отсылающие к полнозначным языковым единицам. В неприличных анекдотах широко применяются лингвокультурологически значимые звуковые комплексы, такие как звуки смеха. См. следующий анекдот:

- (2) *На лекции в медицинском институте. Профессор: — Какой орган человеческого тела при возбуждении увеличивается в четыре раза? Студентки в первом ряду: — Хи-хи! Профессор возмущенно: — Неверно, это зрачок. А ваше «хи-хи», девушки, только в два раза.*

Параязыковая последовательность *хи-хи* имеет несколько значений, и в (1) она обозначает ‘кокетливый смешок’. Профессор знает причину, по которой последовал такой смешок студенток. Фактически сама лексика вопроса ведет к невербальной (параязыковой) реакции. Действительно, и слово *орган* в вопросе, одно из значений которого — ‘мужской половой орган’, и прямое указание на свойство соответствующего органа — увеличение его в размерах при возбуждении — вызывают «неприличные» ассоциации.

Ответ профессора — *зрачок*, — который он считает правильным, на самом деле, крайне странный, поскольку словом *зрачок* не называется орган человеческого тела. Зрачок — это часть глаза, а *органом* называют соматический, или телесный, объект по его функции. Например, глаза — это орган зрения и при этом часть лица, уши — это орган слуха и при этом часть головы.

Рассмотрим еще один неприличный анекдот с последовательностью звуков, обозначающих смех:

- (3) *Настоятельница монастыря собрала монашек. «Я должна сообщить вам, сестры, ужасное известие. Наш монастырь посетил мужчина!» Все монашки разом: «А-ах!» А один голос: «Хи-хи-хи!» «В нашем саду обнаружен презерватив», — продолжает настоятельница. Все: «А-ах!» А один голос: «Хи-хи-хи!» «В презервативе обнаружена дырка!» Все: «Хи-хи-хи!» А один голос: «А-ах!»*

В этом анекдоте встречается несколько параязыковых единиц. Во-первых, это единица *а-ах*, два значения которой обыгрываются в анекдоте. Первое значение (лексема *а-ах*¹) — это возглас восторженного удивления, сопровождаемого выдохом; при этом длительность выдоха подчеркива-

ется комплексом *а-а*. Второе значение (лексема *а-ах²*) — это выражение горького сожаления.

Общим для обеих лексем является, во-первых, семантический элемент ‘выдох’, а во-вторых, использование двух параязыковых единиц в одной и той же ситуации в роли заместителей. Антецедентом во всех случаях является намекаемая, а не обозначаемая неприличная ситуация, субъектом которой является мужчина.

В том же анекдоте есть еще одна параязыковая единица *хи-хи-хи*, которая тоже имеет по меньшей мере два значения, и в обоих значениях используется в анекдоте.

Первое значение (лексема *хи-хи-хи¹*) — это обозначение звуков довольного смеха женщины, которая знает о посещении женского монастыря мужчиной. У этой лексемы есть и другое употребление — редуцированное. В редуцированном употреблении (второе вхождение той же лексемы) семантического компонента довольного смеха нет; в этом употреблении актуализуется семантический компонент знания.

У единицы *хи-хи-хи* есть еще одно значение, более сложно организованное (лексема *хи-хи-хи²*). В толковании этой лексемы содержится предсуппозиция, которая отражает тот факт, что ранее произошло некоторое неприличное событие, связанное с поведением одной из монашек и могущее иметь для нее неприятные последствия. Ассерцию же составляет злорадное понимание этого факта другими монашками.

Подчеркнем попутно, что длина последовательностей *хи-хи* и *хи-хи-хи* соответствует различию в значениях слов *смешок* и *смех*.

Общим для приведенных двух текстов с параязыковыми последовательностями является явно выраженный в этих последовательностях компонент оценки, — в одних случаях носящих характер уничижительности, в других — злорадства, в третьих — насмешки. Типология оценок, закрепленных за параязыковыми единицами и проявляющихся в текстах разных жанров, никогда ранее не изучалась.

Вот еще несколько неприличных текстов с теми же параязыковыми единицами:

- (4) *Приходит ежик в аптеку, а там две белочки-аптекариши. Он сурово так заказывает: «Мне девяносто презервативов». Белочки: «Хи-хи-хи!» Ежик: «Девяносто два!!!»*

В тексте (4), как и в (3), встречается параязыковая единица *хи-хи-хи*, которая является реакцией на чрезмерно большое количество покупаемых презервативов. Соль этого анекдота — в заключительной фразе: ёжик подчеркивает, что все заказанные им презервативы, и даже на два больше, будут использованы.

(5) *Урок в грузинской школе.*

— *Дэти, что у меня ныжэ пупа, вишэ калэна?*

— *Хи-хи-хи, ха-ха-ха!*

— *Неправильно, дэти! Ныжэ пупа, више калэна у мэня КЫНЖАЛ! А то, что хи-хи-хи-ха-ха-ха, — у мэня ныже калэна!*

Обычный ответ на вопрос о том, что находится между двумя телесными объектами, относительно близко расположенными друг от друга, предполагает ответ тоже в виде некоторого телесного объекта, и в этом анекдоте подразумевается мужской половой орган. Именно этот подразумеваемый объект и вызвал смешки учеников — *хи-хи-хи* да *ха-ха-ха*.

Ответ учителя не соответствует вопросу: *кынжал* не является телесным объектом.

Здесь интересно то, что параязыковые последовательности *хи-хи-хи* и *ха-ха-ха* функционируют во многих текстах подобно местоименным заместителям. Эта синтаксическая функция указанных единиц отмечена в соответствующих словарных статьях ТСРР [Крысин (ред.) 2022].

Представляется очевидным, что изучение всех функций и синтаксических ролей параязыковых единиц в разного вида текстах должно стать предметом отдельного исследования.

§2. Тексты с параязыковыми заместителями табуированных речевых единиц

Существуют параязыковые единицы, такие как *ёклмн*, *ёпрст*, *ё-моё*, которые в текстах заменяют табуированные слова или последовательности слов. Кроме того, заместителями табуированных слов могут быть их начальные части, см., например, единицы *б*, *б-л*, *х* и под. Такие параязыковые единицы встречаются, в частности, в анекдотах:

(6) *Вовочка: «Ёпрст». Машенька: «Ёклмн».*

Учительница Марь Иванна: «Неправильно, дети! Нужно говорить Ё-ж-з-и-й».

Здесь дети произносят последовательности букв, которые являются очевидными аналогами матерных выражений, а учительница думает, что ученики просто путают порядок букв в алфавите. На основе этой коллизии и создается анекдот.

(7) *Входят Никулин, Вицин и Моргунов в автобус. Первым идет Бывалый (актер Никулин) и говорит водителю: «КГБ». Затем проходит Балбес (Моргунов) и говорит: «МВД». Трус (Вицин), не понимая, что нужно*

говорить, произносит первое, что пришло ему на ум: «АБВГД». Водитель удивился, но думает, наверно, это что-то значит, отвечает: «ЁПРСТ, проходи!»

КГБ и МВД — это общеизвестные сокращения названий организаций, сотрудники которых пользуются всяческими привилегиями, включая право на бесплатный проезд. Трус не понимает значения этих аббревиатур и произносит последовательность первых букв алфавита. Реакция водителя автобуса — это, по сути, объединение двух значений параязыковой единицы *ёпрст*, а именно последовательности русских букв и заместителя матерного выражения.

(8) *Учительница в классе.*

— *Дети, кто знает слово на букву «х»?*

Вовочка тянет руку.

— *Нет, Вовочка, ты еще за «б» родителей в школу не привел.*

В этом тексте в качестве параязыковых единиц выступают начальные буквы матерных слов. Известный герой серии русских анекдотов Вовочка всегда произносит что-то ненормативное и чаще всего обценное. Поэтому учительница боится, что Вовочка произнесет вслух что-то явно неподходящее, то есть то, что другие ученики не должны слышать. Сама учительница прекрасно знает скрываемые за этими буквами матерные слова, кроме того, их знают и адресаты этого анекдота. Можно отметить, что здесь параязыковые единицы в виде начальных букв неприличных русских слов играют роль заместителей самих слов.

§3. Тексты, в которых параязыковые единицы обозначают реально совершаемые действия

Среди параязыковых единиц, обозначающих совершаемые действия, много таких, которые относятся к звукоподражаниям. В качестве примера таких единиц можно привести звуки (вместе с их графическими обозначениями), которые сопровождают вход в дом. При входе в дом люди *стучат, колотят, дубасят (в дверь) или звонят, названивают, трезвонят*, и все эти действия сопровождаются звуками стука, звонков и т. д.

На наш взгляд, в лексикографическом представлении этих и подобных глаголов необходимо указывать типовые звуки, сопровождающие соответствующие действия. К сожалению, лингвисты уделяют мало внимания параязыку, а между тем без упоминания параязыковых единиц словарное описание многих слов будет неполным или неточным. Больше того, в лексикографическое представление входов в толковые словари языка следует ввести отдельную зону, в которой бы указывались параязыковые

единицы, соотносимые с данной вокабулой, лексемой или фраземой. Заметим попутно, что жесты, сопровождающие данное слово, тоже заслуживают отдельного упоминания в толкованиях. Например, слово *да* может сопровождаться кивком или закрытием и открытием глаз, а слово *нет* — мотанием головы из стороны в сторону.

Глаголы стука различаются по степени интенсивности, которая связана с телесным объектом, производящим звук. Например, люди *стучат* обычно костяшками пальцев, отчего звук обладает относительно слабой интенсивностью; *колотят* — кулаком, и, конечно, звук при этом более сильный; наконец, *дубасить* в дверь можно и ногами, в этом случае сила звука максимальная. Здесь имена телесных единиц *костяшки пальцев*, *кулак* и *ноги* заполняют валентность инструмента соответствующих глаголов.

Параязыковыми заместителями глагола *стучать* являются последовательности *тук-тук* и *тук-тук-тук*. Как и в последовательностях звуков, обозначающих смешки и смех (*хи-хи*, *хи-хи-хи*), число элементов в последовательностях, отображающих стук, значимо. Иными словами, в параязыковых единицах могут иконически отображаться элементы смысла — в данном случае продолжительность стука. В свою очередь, продолжительность стука связана с эмоционально-оценочными смысловыми компонентами, такими как 'робость' (*тук-тук*), 'решительность' (*тук-тук-тук*) и 'раздражительность' (*тут-тук-тук-тук*).

Рассмотрим еще одну группу глаголов, обозначающих разные виды звонков в дверь. Самый нейтральный из них — это глагол *звонить*. Обратим внимание читателя на то, что действие *звонить в дверь*, хотя и связано со звуком, но совсем не с таким, который люди слышат, когда им звонят по телефону. Отметим, что для звуков разнообразных звонков по телефону в русском языке и в русском параязыке нет никаких обозначений — в отличие, например, от звуков звонков в дверь *дзинь* и *дзинь-дзинь*. Такие единицы есть в тексте (9):

- (9) *Слон сидит дома, пьет пиво, смотрит футбол. Звонок в дверь: дзинь! Пошел, открыл — никого. Только сел, снова: дзинь-дзинь! Пошел, открыл — никого. Только сел, налил пива — дзинь-дзинь-дзинь!!! Открывает, смотрит, на звонке комарик сидит, спрашивает: «Слониха дома?» «Нет». «Ну, передайте, что Эдик залетал».*

Здесь длина каждой последовательности параязыковых единиц передает определенный смысл. Единица *дзинь* — это характерный звук одиночного звонка в дверь, а большие по длине единицы *дзинь-дзинь* и *дзинь-дзинь-дзинь* передают разную степень нетерпения звонящего.

Интересной задачей было бы выявить и описать, какие объекты обладают характерным звучанием в данном естественном языке или в дан-

ном параязыке и как эти звучания обозначаются в этих языках. Например, объектами, обладающими характерным звучанием в русском языке, являются школьный звонок и колокол. При этом звук школьного звонка русским параязыком не передается, а звук колокола передается, в частности размеренной последовательностью низких ударных звуков, графически передаваемой как *бум-бум-бум* или *бам-бам-бам*.

Кроме глагола *звонить* в группу глаголов, обозначающих звонки в дверь, входят по меньшей мере еще две единицы — *названивать* и *трезвонить*. Глагол *названивать* обозначает итеративное действие, то есть длительность звонков, которая сопутствует глаголу *названивать*, большая, чем та, которая сопутствует глаголу *звонить*. В глаголе *трезвонить* передается совсем другая идея, а именно актуализуется непрерывность последовательности звонков, сопряженная с их силой. В обоих глаголах также на передний план выходят эмоционально-оценочные смыслы — ‘нетерпение’, ‘раздражительность’, ‘негодование’.

§4. Тексты, в которых параязыковые единицы имитируют патологические фонетические процессы

Значительное место в русском параязыке занимают единицы, имитирующие такие патологические фонетические процессы, как заикание, картавость, шепелявость, гнусавость, или патологическое удлинение человеком гласных в слове. Единицы с такой семантикой встречаются во многих видах текстов, см., например, (10):

- (10) *Идет как-то заика по улице и видит мужика, на которого падает кирпич. Он пытается предупредить мужика: «Ки... ки... ки... Она!»*

Прокомментируем данный текст, указав структуру и назначение встречающихся в нем параязыковых единиц.

Последовательность *ки... ки... ки*, в составе которой многоточие означает нечто другое, чем обычное, омонимичное ему, многоточие в конце предложения или текста, демонстрирует то, что заика пытается произнести слово *кирпич*, дающееся ему с трудом. На это указывают две фонетические особенности данной последовательности, а именно редукция начальных элементов слова *кирпич* и особая длительность их произнесения (с паузами, остановками и повторами, на что указывает многоточие).

Помимо последовательности *ки... ки... ки*, в этом тексте есть еще одна параязыковая единица — *она*. Она является типовым обозначением результата неожиданного мгновенного действия, происходящего с субъектом-агентом или с субъектом-пациентом. Человек, на которого падает кирпич, выступает в семантической роли пациента, а единица *она* обозначает финальную стадию падения кирпича на человека.

Еще один текст, в котором обыгрывается процесс заикания, это (11):

(11) *Приходит заика в магазин:*

— *Д-д-д-дай-т-те м-м-м-не м-м-м-м-м-м...*

— *Молока?*

— *Н-н-н-ет! М-м-м-м-м-м-м...*

— *Масла?*

— *Н-н-н-ет! М-м-м-м-м-м-мудак, к-к-кефира д-д-дай!*

В этом тексте содержится сразу несколько параязыковых единиц, и все они связаны с процессом заикания. Сначала заикающийся покупатель с трудом произносит первые два слова некоторой стандартной просьбы, обращенной к продавцу продуктового магазина. Однако третье слово вызывает еще большее затруднение у покупателя, так что, начав это слово, он не может его закончить. Продавец пытается помочь покупателю и угадать, что тот хочет сказать. Тут параязыковая последовательность *м-м-м* анафорически связана с речевыми единицами *молоко* или *масло*, то есть является неоднозначным контекстным заместителем этих единиц.

Заикающийся человек отвергает все попытки продавца угадать слово, и это длится довольно долго. Покупателя особенно раздражает то, что произносимое им слово *нет* продавец слышит и понимает. В конце концов, разозлившись на продавца, покупатель обзывает его обценным словом, опять-таки произнося это слово с трудом, и далее, как обычно бывает у заикающихся людей, покупатель наконец-то произносит название нужного ему продукта.

Обратим внимание, что в (11) вместо многоточия между начальными согласными слов, произносимых заикающимся человеком, стоит дефис — показатель того, что особая длительности пауз в параязыковых последовательностях, как это имело место в тексте (10), здесь не отмечается. И еще: отсутствие слогового деления тут значимо, а именно почти полная редукция слова — до первой буквы — делает невозможным его узнавание.

Обсуждаемый текст является примером иконического отображения известного в лингвистике и теории информации факта, а именно — с уменьшением фонетической полноты языковой единицы уменьшается ее информативная значимость. Напомним в этой связи, что речевые единицы, такие как аббревиатуры, тоже требуют расшифровки, то есть увеличения информативной значимости, а потому их форму и смысл нужно задавать в словарях.

Последний текст на тему заикания, который мы приведем, это (12):

(12) *Как ваша фамилия?*

— *Пе-пе-петров.*

— *Вы что, заика?*

— *Нет, папа был заикой, а паспортистка — дурой!*

Повторение слогов, записанных через дефис, а также устное произнесение соответствующей последовательности показывают, что перед нами не параязыковая единица, а языковая, а именно обозначение необычной фамилии человека — *Пепепетров*.

Впрочем, появление такой фамилии у человека исключить нельзя. Заметим в этой связи, что в русском языке есть слова типа *прапрапрабабушка*, в котором три одинаковые приставки, и каждая обладает своим значением, однако в русском параязыке единицы *пра-пра-пра* нет, хотя теоретически она вполне могла бы существовать.

Некоторые особенности произношения, такие как картавость, грассирование, шепелявость, ненормативное удлинение слогов в словах, которые могут быть переданы параязыковыми единицами, служат в анекдотах и других видах текстов для передачи национальных, профессиональных, социальных и иных характеристик человека.

§5. Параязык в отражении национальных характеристик героев анекдотов

Картавость как типичная черта еврея представлена в тексте (13):

(13) *Захотелось еврею в цирк сходить. Звонит он в справочную, спрашивает: «Дайте мне телефон цигка». Ему дают телефон ЦИКа. «Але, это цигк?» «Да, это ЦИК». «А какие у вас сегодня будут хохмочки?» «Адрес?» Сказал адрес. Приехал черный воронок, и забрали еврея в НКВД. Отсидел, вернулся наконец домой. Вновь набирает номер цирка, но попадает опять в ЦИК: «Але, это цигк?» «Да». «А какие будут сегодня хохмочки?» «Ваш адрес?» «Нет, эту хохмочку я уже знаю!»*

В русском языке нет конвенциональной нормы передачи явления картавости в письменном тексте. Так, в (13) мы встречаемся с последовательностью *гк* (*цигк*) вместо нормативного *рк*, а в (14) графически фиксируется особенность произношения евреем мягкого *г* вместо *р* в слове *Суворов*:

(14) *В картинной галерее еврей спрашивает генерала:*

— *Это кто, Сувог'ов?*

Генерал (передразнивая):

— *Да, это Сувог'ов, Сувог'ов.*

Еврей:

— *Зачем вы мне подг'ажаете? Вы бы лучше ему подг'ажали.*

Подчеркнем, что картавость трудно имитировать, поэтому в устном воспроизведении анекдотов (и не только анекдотов!), в которых нужно передать картавую речь, человек часто терпит неудачу³.

Речь эстонцев тоже обыгрывается во многих анекдотах, см. (15):

(15) *Звонок в Эстонскую службу быстрого реагирования.*

— Алло! Это проспект Ленина, 13. Четвертый подъезд. У нас взорвалась газовая плита!!! Взрывом разнесло стену!!! Там магазин лако-красочных изделий!!! Все горит!!! Сейчас загорается второй этаж!!! Скоро рухнет весь дом!!!!...

— Здра-а-афстлуй-те-е. Это Э-эсто-нска-ая слу-жба-а бы-стро-го ре-аги-ро-ва-ния. У фас про-о-бле-ема-а?

В представлении русских речь эстонца подобна его характеру: она размеренная, задумчивая и, как правило, медленная. Здесь речь идет о пожаре, который нужно срочно ликвидировать. Замедленная речь эстонца — работника Эстонской службы быстрого реагирования (в чем проявляется ирония, дополнительный квант юмора) — графически передается удлинением гласных с помощью парязыковых последовательностей *а-а-а*, *е-е*, *о-о*, *а-а*, входящих едва ли не в каждое произносимое эстонцем слово. Кроме того, замедленная речь передается в этом тексте делением каждого слова как бы на слоги. Наконец, звонкая согласная *в* произносится эстонцем как *ф*, и оглушение звонких согласных тоже подается здесь как характерная особенность речи эстонцев.

Последнее предложение в тексте (15) подчеркивает неторопливость эстонцев даже в экстренных ситуациях; более того, непосредственный смысл вопроса скорее служит уточнению причины звонка в службу спасения, чем быстрому решению проблемы. У многих народов есть свои особенности произношения русских слов: замена гласных, например, замена *и* на *ы* или *е* на *э* в речи кавказцев, замена *я* на *а* в речи белорусов или белорусское аканье. Можно отметить также характерный для речи латиноамериканцев особый акцент или их быструю речь. Однако в нашей коллекции анекдоты, подобные (13)–(15), в которых фонетические характеристики персонажей составляют соль этих текстов, относительно редки.

Иногда парязыковые элементы, типичные для разных народов, юмористически обыгрываются в пределах одного текста, ср. анекдот-загадку (16):

³ О различных проблемах, связанных с рассказыванием анекдотов, в частности, о передаче в этом процессе невербальных проявлений, таких, как акцент, см. [Шмелева, Шмелев 2002: 4849], или невербальных знаков, таких, как жесты, см. [Крейдлин, Шмелева, 2007].

- (16) *Встречаются грузин с евреем.*
— *Вай-вай-вай, — говорит первый.*
— *Ой, вей-вей-вей, — говорит второй.*
Вопрос: о чем это они?
Ответ: о текущей политической ситуации.

Несмотря на внешнюю общность двух параязыковых единиц, тут легко узнаются — даже без употребления местоимений *первый, второй* — авторы реплик. Грузинская последовательность *вай-вай-вай* передает здесь значение невозможности изменить сложившуюся плохую ситуацию, а еврейская единица *ой, вей-вей-вей* является отражением общей картины мира еврея как героя анекдотов, а именно характерного для него представления о том, что все плохо и нельзя ожидать улучшения.

56. Параязык в отражении профессиональных характеристик героев анекдотов

В анекдотах о врачах параязыковые единицы и междометия являются характерным показателем привычного разговора врача с пациентом. Отметим такие междометные комплексы и элементы параязыка как *ну, ну-ну, так-так-так*.

Эти единицы дополняют такие речевые и коммуникативные характеристики врачей, как употребление в диалоге местоимения *мы* в особой функции, когда оно подчеркивает солидарность врача с больным. См., например, (17), где обыгрываются два значения местоимения *мы*: солидарного эмпатического, относящегося к больному, и *мы* совместного:

- (17) — *Ну, больной, как мы себя чувствуем?*
— *Я плохо, а вы, может, хорошо.*

В следующем тексте встречается параязыковая последовательность *так, так, так*:

- (18) *Врач при осмотре больного приговаривает: так, так, так, а здесь не так!*

Во время первичного осмотра больного врач часто ощупывает и прослушивает разные места на человеческом теле, приговаривая при этом *так, так, так* каждый раз, когда переходит от проверки одного телесного объекта к другому.

Эта параязыковая единица выполняет две смысловые и одновременно коммуникативные функции: она указывает на последовательный осмотр пациента и при этом передает смысл одобрения того, что все просмотренные телесные объекты в норме.

Вдруг врач обнаруживает непорядок в каком-то месте тела и выражает это местоименной единицей *не так*. Интересно, что антецедентом этой единицы является не выраженное в тексте действие врача. К тому же речевая единица *не так* соотносится по смыслу с параязыковой последовательностью *так, так, так*: последняя означает ‘все хорошо’, а единица *не так* означает ‘нечто плохо’.

Обратимся теперь к анекдоту (19):

(19) *Открыли в одном городе публичный дом. На первом этаже работают самые молодые и красивые девочки, цена 200 долларов; на втором — постарше, 100 долларов; на третьем уже ветераны за 50 долларов. Клиентов много, вот хозяин и думает: «Что же у меня чердак простаивает? Сейчас лето, каникулы, учительницы свободны, зарплаты у них маленькие. Предложу им подработать на чердаке за 25 долларов». Проходит несколько дней. На первом этаже никого, на втором никого, на третьем пусто, на чердак стоит очередь. Хозяин повышает цену на чердаке до 50 долларов — клиенты идут один за другим, до 100 — то же самое, до 200 — прием только по записи! Ну, ему стало интересно, что же там происходит, он спрятался на чердаке, прижал ухо к стенке, слушает: «Таак, таак, делай таак. Молодец! Ну вот, а ты говорил, что не получится! А теперь повторяем еще раз. Таак, таак...»*

В этом анекдоте параязыковая единица *таак, таак, таак* передает одновременно смыслы подбадривания и одобрения. Она характерна для речи преподавателей, которые слушают ученика, например слушают его ответ. Жестовым аналогом этой единицы является **академический кивок**, описанный в «Словаре языка русских жестов» [Григорьева, Григорьев, Крейдлин 2001] (далее — СЯРЖ).

Вообще, речевые и параязыковые единицы с одиночным или повторяемым элементом *так* в их разных фонетических и графических обликах встречаются в анекдотах о представителях разных профессий. Это не только анекдоты о врачах или учителях, но и анекдоты о военных (ср. единицу *так точно!*), о мастерах и подмастерьях или о портных и клиентах.

В текстах, героями которых являются военные, часто обыгрывается командный стиль диалога старшего по званию с младшим. Команды отдаются отрывистым приказным тоном с нажимом на определенные слова или звуки (своеобразные фонации), как в (20):

(20) — *Я хочу тебе, Ржевский, сказать, что на всю жизнь запомнил противный голос старшины, когда он, словно иерихонская труба, утром ревел: «Р-р-р-рота, подъем!!!» Как вспомню, до сих пор вздрагиваю.*

— А я самым противным звуком, — сказал поручик Ржевский, — считаю звук ключа, вставляемого в замок, означающий, что муж внезапно вернулся из командировки.

Обратим внимание на смешанную единицу, состоящую из параязыковой части *p-p-p-* и языковой части — слова *рота*. Разные раскатистые единицы такого рода можно услышать на военном параде или на смотре войск, когда к участникам парада или смотра обращается главнокомандующий. В ответ на обращение мы часто слышим чудовищную и трудно различимую смесь речи и параязыка.

Анекдоты о деятелях искусства с их языковыми и параязыковыми особенностями тоже составляют важную часть анекдотов, в которых отражаются профессиональные характеристики людей. Вот, например, анекдот (21):

(21) *Женился музыкант, советуется с другом, как вести себя в первую брачную ночь. Друг говорит: ляжете вы в кровать, положи ей руку на грудь и скажи: дорогая! Она сама тебе скажет, что дальше делать. Ну, легли они в кровать, положил музыкант невесте руку на грудь, говорит: «Дорогая!» Невеста ему: «Ниже!» Он (басом): «Дорогая!»*

Письменная запись приводимого текста не полностью соответствует его устному воспроизведению. В сферу действия упомянутого в нем предиката *ниже* входит либо указание на движение руки, либо указание на изменение тональности слова *дорогая*. Если бы не было указания на особенности голоса (*басом*), то анекдота (21) не существовало бы, ср. неправильный текст **Положил музыкант невесте руку на грудь, говорит: «Дорогая!» Невеста ему: «Ниже!» Он: «Дорогая!»*).

Здесь именно параязыковые характеристики составляют соль анекдота. Их роль в его устном воспроизведении нельзя недооценить.

До сих пор мы имели дело с текстами, в которые входили параязыковые единицы, выступающие в контексте слов и последовательностей слов. Однако параязыковые единицы могут быть также в контексте невербальных единиц другого типа. Мы имеем в виду жесты, которые часто сочетаются с параязыковыми единицами, образуя с ними особого рода смешанные сочетания, сравнительно недавно попавшие в сферу внимания лингвистов и специалистов по невербальной семиотике. Так, в СЯРЖ предусмотрена особая зона сочетаемости входной жестовой лексемы или вокабулы с некоторой параязыковой единицей, обязательной или факультативной при данном жесте. Например, вариант жеста **кивать головой** (см. [Григорьева, Григорьев, Крейдлин 2001: 59–60]), который можно было бы назвать **повторный кивок головы**, регулярно сопро-

вождается единицей *да-да-да*, а **энергичное мотание головой** сопровождается единицей *нет-нет-нет*.

Наоборот, в словаре русских параязыковых единиц, словник которого, впрочем, еще не составлен, должна быть предусмотрена жестовая зона, в которую заносятся единицы, регулярно сопровождающие входную параязыковую лексему или вокабулу. Например, единица *о!*, промежуточная между междометием и параязыковой единицей, часто сопровождается поднятием указательного пальца правой руки вверх. Этот жест часто встречается в анекдотах про евреев, что не случайно, поскольку евреи в разных жизненных ситуациях обращаются к Всевышнему. Сама единица *о!* передает превосходство знания над незнанием, торжество мудрости над тривиальностью.

Приведем два анекдота, в которых еврейская интонация в устном рассказывании вполне согласуется с семантикой жеста и его физической реализацией:

(22) *По кладбищу гуляют три еврея:*

— *Я бы хотел лежать здесь, рядом с ребе Зусманом, великий был мудрец!*

— *А я бы хотел лежать рядом Моисеем Рабиновичем, великий был человек!*

— *А я бы хотел лежать рядом с мадам Кац.*

— *Так она же еще жива!*

— *О!*

(23) *В еврейском ресторане клиент зовет официанта:*

— *Шломо, попробуй этот суп.*

— *Что вдруг? Это тот же суп, который вы всегда заказываете.*

— *Попробуй.*

— *Слушайте, когда я вам подавал плохой суп?*

— *Я тебе говорю: попробуй!*

— *Ну хорошо уже, я попробую, но где ложка?*

— *О!*

Заключение

Русскому параязыку до сих пор уделялось недостаточно внимания в лингвистике и семиотике. Описывались лишь некоторые его лексические единицы, прежде всего те, которые соотносятся с междометиями, такие как *да-да-да*, *нет-нет-нет*, *ой-ой-ой* и т. п., или те, которые принадлежат к классу звукоподражаний: *ко-ко-ко*, *му-му*, *гав-гав*.

В одной из статей Л. Н. Иорданской и И. А. Мельчука для междометий, звукоподражаний и других лексических единиц авторами был предложен

удачный обобщающий термин — *сигналятивы* (*signalatives*). Сигналятивы разбиваются на несколько классов, один из которых составляют лексические единицы. К лексическим сигналятивам помимо междометий (авторы приводят примеры *Wow!* и *Phew!*) и звукоподражаний принадлежат также парентетические наречия, такие как *к сожалению* (*unfortunetly*), *конечно* (*of course*), *как мне кажется* (*to my sense*), наречия-коннекторы типа *фактически* (*in fact*), *например* (*for instance*), риторические союзы, такие как *хотя* (*although*) и *поскольку* (*since*), и некоторые другие группы единиц [Иорданская, Мельчук 2011].

Все лексические сигналятивы характеризуются тем, что они не вводят в предложения или словосочетания логические пропозиции, а потому не являются «настоящими» предикатными словами. Все они являются сигналами эмоций человека или сигналами элементов его мыслительной деятельности, многими своими функциями напоминая полнозначные слова. Параязыковые единицы тоже, конечно, относятся к сигналятивам, что, в частности, мы попытались показать в настоящей статье.

Параязыковые единицы составляют лишь часть лексики, изучаемой в невербальной семиотике. Вместе с жестами они образуют центр этой науки по отношению к естественному языку. Отмечена согласованность — вплоть до совместной встречаемости в устной коммуникации — параязыковых, языковых и жестовых единиц.

Как известно, лексика языка описывается преимущественно в толковых словарях общего типа, и таких словарей очень много. Между тем специализированных толковых словарей очень мало. На один из них мы обращаем особое внимание. Это «Толковый словарь русского разговорного языка» [Крысин (ред.) 2014–2022], в котором входами служат не только языковые, но и некоторые параязыковые единицы. Также очень мало и толковых словарей жестов как одного языка, так и разных языков. Лишь относительно недавно выпущены толковые словари жестов немецкого ([Познер, Ноль, Крюгер, Серенари 1999]), итальянского ([Кальоньето, Поджи 1997]) и французского ([Кальбрис, Монтедон 1986], [Мессинжер 2009]) языков, есть интересный и полезный в практической деятельности двуязычный сопоставительный толковый словарь русских и японских жестов [Акишина, Кано 2015]. Русские жестовые единицы описаны в СЯРЖ [Григорьева, Григорьев, Крейдлин 2001], в котором, в отличие от упомянутых выше жестовых словарей, имеется специальная зона, где отмечаются параязыковые единицы с особой функцией, а именно они уточняют содержание входной жестовой лексемы и встречаются обязательно или факультативно в ее ближайшем контексте. Словарь русских параязыковых лексических единиц и толковые словари русского языка и языка русских жестов образуют комплект книг, необходимый для анализа устной русской мультимодальной коммуникации.

Литература

- Акишина А., Кано Х. Словарь русских жестов и мимики. М.: Русский язык. Курсы. 2015. 208 с.
- Григорьева С.А., Григорьев Н.В., Крейдлин Г.Е. Словарь языка русских жестов. М. — Вена: Языки русской культуры; Венский славистический альманах, 2001.
- Кодзасов С.В. Голос: свойства, функции и номинации // Язык о языке. Сб. статей / Под общим рук. и ред. Н.Д.Арутюновой. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 502–526.
- Крейдлин Г.Е. Невербальная семиотика. М.: НЛО, 2002. 592 с.
- Крейдлин Г.Е., Шмелева Е.Я. Вербальные и невербальные элементы анекдота // Логический анализ языка. Языковые механизмы комизма / Отв. ред. Н.Д.Арутюнова. М.: Индрик, 2007. С. 509–519.
- Крейдлин Г.Е. Коммуникация врача с пациентом: жесты и модели невербального поведения как симптомы телесной патологии // Гуманитарные чтения РГГУ — 2012. Теория и методология гуманитарного знания. М.: Изд-во РГГУ, 2013. С. 273–285.
- Крысин Л.П. (ред.). Толковый словарь русской разговорной речи. Выпуск 1–4. М.: Языки славянской культуры. Вып. 5. М.–СПб.: Нестор-История, 2014–2022.
- Кузнецов С.А. (ред.). Большой толковый словарь русского языка. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с.
- Шляхова С.С. Тень смысла в звуке. Введение в русскую фоносемантику. Пермь: ПГПУ, 2003.
- Шмелева Е.Я., Шмелев А.Д. Русский анекдот: Текст и речевой жанр. М.: Языки славянской культуры, 2002.
- Calbris G., Montredon J. Des gestes et des mots pour le dire. Paris, Cle International, 1986.
- Caldognetto M., Poggi I. Mani che parlano. Gesti et psicologia della comunicazione. Padova, Unipress, 1997.
- Iordanskaja L., Mel'čuk I. Illocutive parenthetical verbs in Russian. Proceedings of the 5th International Meaning – Text Theory. Barselona, 8–9 September, 2011. Igor Boguslavsky and Leo Wanner (eds.). Pp. 120–132.
- Messinger J. Le dico illustre des gestes. Paris, Flammarion, 2009.
- Posner R., Noll T., Krüger R., Serenari, M. Berliner Lexicon der Alltagsgesten. Berlin, Wissenschafts-Verlag, 1999.

References

- Akishina A.A., Kano Kh. *Slovar' russkikh zhestov i mimiki* [Dictionary of Russian gestures and facial expressions]. Moscow, Russkii Yazyk. Kursy Publ., 2015. 208 p.
- Calbris G., Montredon J. Des gestes et des mots pour le dire. Paris, Cle International, 1986. 159 p.

- Caldognetto M., Poggi I. Mani che parlano. Gestì et psicologia della comunicazione. Padova, Unipress, 1997. 210 p.
- Grigor'eva S. A., Grigor'ev N. V., Kreidlin G. E. *Slovar' yazyka russkikh zhestov* [Dictionary of the language of Russian gestures]. Moscow – Vienna, Yazyki Russkoi Kul'tury Publ.; Wiener Slawistischer Almanach, 2001. 256 p.
- Iordanskaja L., Mel'čuk I. Illocutive parenthetical verbs in Russian. Proceedings of the 5th International Meaning – Text Theory. Barselona, 8–9 September, 2011. Igor Boguslavsky and Leo Wanner (eds.). Pp. 120–132.
- Kodzasov S. V. [Voice: properties, functions and nominations]. *Yazyk o yazyke* [Language about language]. Moscow, Yazyki Russkoi Kul'tury Publ., 2000, pp. 502–526. (In Russ.)
- Kreidlin G. E. *Neverbal'naya semiotika* [Nonverbal semiotics]. Moscow, NLO Publ., 2002. 592 p.
- Kreidlin G. E., Shmeleva E. Ya. [Verbal and nonverbal elements of an anecdote]. *Logicheskii analiz yazyka. Yazykovye mekhanizmy komizma* [Logical analysis of language. Linguistic mechanisms of comicality]. Moscow, Indrik Publ., 2007, pp. 509–519. (In Russ.)
- Kreidlin G. E. [Doctor-patient communication: gestures and models of nonverbal behavior as symptoms of bodily pathology]. *Gumanitarnye chteniya RGGU – 2012. Teoriya i metodologiya gumanitarnogo znaniya* [Humanitarian readings of RSUH – 2012. Theory and methodology of humanitarian knowledge]. Moscow, RSUH Publ., 2013, pp. 273–285. (In Russ.)
- Krysin L. P. (ed.). *Tolkovyï slovar' russkoi razgovornoï rechi* [Dictionary of Russian everyday speech]. V. 1–4. Moscow, Yazyki Slavyanskoi Kul'tury Publ. V. 5. Moscow – St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2014–2022.
- Kuznetsov S. A. (ed.). *Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [Big dictionary of Russian language]. St. Petersburg, Norint, 2000. 1536 p.
- Messinger J. *Le dico illustre des gestes*. Paris, Flammarion, 2009. 736 p.
- Posner R., Noll T., Krüger R., Serenari M. *Berliner Lexikon der Alltagsgesten*. Berlin, Wissenschafts-Verlag, 1999.
- Shlyakhova S. S. *Ten'smysla v zvuke. Vvedenie v russkuyu fonosemantiku* [A shadow of meaning in the sound. Introduction to Russian phonosemantics]. Perm', PSPU, 2003. 217 p.
- Shmeleva E. Ya., Shmelev A. D. *Russkii anekdot: Tekst i rechevoi zhanr* [Russian canned jokes: Text and speech genre]. Moscow, Yazyki Slavyanskoi Kul'tury Publ., 2002. 144 p.

Правило употребления прописной буквы как периферийная зона русской орфографии

Николенкова Наталья Владимировна, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Россия, Москва), natanik2004@mail.ru

Дин Цян, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Россия, Москва), moerooo@yandex.ru

DOI: 10.31857/S013161170024706-5

АННОТАЦИЯ: В статье анализируются орфографические правила в таксономическом аспекте, предлагается взгляд на правила русской орфографии как на систему, организованную по принципу «ядра» и «периферии». Обоснована точка зрения, в соответствии с которой некоторые правила относятся к периферийной зоне русской орфографии. Авторы определяют и формулируют те критерии, на основе которых относят правило употребления прописной буквы к периферийной зоне. Среди этих критериев основными являются следующие: правила употребления прописной буквы не основаны на трех основных принципах русской орфографии, система презентации правил основана на искусственных основаниях, в системе правил заложена высокая степень вариативности. Важно также и то, что пишущий может воспользоваться правилами, изданными в разные годы, для реализации своих задач. Сдвиг правил об употреблении прописной буквы в периферийную зону ставит две важные задачи перед орфографистами. Во-первых, необходимо разработать лингвистические основы для этого правила. Во-вторых, в самом правиле употребления прописной буквы необходимо выявить «ядро» и «периферию» и на основе новых подходов переработать действующие нормы русской орфографии в данной области.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: орфография русского языка, правила русской орфографии, прописные буквы, периферийная зона, ядро, периферия, таксономия
для цитирования: Николенкова Н. В., Дин Цян. Правило употребления прописной буквы как периферийная зона русской орфографии // Русская речь. 2023. № 1. С. 66–76. DOI: 10.31857/S013161170024706-5.

Issues of Modern Russian Language

The Uppercase Rule as a Peripheral Zone of Russian Orthography

Natal'ya V. Nikolenkova, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia),
natanik2004@mail.ru

Ding Qiang, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia), moeroooo@yandex.ru

ABSTRACT: The article analyzes orthographical rules of the Russian language in a taxonomical aspect and views them as a system organized according to the principle of a “core” and “periphery”. The article substantiates the point of view that some rules belong to the periphery zone of Russian orthography. The authors define the criteria that place the uppercase rule in the peripheral zone. Among those criteria, the main ones are the following: the uppercase letter usage rules are not based on the three main principles of the Russian orthography, the system of rules rests on artificial bases and possesses a high degree of variability.

It is also important that a writer can take advantage of the rules common in different periods to fulfill their objectives. The shift of the capital letter use rules to the peripheral zone poses two important challenges to spellers. First, there is a need to develop a linguistic basis for this rule. Secondly, it is necessary to identify the “core” and “periphery” within the rule and rework the current norms of Russian spelling in this area on the basis of new approaches.

KEYWORDS: Russian orthography, rules of Russian orthography, uppercase letters, peripheral zone, core, periphery, taxonomy

FOR CITATION: Nikolenkova N. V., Ding Qiang. The Uppercase Rule as a Peripheral Zone of Russian Orthography. Russian Speech = Russkaya Rech'. 2023. No. 1. Pp. 66–76. DOI: 10.31857/S013161170024706-5.

Правила русской орфографии являются системой, построенной на различных основаниях. В принятых Академией наук СССР и Министерством высшего образования СССР и формально действующих до настоящего времени Правилах русской орфографии и пунктуации, например, выделена зона «правописание гласных», внутри которой классификация неоднородна: правописание корней, приставок и суффиксов разбираются вместе, а окончания — отдельно для склоняемых и спрягаемых частей речи [Правила 1956]. Справочники под редакцией Д. Э. Розенталя имеют другую схему организации, благодаря которой пользователь имеет возможность обратиться к правилам, связанным с каждой отдельной частью речи (правописание существительных, прилагательных, глаголов разбирается в отдельных разделах) [Розенталь 1978; Розенталь 1996]. Аналогичный подход — «в основу классификации кладется выбор морфемы, первично выделение корня, суффикса, окончания, а орфографические проблемы рассматриваются уже внутри этих разделов» — характерен для большинства справочников с середины XX до начала XXI в. [Бешенкова, Иванова 2011: 11]. Авторы последнего справочника берут за основу классификации фонематический принцип орфографии и предлагают систему передачи звуков буквами и буквенными сочетаниями, тогда как морфемное членение слова и его принадлежность к части речи оказываются вторичны [Бешенкова, Иванова 2011: 14].

Совокупность принципов и правил классификации объектов называется таксономией (в лингвистику это понятие пришло из биологии) [ЛЭС: 504]. Таксономия предполагает классификацию объектов, отражающую иерархическую организацию их системы — чаще всего как последовательное выстраивание от низшего ранга к высшему. Однако для выстраивания классификаций орфографических правил система «от низшего к высшему» не подходит: нельзя считать, что орфографически правильная передача безударной гласной в корне, к примеру, относится к низшему рангу орфографии, тогда как орфографически верное написание букв «о» или «ё» в суффиксах существительных после шипящих относится к более

высокому рангу¹. Орфографическая грамотность предполагает, что все правила должны быть освоены одинаково, они равнозначны между собой. Системность подачи орфографических правил связана с необходимостью дать пользователю возможность быстро найти нужную орфограмму и получить ответ на вопрос, как применить сформулированное правило.

Большая часть правил русской орфографии подчиняется естественной таксономии, то есть индуктивно выводится из анализа свойств самих объектов [ЛЭС; Шайкевич 1980]. Анализ русской орфографии, проводившийся в конце XIX в. и продолженный в XX в. в процессе реформы и после нее, выявил и сформулировал три основных принципа, которые лежат в основе русской орфографии сегодня: морфологический (или, более точно, фонематический) — основной, ему подчиняется большая часть написаний в русском языке; фонетический, распространяющийся на незначительное число орфограмм, и традиционный (можно считать, что он основан на свойствах самих объектов, проявившихся и закрепившихся в предшествующие нашему времени эпохи) [Друговейко-Должанская, Попов 2019: 143]. Наиболее последовательно фонематический принцип как основной используется в трудах М. В. Панова и его последователей, на его основе построены разделы об орфографии в ряде учебников для высшей школы. На основе этих принципов можно систематизировать большую часть правил русской орфографии, что сделано авторами Краткого свода русской орфографии².

Однако вне естественной таксономии останется ряд правил, в основе формулировок которых лежит таксономия искусственная (логическая), которая базируется на некотором едином принципе, вводимом априорно. Различие искусственной и естественной классификации для прогресса в науке считают важным многие исследователи, полагая, что удачная искусственная (логическая) классификация позволяет обнаружить существенные стороны изучаемых объектов [Шайкевич 1980: 319–320].

¹ Мы хотим внести некоторые уточнения, выражая благодарность анонимному рецензенту статьи за замечание. Действительно, внутри правила отношения строятся иерархически: само правило оказывается сильнее и выше, чем исключения из него. Однако в общей массе всех правил такой иерархии выстроить невозможно. Хотя заметим, что у наивного носителя языка подобная градация все же существует: читатели и комментаторы различных форумов обычно обращают внимание на неграмотность авторов при частой путанице «-ться/тся», регулярном написании «не» с глаголами слитно, ошибках в употреблении проверяемых безударных гласных. Намного реже критике подвергаются ошибки в слитном/раздельном/дефисном написании наречий или прилагательных. После тотального введения ЕГЭ студенты первых курсов полагают, что более важными и значимыми оказываются правила и части этих правил, входящие в КИМы.

² Краткий свод (авторы С. В. Друговейко-Должанская, М. М. Ровинская, Д. Н. Чердаков) под общей редакцией А. Д. Шмелева представлен в конце 2021 года членам Орфографической комиссии РАН и находится в процессе обсуждения. Правила употребления прописной буквы в этом справочнике отмечены, но очень бегло и кратко.

Правилами, построенными на логическом принципе, оказываются в первую очередь разделы о слитном и раздельном написании слов и элементов слов, а также о принципах постановки дефиса в русском языке и правило использования прописных букв в русском языке. Эти две группы правил не подчиняются трем основным принципам русской орфографии. В основе употребления прописной буквы лежит семантико-синтаксический, а в основе слитного/раздельного/дефисного написания лежат несколько принципов (лексико-морфологический, словообразовательно-грамматический, элементы традиционного и т. д. [ЛЭС: 351]).

Мы полагаем, что невозможность выстроить иерархическую классификацию для правил русской орфографии дает другой путь — представить правила системой, организованной как «ядро» и «периферия». Оба этих понятия распространены в науках — как естественных, так и гуманитарных. Под «ядром» понимается основная масса элементов системы, компактная в своих признаках, тогда как «периферия» — это разрозненные элементы, не выявляющие признаки, характерные для ядра [ЭЭФН]. Правила, в основе которых лежат три основных принципа орфографии, и будут этим ядром (в Правилах 1956 г. они объединены в трех разделах: правописание гласных, правописание согласных, буквы *ѣ* и *ѥ*; эти же правила описаны в Кратком своде 2021 года). Периферийной зоной окажутся правила, построенные на других принципах: это раздел об употреблении прописной буквы, правила слитного/раздельного/дефисного написаний, правила переноса, графических сокращений.

Рассматриваемое правило можно разделить на две части, ориентируясь на лежащие в его основе принципы. Синтаксический принцип определяет, что прописная ставится после точки (или другого знака препинания, указывающего на конец предложения) и маркирует начало нового предложения в тексте. Появившееся еще в период действий церковнославянских правил [Николенкова 2021], оно сохраняется до настоящего момента, постепенно обрастая частными примечаниями — о первой букве каждой стихотворной строки, о начале с прописной цитаты говорится в §§ 92–94 действующих правил [Правила 1956]. В неизменном виде этот подход сохраняется в справочниках по орфографии XX и начала XXI вв. В основе этого принципа лежит желание пишущих разделить письменный текст на отдельные предикативные единицы, облегчив читающему его понимание. Отступлений от этого принципа в период конца XIX — начала XXI вв. мы встречаем совсем немного (это либо орфографические эксперименты писателей Серебряного века, например А. Е. Крученых, либо тексты малограмотных носителей языка, либо, особенно в последние годы, орфография социальных сетей).

Значительно большая часть правила употребления прописной буквы основана на семантическом принципе. На протяжении последних трех

столетий (правило о «вящей букве» появилось в грамматиках церковнославянского языка XVII в.) объем входящих в эту зону случаев постоянно менялся. И это оказывается второй причиной, которая дает возможность отнести правило употребления прописной к периферии орфографии: в зоне действия семантического принципа появляется возможность реализации разнообразных вариантов искусственной классификации, фактически к настоящему времени оптимальный так и не выработан. Можно говорить, что со времен первых официально утвержденных правил Я. К. Грота только несколько групп слов вносятся в этот раздел всегда: имена собственные (антропонимы), географические названия (топонимы, гидронимы), названия государственных и общественных организаций, названия праздников, книг, периодических изданий и транспортных средств. Причем наполнение разделов не остается неизменным. Скажем, Грот фактически останавливается на собственно русских именах [Грот 1894: 88], в § 95 Правил 1956 г. есть примечание о иностранных именах, в составе которых пишутся со строчной артикли и другие служебные слова, отдельно упоминаются китайские и восточные антропонимы. Еще больше увеличивается раздел в справочнике Розенталя [Розенталь 1986: 305–308], подробный разбор есть и в современном Полном академическом справочнике под редакцией В. В. Лопатина [ПАС].

Включение других разделов оказывается связано не с лингвистическими причинами, а с внешними факторами. К примеру, раздел о написании слов, связанных с религией, менялся в зависимости от исторических условий. Так, в «Русском правописании» Я. К. Грота в пункте 4 регулировалось написание с прописной буквы слов, связанных с христианством [Грот 1894: 88]. В издании [Правила 1956] раздел о написании с прописной слов, связанных с религией, сформулирован в § 96, при этом индивидуальные номинации имен бога в монотеистических и политеистических религиях (*Христос* и *Зевс*) были уравнены. В примечании к § 103 определялась разница в написании революционных и религиозных праздников: если в написаниях первых предполагалась прописная, то в названиях вторых только строчная [Правила 1956]. В Правилах 1956 и созданных на их основе справочниках (в первую очередь под редакцией Д. Э. Розенталя) повторялось то же противопоставление светского и религиозного, при этом могли нарушаться и другие разделы правил. К примеру, в словаре-справочнике «Прописная или строчная» [Розенталь 1986: 323] автор выделил написание названий, связанных с религией, в отдельный пункт (14) и предложил написания *ильин день*, *петров день*, противореча правилу написания прилагательных от собственных имен без суффикса «ск» [Розенталь 1986: 309]³.

³ Заметим, что указанные названия в словарь-справочник не включены [там же: 111, 218]; не включены в словарь и другие названия, связанные с религией: *пасха*, *рождество*, *масленица* [там же: 216, 234, 155].

В 90-е гг. поворот России к религии, включение Рождества Христова в число государственных праздников потребовали разработки отдельного раздела в правиле о прописной. Девять параграфов этого раздела (§§ 180–188 [ПАС]) пытаются включать примеры, показывающие многоконфессиональный характер России (*Иегова, Шива, Мухаммед, Навруз, Католикос*), однако по сути остаются правилами для христианства⁴.

Идеологические, а не лингвистические основания для написания прописной буквы содержатся и в других разделах правил Я. К. Грота, Правил 1956 г. и справочниках периода до 90-х гг. К примеру, Грот рекомендует писать с прописной «титла царствующего въ Россіи Дома» [Грот 1894: 88]. Естественно, этой рекомендации нет в правилах советского времени, зато § 100 [Правила 1956] устанавливает написание слова «республика» с прописной только для советских республик и стран народной демократии (*Народная Республика Болгария*); в словаре-справочнике «Прописная или строчная» рекомендовано писать с прописной наименования высших должностей в Советском Союзе (*Председатель Совета Министров СССР*), тогда как *император Японии, королева Нидерландов* рекомендованы со строчной [Розенталь 1986: 321–322].

В некоторых случаях в самом правиле заложена возможность субъективной оценки самим пишущим. К примеру, в [Правила 1956] есть примечание 4 к § 95 о написании со строчной «названий людей, употребляющихся в презрительном смысле». § 196 ПАС содержит рекомендацию «в официальных текстах» писать должности (*Президент*) с прописной, при этом критерий определения характера текста не указан. В целом ряде случаев из-за этого невозможно решить вопрос о кодификации относительно новых написаний (к примеру, пишущие, негативно относящиеся к периоду 1985–1990-х гг. в СССР, вряд ли согласятся с фиксацией *Перестройка*).

И из этого вытекает третья причина отнесения нами правила к периферии: высокая степень вариативности, содержащаяся в нем. Современные орфографисты по-разному подходят к возможной орфографической вариативности. Так, И. В. Нечаева и Н. В. Перцов считают, что в современной языковой ситуации вариативность вполне уместна [Нечаева, Перцов 2020], эту точку зрения поддерживает А. Д. Шмелев [Шмелев 2017]. Вариативность по буквенному регистру исследователями отмечается как большая орфографическая проблема [Нечаева, Перцов 2020: 28], в основе которой может «лежать спорный характер нормы или неустойчивость традиции употребления». Среди приводимых примеров — написания с разным числом ва-

⁴ К примеру: § 182. С прописной буквы рекомендуется писать слова, обозначающие важнейшие для христианской традиции понятия [ПАС]. Однако важные и важнейшие понятия есть и в других религиях. § 183. С прописной буквы пишутся названия постов и недель (седмиц), а также отдельных дней, относящихся к этим периодам. Однако в исламе Рамадан в первую очередь название месяца, а не самого поста.

риативных употреблений: *Третье транспортное кольцо / третье транспортное кольцо / Третье Транспортное кольцо; Олимп и олимп, Шумахеры и шумахеры* (оба — в переносном употреблении) [Нечаева, Перцов 2020: 28, 30–31]. Авторы уверены, что в целом ряде зон «настаивать на единстве нормы было бы нецелесообразно» [Нечаева, Перцов 2020: 32].

Иной точки зрения придерживается Е. В. Бешенкова. Не отрицая наличия вариативности в языке (как в узусе, так и в норме), она считает ее переходным случаем, «одним из способов функционирования и перестройки системы... способом вхождения в систему» [Бешенкова 2015: 19]. Особую роль исследователь отводит кодификатору, полагая, что он должен вмешиваться в систему, имеющую варианты, и на основе разных факторов кодифицировать какой-то вариант [Бешенкова 2015: 20]. Однако тот же автор (вместе с коллегами), приступая к выработке правил кодификации топонимов (то есть вторгаясь в зону употребления прописной буквы), выделяет «область орфографической неопределенности», где принять однозначное решение о кодификации невозможно, поэтому появляются варианты: (*поселок Д/дома И/инвалидов, площадь Курского В/вокзала*) [Арутюнова, Бешенкова, Иванова 2021: 27].

Примером такой вариативности будет рекомендация о написании организаций. В правилах 1956 (§ 106) рекомендовано писать с прописной только первую букву составного названия, то же требование есть в § 190 ПАС. Однако в справочниках Д. Э. Розенталя предлагалось писать с прописной и то слово, с которого начиналось усеченное название [Розенталь 1986: 316]. Написание *Государственная дума* соответствует Правилам 1956 г. и ПАС (§ 105 Правил 1956 г. можно считать утратившим силу, так как в нем содержатся рекомендации о написании именно для СССР). Однако если считать РФ преемницей СССР, то по § 105 вполне логично писать две прописные (*Государственная Дума*), то же написание мы получим при следовании рекомендациям Розенталя (частотность употребления одиночного *Дума* в практике современных СМИ).

Еще одна причина отнесения нами правила к периферийной зоне — возможность для целого ряда написаний в текстах определенных жанров опираться на правила предшествующих периодов, а не на современные. Выше сказано уже о правиле написания с прописной буквы титулов царствующего дома в России у Грота (в первую очередь *Государь Император*). Это правило исчезло в советское время, его нет в современных справочниках, однако в исторических текстах (и художественных, и научных) такое написание продолжает употребляться: «Крупенский, депутат от Бессарабии, встал и громким голосом закричал: “Да здравствует *Государь Император!*”» (В. В. Шульгин. Последний очевидец. 1971); «— Топорков, если был сердит, называл муженьком или Колей... а тут вот: *Государь Император!*» (С. Бабаян. Ротмистр Неженцев. 1995–1996); «В русской

традиции — посещать больных; еще *Государь Император* и господин президент посещают гимназии, университеты, больницы и военные казармы, чтобы высказать нечто мудрое и, в случае необходимости, сочувственное» (И. Прусс. Сделайте мне красивше // Знание — сила. 2013)⁵. При этом представляется невозможным в историческом тексте (кроме прямых цитат с соблюдением старой орфографии) восстановление, например, правила написания приставок на -з/-с по Гроту. Другой пример: в современных справочниках изменены некоторые «советские» написания: ВЛКСМ [вээлкаэсэм], *нескл., м.* (сокр. *Всесоюзный ленинский коммунистический союз молодежи*) [Лопатин 2009: 106]⁶, однако вряд ли следует ожидать изменений в художественных текстах, созданных в советское время, в учебниках и исторических исследованиях. При этом возможность сохранить «советскую» кодификацию в современном справочнике допускается. Так, для написания *Верховный Совет* есть уточнение (в СССР) [Лопатин 2009: 101]. Таким образом, у пишущего исторический текст (как про Российскую империю, так и про СССР) есть возможность выбора: воспользоваться теми правилами и написаниями, которые действовали в описываемую эпоху, или ориентироваться на современные правила и словари. Такой авторский выбор порождает новую вариативность в текстах.

Существующие сегодня правила употребления прописной буквы (можно считать действующими часть правил 1956 г. и справочников под редакцией Д. Э. Розенталя — за исключениями пунктов идеологического противопоставления социалистического и капиталистического, а также [ПАС] и современные словари «Прописная или строчная?») предлагают пишущему схему, введенную еще в практике письма предшествующих веков русской письменности. Необходимо отнести слово к определенной семантической группе — открыть раздел о написании этой группы и уже внутри раздела подобрать аналогичный случай. И здесь пишущий сталкивается с ситуацией, которая, на наш взгляд, является последней причиной для вынесения правил написания прописной в периферийную зону, — необязательность выполнения правила, которая заложена в самих формулировках, зачастую непродуманных, и в иллюстративных примерах, также не всегда удачно подобранных.

К примеру, в § 160 [ПАС] указано, что «служебные слова, входящие в состав западноевропейских и южноамериканских фамилий, пишутся со строчной буквы», а далее следует примечание, что «в некоторых личных именах служебные слова традиционно пишутся с прописной». В числе примеров есть *Людвиг ван Бетховен* и *Ван Гог*. При написании имени футболи-

⁵ Все примеры взяты из НКРЯ.

⁶ В [Розенталь 1985: 51] с прописной пишутся все слова.

ста *Марко ван Бастена* пишущий теряется, ведь формулировка может быть истолкована и так: «*при употреблении полного имени служебный элемент пишется со строчной, при употреблении без имени — с прописной».

Литература

- Арутюнова Е. В., Бешенкова Е. В., Иванова О. Е. Лингвистические основы современного написания топонимов (к теории орфографического правила) // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2021. № 1. С. 21–41.
- Бешенкова Е. В. Теоретические вопросы нормирования орфографии: вариативность и стратегия нормирования // Верхневолжский филологический вестник. 2015. № 1. С. 18–24.
- Бешенкова Е. В., Иванова О. Е. Русское письмо в правилах с комментариями. М.: Азбуковник, 2011. 360 с.
- Грот Я. К. Русское правописание. Руководство, составленное по поручению Второго отделения Императорской Академии наук академиком Я. К. Гротомъ. 11-е изд. СПб., 1894. С. 120.
- Друговейко-Должанская С. В., Попов М. Б. Современное русское письмо: графика, орфография, пунктуация: учебник. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2019. 400 с., ил.
- Касавина И. Т. (ред.). Энциклопедия эпистемологии и философии науки. М., 2009 [Электронный ресурс]. URL: <http://philosophy.niv.ru/doc/encyclopedia/epistemology/articles/174/yadro-i-periferiya.htm> (дата обращения: 13.01.2022).
- Лопатин В. В., Нечаева И. В., Чельцова Л. К. Прописная или строчная? Орфогр. словарь. М., 2009. 512 с.
- Нечаева И. В., Перцов Н. В. О вариативности в русской орфографии // Русский язык в научном освещении. 2020. № 1 (39). С. 10–35.
- Николенкова Н. В. Оформление границы предложения в церковнославянском тексте середины XVII века // Stephanos, издательство Филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова (Москва). 2021. № 2 (46). С. 83–89.
- Правила русской орфографии и пунктуации. М., 1956 [Электронный ресурс]. URL: <http://new.gramota.ru/biblio/readingroom/rules/> (дата обращения: 13.01.2022).
- Розенталь Д. Э. Прописная или строчная? (опыт словаря-справочника). М.: Русский язык, 1986. 328 с.
- Розенталь Д. Э. Справочник по правописанию и литературной правке. М.: 1997. 361 с.
- Шайкевич А. Я. Гипотезы о естественных классах и возможность количественной таксономии в лингвистике // Гипотеза в современной лингвистике. М., 1980. С. 319–357.
- Шмелёв А. Д. Прописные буквы в светской и церковной печати // Сретенский сборник. Научные труды преподавателей СДС. 2017. № 7–8. С. 698–734.
- Ярцева В. Н. (ред.). Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Сов. энцикл., 1990. 682 с.

References

- Arutyunova E. V., Beshenkova E. V., Ivanova O. E. [Linguistic bases of modern spelling of toponyms (to the theory of orthographic rule)]. *Izvestiya RAN. Seriya literatury i yazyka*, 2021, no. 1, pp. 21–41. (In Russ.)
- Beshenkova E. V. [Theoretical issues of orthography norming: variability and strategy of norming]. *Verhnevolzhskii filologicheskii vestnik*, 2015, no. 1, pp. 18–24. (In Russ.)
- Beshenkova E. V., Ivanova O. E. *Russkoe pis'mo v pravilakh s kommentariyami* [Russian writing in rules with comments]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2011. 360 p.
- Drugovejko-Dolzanskaya S. V., Popov M. B. *Sovremennoe russkoe pis'mo: grafika, orfografiya, punktuaciya: uchebnik* [Modern Russian writing: graphics, orthography, punctuation: textbook]. SPb., Publishing House of S.-Petersburg University, 2019. 400 p.
- Grot Ya. K. *Russkoe pravopisanie* [Russian orthography]. St. Petersburg, 1894. 120 p.
- Kasavina I. T. (ed.). *Enciklopediya epistemologii i filosofii nauki* [Encyclopedia of epistemology and philosophy of science]. Moscow, 2009. Available at: <http://philosophy.niv.ru/doc/encyclopedia/epistemology/articles/174/yadro-i-periferiya.htm> (accessed 13.01.2022). (In Russ.)
- Lopatin V. V., Nechaeva I. V., Chel'cova L. K. *Propisnaya ili strochnaya? Orfogr. slovar'* [Capital or lowercase? Spelling dictionary]. Moscow, 2009. 512 p.
- Nechaeva I. V., Persov N. V. [About variability in Russian orthography]. *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii*, 2020, no. 1 (39), pp. 10–35. (In Russ.)
- Nikolenkova N. V. [Formation of sentence boundaries in the Church Slavonic text of the middle of the XVII century]. *Stephanos*, Philological Faculty of Lomonosov Moscow State University (Moscow), 2021, no. 2 (46), pp. 83–89. (In Russ.)
- Rozental' D. E. *Propisnaya ili strochnaya? (opyt slovara-spravochnika)* [Uppercase or lowercase? (Experience of the reference dictionary)]. Moscow: Russkii Yazyk Publ., 1986. 328 p.
- Rozental' D. E. *Spravochnik po pravopisaniiu i literaturnoi pravke* [Handbook on spelling and literary editing]. Moscow, 1997. 361 p.
- Shajkevich A. Ya. [Hypotheses about natural classes and the possibility of quantitative taxonomy in linguistics]. *Gipoteza v sovremennoi lingvistike* [Hypotheses in modern linguistics]. Moscow, 1980, pp. 319–357. (In Russ.)
- Shmelyov A. D. [Capital letters in secular and church print] // *Sretenskii sbornik. Nauchnye trudy prepodavatelei SDS*, 2017, no. 7–8, pp. 698–734. (In Russ.)
- The Rules of Russian Orthography and Punctuation. Moscow, 1956. Available at: <http://new.gramota.ru/biblio/readingroom/rules/> (accessed 13.01.2022). (In Russ.)
- Yarceva V. N. *Lingvisticheskii enciklopedicheskii slovar'* [Linguistic encyclopedic dictionary], Moscow, Sov. Encikl., 1990. 682 p.

О некоторых нерешенных вопросах современной пунктуации

Мария Мерабовна Харченко, Институт русского языка им. В. В. Виноградова
Российской академии наук (Россия, Москва), pravilavkarmane@yandex.ru

DOI: 10.31857/S013161170024707-6

АННОТАЦИЯ: В данной статье рассматриваются случаи постановки знаков препинания при вводных словах, наречиях и союзах, которые ранее не описывались в научной и справочной литературе.

Цель исследования — выявить некоторые актуальные проблемы пунктуации. Для выявления сложившейся нормы был применен описательный метод, частью которого является наблюдение, и психолингвистический, включающий в себя эксперимент (опрос). Были проанализированы правила, содержащиеся в наиболее авторитетных современных справочниках по пунктуации, а также даны рекомендации по дополнению их соответствующими примерами.

Анализ результатов проведенного опроса показал, что трудности при расстановке знаков препинания в рассматриваемых случаях обусловлены неполным представлением о принципах русской пунктуации у носителей языка в том числе ввиду отсутствия соответствующей информации в справочной литературе, а выявление новых вариантов пунктуационного оформления связано с реальной речевой практикой. Сделан вывод, что конструкции, подвергшиеся анализу, используются при написании текстов разных стилей, а потому должны быть учтены при кодификации русской пунктуации и включены в справочники.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: пунктуация, синтаксис, знаки препинания, норма, практика письма, принцип пунктуации, узус

для цитирования: Харченко М. М. О некоторых нерешенных вопросах современной пунктуации // Русская речь. 2023. № 1. С. 77–87. DOI: 10.31857/S013161170024707-6.

Issues of Modern Russian Language

On Some of Unsolved Modern Punctuation Issues

Mariya M. Kharchenko, Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
(Russia, Moscow), pravilavkarmane@yandex.ru

ABSTRACT: This article discusses the cases of punctuation in introductory words, adverbs and conjunctions that have not previously been described in the scientific and reference literature.

The purpose of the study is to identify some actual problems of punctuation. We used a descriptive method, part of which is observation, and a psycholinguistic method, which includes an experiment (survey) to identify the established norm. The paper analyzes the rules contained in the most authoritative modern punctuation guides and gives recommendations to supplement them with relevant examples.

The analysis of the survey results showed that difficulties in punctuation in the cases under consideration stem from an incomplete understanding of the principles of Russian punctuation among native speakers due to the lack of relevant information in the reference literature. Another conclusion we can draw as a result of the research is that the identification of new punctuation variants is associated with real speech practice. The paper concludes that the constructions that have been analyzed are used when writing texts of different styles, and therefore should be taken into account when codifying Russian punctuation and included in handbooks.

KEYWORDS: punctuation, syntax, punctuation mark, norms, writing practice, principles of punctuation, usage

FOR CITATION: Kharchenko M. M. On Some of Unsolved Modern Punctuation Issues. Russian Speech = Russkaya Rech'. 2023. No. 1. Pp. 77–87. DOI: 10.31857/S013161170024707-6.

На сегодняшний день к пунктуации как к одному из разделов языкознания приковано особое внимание лингвистов. И это объяснимо: современная русская пунктуация представляет собой систему, которая, с одной стороны, достаточно стабильна, а с другой — остается гибкой. Поэтому с течением времени практика письма и правила расходятся.

На основе «Правил русской орфографии и пунктуации», утвержденных в 1956 г., было написано немало справочников, учебников и статей. Наиболее авторитетные и полные справочники XX века — «Справочник по правописанию и литературной правке» 1967 г. и «Справочник по пунктуации» 1984 г. Д. Э. Розенталя. Позднее, в 2006 г., был издан академический свод правил под редакцией В. В. Лопатина «Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник». Несмотря на то что авторы свода дополнили и уточнили «Правила» 1956 г., некоторые рекомендации нуждаются в корректировке с учетом современной практики письма.

Среди справочников, также содержащих практическую информацию, можно отметить «Актуальные проблемы современной пунктуации» (Н. С. Валгина; 2004 г.), «Трудности русской пунктуации» (О. А. Остроумова, О. Д. Фрамполь; 2009 г.), «Трудные случаи русской пунктуации» (В. М. Пахомов, В. В. Свинцов, И. В. Филатова; 2012 г.).

Однако трудно назвать более поздние справочники, которые отражали бы полно «пунктуационную ситуацию». Интересными сегодня представляются две проблемы: случаи постановки знаков препинания, не описанные в научной литературе, и расхождение между пунктуационными нормами и реальным использованием знаков препинания. В данной статье рассматривается первая.

Обратимся к правилам постановки знаков препинания при слове «на-пример». В «Правилах русской пунктуации и орфографии» под редакцией Лопатина [Лопатин 2011: 261] описано три случая постановки запятой при вводном:

в середине предложения, когда вводное указывает на отношения между частями высказывания, — выделяется запятыми с двух сторон;

в начале или в конце обособленного члена предложения, которое выделяется вместе с вводным словом;

внутри обособленного члена предложения или внутри вставной конструкции — выделяется по общему правилу: *В иных озерах (например, в Черненьком).*

Однако в Справочнике не говорится о других случаях. К примеру, в следующих предложениях при помощи парцелляции¹ автор разрывает единую синтаксическую структуру (несогласованное определение представляет собой самостоятельное предложение):

Самых маленьких надо покатасть верхом, большим принести какую-нибудь дичь. Например, серую мышь (Сергиенко К. До свидания, овраг. 2002)²;

Нет, если идти в милицию, то надо идти с каким-нибудь более конкретным делом. Например, с сообщением о том, что вчера (а не сорок лет назад) обокрали твою квартиру (Булычев К. Выстрел купидона. 2009).

То есть запятая после грамматически не связанного с предложением вводного слова *например* обусловлена как структурно (показывает разделение предложения на значимые части), так и интонационно (после вводного мы делаем паузу). К тому же вводное слово не вводит присоединительный оборот, поэтому рекомендация ставить запятую в том случае, если вводное слово стоит в начале обособленного оборота, представленного новым предложением (как после *например*, находящегося внутри вставной конструкции), вполне обоснованна. Так как в справочниках ничего не говорится о выделении вводного слова при разрыве предложения, а в Национальном корпусе русского языка можно найти достаточное количество подобных предложений, представляется целесообразным такую информацию в них включить.

Также следует рассмотреть случай, когда после данной текстовой скрепы — слова, находящегося чаще всего в начале предложения, которое служит для связи высказываний, — ставится двоеточие:

То есть попробую, но давайте договоримся про эфемизмы. Например: «маленький, круглый, оранжевый» (Булычев К. Выстрел купидона. 2009).

¹ Намеренное расчленение связного текста на несколько пунктуационно и интонационно самостоятельных отрезков.

² Исследование проведено на материале текстов Национального корпуса русского языка (www.ruscorpora.ru).

В указанном примере автор, вероятно, выбрал более сильный знак, что обусловлено наличием перечисления, а также интонацией. В справочнике В. В. Лопатина [Лопатин 2011: 220] (параграф 33) говорится о похожем случае: при обобщающих словах могут стоять уточняющие слова как *например, например, как то, а именно*, которые служат для пояснения предшествующих слов. Речь идет только о словах, стоящих в середине предложения, поэтому, на наш взгляд, необходимо дополнить параграф примером, когда предложение начинается с вводного *например*.

Не полностью описывается в справочниках и расстановка запятых при союзе *в том числе*: можно найти лишь информацию о том, что присоединительные члены предложения, которые вводятся сочетанием слов *в том числе* и др., выделяются запятыми, когда союз имеет значение ‘включая что-либо, кого-либо’. Однако в некоторых случаях союз не присоединяет член предложения, который является частью того целого. Такие примеры можно найти в текстах публицистического и официально-делового стилей:

Юридически признать этот факт можно в том числе на основании отметки консульства РФ в иностранном государстве о постановке гражданина России на учет в качестве постоянно проживающего в данном зарубежном государстве (Добрюха А. Прописан в России, живу за границей — теперь я стану уголовником? 2014);

С ними намерены работать в том числе через советы муниципальных образований (Субботина С. В России запускается соцсеть для депутатов. 2014).

В указанных примерах нет присоединительного оборота (сравним: *Есть только сознание, а все остальное, в том числе и мы сами, существует только постольку, поскольку попадает в его сферу* (Пелевин В. Собрание сочинений в 3 т. 2001)); союз лишь показывает, что помимо того, о чем говорится в предложении, подразумевается что-то еще (то есть ‘не только, но и’), поэтому запятые не требуются. Однако, согласно данным Национального корпуса русского языка, запятая может ставиться, когда опускается тот член предложения, к которому присоединяется оборот: *Таким, чтобы его хотелось подарить, себе в том числе* (Пешкова Ю. В поисках диалогического. 2002). В рассматриваемом примере, где опущено дополнение (*подарить кому-нибудь*), запятая стоит потому, что *себе в том числе* является присоединительным членом предложения, который передает добавочную информацию. Но если слова в предложении поменять местами, *в том числе* приобретет значение союза *и*, поэтому запятая в таком пред-

ложении ставиться не будет: *Таким, чтобы его хотелось подарить в том числе себе (то есть 'включая себя')*).

В справочной литературе также не рассматривается постановка запятой, когда составной союз стоит после скобок. Такое оформление характерно для текстов официально-делового стиля:

Электронная копия правовых актов размещается в системе электронного документооборота и на корпоративном портале (на электронном ресурсе правовых актов) (в случае если они не имеют грифа ограничения доступа);

Что следует поставить в таблице учета рабочего времени сотрудникам с посменным графиком работы в период с 30 марта по 30 апреля 2020 г. на период карантина (в случае если сотрудники не работали) (Информационный портал Роструда «Онлайнинспекция.рф». 2020)?

Перед нами частный случай постановки знаков препинания при составном союзе, находящемся в придаточной части, так как он графически выделен, а потому отнести его ни к одному из пунктов (если придаточная часть следует за главной, находится внутри главной или предшествует главной) нельзя.

Так как в «Правилах русской орфографии и пунктуации» [Лопатин 2011: 219] сказано, что запятая ставится только перед союзом, находящимся после главной части предложения, а также с учетом того, что интонация меняется только один раз (на месте постановки скобок), можно рекомендовать не ставить запятую внутри составного союза. Приведенные и другие примеры, которые можно найти в официальных текстах, также демонстрируют, что вариант без запятой используется намного чаще.

Рассмотрим предложение из рассказа Василя Быкова «На болотной стежке»: *Хорошо, если выручит лес, но в лесу долго не выживешь, и в лесу нужен хлеб да крыша над головой* (Быков В. На болотной стежке. 2001). Расстановка знаков препинания в данном случае не вызывает вопросов: запятая стоит перед придаточной частью. Но рассмотрим и другие примеры:

Он за всю жизнь хорошо если раза три стрелял из автомата (Бакланов Г. Я. В месте светлом, в месте злчном, в месте покойном. 2002);

Многие отделения тогда заполнялись хорошо если на треть, и нужно было всеми силами поддерживать состояние коечного фонда (Моторов А. Преступление доктора Паровозова. 2014).

Приведенные выше примеры показывают, что чаще всего принципы пунктуации «работают» вместе. Во-первых, благодаря интонации мы понимаем, что после *хорошо* в предложении из книги В. Быкова нужна запятая; во-вторых, после синтаксического разбора того же предложения мы можем сделать вывод, что нужна запятая перед придаточным. Стоит заметить, что смысловое членение предложений в данном случае подчиняет и интонационное, и структурное: именно смысл предложения помогает нам понять, где нужно сделать паузу или поставить запятую.

Однако похожие предложения можно встретить и с запятой: *В семье появлялся, будто полная луна — хорошо, если раз в месяц* (Рубина Д. И. Медная шкатулка. 2015). Постановка знака препинания обусловлена, вероятно, интонационным выделением слова *хорошо*, однако не оправдана грамматически: в предложении нет придаточного условия, а неделимую часть *хорошо если* также можно заменить другим выражением. Поэтому отделение запятой слова *хорошо* в подобных предложениях будет являться ошибкой.

В рамках данного исследования нами был проведен опрос в одной из социальных сетей, в котором приняли участие 150 человек — носителей языка, включая филологов. Но с учетом того что опрошенных с филологическим образованием было всего четверо и работа их не связана с русским языком, их ответы учитывались наравне с ответами других. Всем респондентам предлагалось ответить на следующие вопросы.

1. Нужна ли запятая на месте пропуска? *Если выступать, то с интересным докладом. Например (...) об орфоэпических нормах.*
2. Какой знак препинания нужно поставить на месте пропуска? *Есть и более вкусные сладости. Например (...) шоколад, кокосовые батончики, печенье.*
3. Нужны ли запятые в предложении? *Они были (...) в том числе (...) замечательными специалистами.*
4. Нужны ли запятые на месте (1) и (2)? *Она написала (1) хорошо (2) если пять стихотворений.*

На первый вопрос утвердительно ответили 102 респондента, отрицательно — 35, а предпочли поставить тире или двоеточие 12 опрошенных (рис. 1). Большинство опрошенных согласны с нашими размышлениями: обычно в начале предложения носители языка ставят запятую.

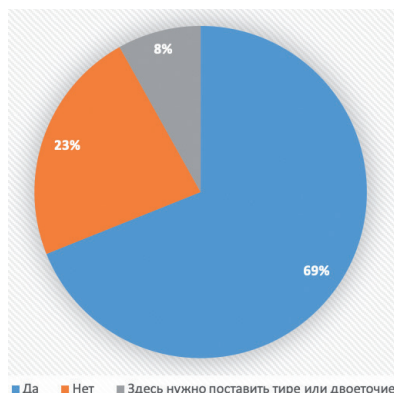

Рис. 1. Нужна ли запятая в примере 1
(Если выступать, то с интересным докладом.
Например (...) об орфоэпических нормах)?

Fig. 1. Do we need a comma
in example 1?

Интересен тот факт, что в предложении из примера 2 на месте пропуска 69 опрошенных решили поставить двоеточие, 53 согласились, что нужно поставить запятую, и только 28 посчитали, что запятая не нужна (рис. 2). Такое решение респондентов обусловлено тем, что после *напри- мер* стоит перечисление, которое, по мнению многих, предполагает постановку именно двоеточия.

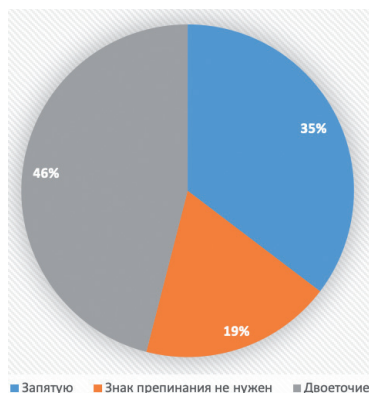

Рис. 2. Какой знак препинания нужно поставить
в примере 2 (Есть и более вкусные сладости.
Например (...) шоколад, кокосовые батончики, печенье)?

Fig. 2. What punctuation mark
necessary to put in example 2?

На третий вопрос отрицательно ответили лишь 42 человека, а 108 решили, что запятые нужны (рис. 3). Некоторые ответившие предположили, что запятые с двух сторон нужны, потому что *в том числе* можно опу-

стить. Однако в указанном предложении нет конструкции, которая присоединяется при помощи союза, а значит, постановка запятых будет являться ошибкой.

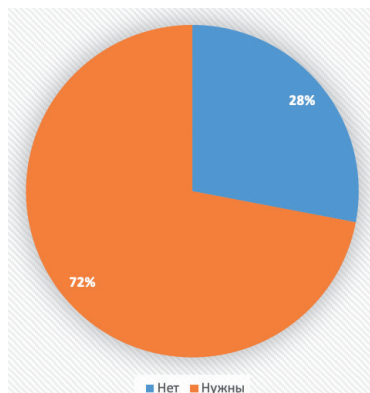

Рис. 3. Нужны ли запятые в примере 3
(Они были (...) в том числе (...)
замечательными специалистами)?

Fig. 3. Do we need a comma
in example 3?

Менее половины опрошенных (44 человека) посчитали, что запятые в примере 4 не нужны; 42 респондента предпочли поставить запятую на месте (1) и 64 — на месте (2) (рис. 4). При этом некоторые респонденты отметили, что с «такой конструкцией не знакомы», но посчитали нужным поставить перед союзом *если* запятую, как в сложносочиненном предложении.

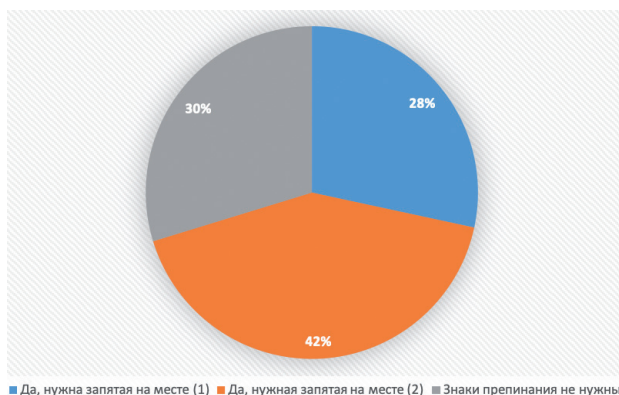

Рис. 4. Нужны ли запятые на месте (1) и (2)
в примере 4 (Она написала (1) хорошо (2)
если пять стихотворений)?

Fig. 4. Do we need a comma
in example 4 in (1), (2)?

Проведенный опрос, безусловно, доказывает, что между практикой письма и правилами существуют расхождения. Протекание процессов, затрагивающих синтаксис и пунктуацию, активное употребление разговорных конструкций в письменной речи, частое использование канцелярских клише, — все это требует пересмотра правил пунктуации.

Таким образом, можно отметить:

что в справочниках по русской пунктуации отражены не все типичные случаи постановки знаков препинания, однако появление «теоретических лакун» связано с динамичностью пунктуационной системы и изменениями, происходящими в синтаксическом строе (к примеру, стали активно использоваться фрагментарные, расчлененные конструкции), вследствие чего своевременная кодификация не всегда возможна;

несмотря на то что основным принципом русской пунктуации является синтаксический, зачастую отсутствие или наличие того или иного знака носители языка объясняют сменой интонации, наличием пауз и проч., что подтверждает наше исследование;

постановка знаков препинания находится в тесной связи с контекстными условиями: их наличие или отсутствие зависит в том числе от функции, выполняемой теми или иными словами (которые в зависимости от ситуации могут быть разными частями речи).

Так как рассмотренные нами примеры часто встречаются и в художественной литературе, и в неофициальной переписке, и в текстах официально-делового стиля, следует рекомендовать включить их в справочники по пунктуации. Предложенные в статье примеры употребления могут стать иллюстративным материалом, а теоретический материал — частью параграфов уже существующих и новых справочников (также должны быть дополнены указатели). При этом должно быть учтено следующее:

материал, затрагивающий одну синтаксическую единицу, должен быть представлен в одном пункте (параграфе);

для более полной иллюстрации должно быть представлено больше примеров для каждого случая (должна учитываться вариативность).

Литература

- Былинский К. И. Справочник по орфографии и пунктуации для работников печати. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1970. 343 с.
- Валгина Н. С. Русская пунктуация: принципы и назначение. М.: Просвещение, 1979. 125 с.

- Валгина Н. С. Современный русский язык: Синтаксис: Учебник. М.: Высшая школа, 2003. 416 с.
- Лопатин В. В. Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник. М.: Эксмо, 2011. 432 с.
- Национальный корпус русского языка. 2003–2022 [Электронный ресурс]. URL: ruscorpora.ru (дата обращения: 23.05.2022).
- Пахомов В. М., Свинцов В. В., Филатова И. В. Трудные случаи русской пунктуации: Словарь-справочник. М.: Эксмо, 2012. 576 с.
- Розенталь Д. Э. Справочник по правописанию и литературной правке. Для работников печати. М.: Книга, 1967. 368 с.
- Розенталь Д. Э. Справочник по русскому языку. Пунктуация. М.: ОНИКС 21 век, 2004. 263 с.

References

- Bylinskii K. I. *Spravochnik po orfografii i punktuacii dlya rabotnikov pechati* [Spelling and punctuation guide for press]. Moscow, St. Univ. Publ., 1970. 343 p.
- Lopatin V. V. *Pravila russkoi orfografii i punktuacii. Polnyi akademicheskii spravochnik* [Rules of Russian orthography and punctuation. Full academic guide]. Moscow, Eksmo Publ., 2011. 432 p.
- Natsional'nyi korpus russkogo yazyka [Russian National Corpus]. Available at: ruscorpora.ru (accessed 23.05.2022).
- Pahomov V. M., Svincov V. V., Filatova I. V. *Trudnye sluchai russkoi punktuacii: Slovar'-spravochnik* [Difficult cases of Russian punctuation: Dictionary-reference]. Moscow, Eksmo Publ., 2012. 576 p.
- Rozental' D. E. *Spravochnik po pravopisaniiu i literaturnoi pravke. Dlya rabotnikov pechati* [Guide to spelling and literary editing. For press workers]. Moscow, Kniga Publ., 1967. 368 p.
- Rozental' D. E. *Spravochnik po russkomu yazyku. Punktuaciya* [Russian language guide. Punctuation]. Moscow, ONIKS 21 Vek Publ., 2004. 263 p.
- Valgina N. S. *Russkaya punktuaciya: principy i naznachenie* [Russian punctuation: principle and appointing]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1979. 125 p.
- Valgina N. S. *Sovremennyi russkii yazyk: Sintaksis: Uchebnik* [Modern Russian language: Syntax: Textbook]. Moscow, Vysshaya Shkola Publ., 2003. 416 p.

История правописания приставок на -з, -с в дореформенный период

Ульяна Игоревна Турко, Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина (Россия, Елец),
selishchevskaya@mail.ru, ORCID ID 0000-0001-8604-0457

DOI: 10.31857/S013161170024708-7

АННОТАЦИЯ: В статье рассматривается правописание слов с приставками, оканчивающимися на -з, -с. На материале текстов художественной и научной литературы конца XVIII — начала XX века анализируется написание слов, выявляются тенденции орфографической нормы. Установлено, что в конце XVIII века, в период формирования книжного стиля, лексикографические источники, учитывая церковнославянскую традицию, рекомендовали написание приставок на -з, однако в письменной речевой практике наблюдались отступления от норм правописания. Лексикографические издания середины XIX века отражают изменение нормы правописания. Однако, если на протяжении исторического периода с конца XVIII века до начала XX изменению подвергалось правописание приставок *воз-, из-, низ-, раз-*, находящихся перед глухими согласными, то орфография приставок *без-, чрез-/через-* оставалась стабильной. Достаточно устойчивым было правописание приставок, когда конечный согласный оказывался в позиции перед буквой *с*. В большинстве случаев наблюдается следование правилу и употребление буквы *з* перед корневым *с*. Сохранение конечной *з* в приставке является правильным с точки зрения традиции, а правописание ее с учетом последующей буквы — верным с точки зрения фонетики. В конкуренции этимологического и фонетического принципов орфографии, приложимых к написанию приставок на -з, -с, жизнестойким оказался фонетический принцип.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: история русского языка, правописание приставок на -з, -с, фонетический принцип орфографии, этимологический принцип орфографии, дореформенная орфография

для цитирования: Турко У. И. История правописания приставок на -з, -с в дореформенный период // Русская речь. 2023. № 1. С. 88–102. DOI: 10.31857/S013161170024708-7.

БЛАГОДАРНОСТИ: Автор благодарит анонимного рецензента, ценные комментарии которого позволили внести ясность в некоторые положения данной работы.

From the History of the Russian Language

The History of Spelling Prefixes with -z, -s in the Pre-reform Period

Ul'yana I. Turko, Bunin Yelets State University (Russia, Yelets), selishchevskaya@mail.ru,
ORCID ID 0000-0001-8604-0457

ABSTRACT: The article examines the spelling of the words with prefixes ending in -z, -s. Based on the texts of fiction and scientific literature of the late XVIII — early XX centuries, the author analyzes the spelling of words and identifies trends in spelling norms. The paper reveals that at the end of the XVIII century, during the formation of the book style, lexicographic sources took into account the Church Slavonic tradition and recommended writing prefixes with -z, however, there were deviations from spelling norms in written speech practice. Lexicographic publications of the middle of the XIX century reflect the change in the spelling norm. However, whereas the spelling of prefixes *voz-*, *iz-*, *niz-*, *raz-* that were in front of the voiceless consonants was changed during the historical period from the end of the XVIII century to the beginning of the XX century, the spelling of prefixes *bez-*, *chrez-/cherez-* remained stable. The spelling of prefixes was quite stable when the final consonant was in the position before the letter *s*. In most cases, there is adherence to the rule and the use of the letter *z* before the root *s*. The preservation of the final *z* in the prefix is correct from the point

of view of tradition, and its spelling, taking into account the subsequent letter, is correct in regards to phonetics. In the competition of etymological and phonetic principles applied to spelling prefixes on -z, -s, the phonetic principle turned out to be the most resilient.

KEYWORDS: history of the Russian language, spelling of prefixes with -z, -s, phonetic principle of orthography, etymological principle of orthography, pre-reform orthography

FOR CITATION: Turko U. I. The History of Spelling Prefixes with -z, -s in the Pre-reform Period. Russian Speech = Russkaya Rech'. 2023. No. 1. Pp. 88–102. DOI: 10.31857/S013161170024708-7.

ACKNOWLEDGEMENTS: The author is grateful to the anonymous reviewer, whose valuable comments made it possible to clarify some of the provisions of this work.

Одно из правил современной русской орфографии касается написания приставок, оканчивающихся на -з, -с. Обращение к текстам, сохранившим дореформенную орфографию, представляет интерес для выявления письменной речевой традиции, существовавшей в языке. Материалом для анализа послужили тексты научной и художественной литературы конца XVIII — начала XX века.

Исследования лингвистов показывают, что написание приставок и предлогов на -з, -с в XIII веке регулировалось фонетическим принципом, то есть перед согласными, обозначающими глухие звуки, употреблялась с, перед звонкими и сонорными — з. Однако позднее отмечаются написания, где буква з ставится во всех позициях, независимо от последующего согласного корня-основы. Так, Л. В. Ненашева, анализируя текст Лествицы Иоанна Синайского (1441 г.), отмечает варианты записи: «*безсонное, безчести, разсоудно, расслабление, изшедьи*» [Ненашева 2010: 70].

При словопроизводстве, когда конечный согласный одной морфемы попадает в соседство с другим согласным, начинающим следующую морфологическую часть и отличающимся от него по звонкости или глухости, происходит ассимиляция: первый согласный уподобляется в произношении второму. Что касается написания, то здесь срабатывает принцип аналогии записи родственных слов, в которых соответствующий согласный стоит перед гласным. В. А. Богородицкий отмечает, что в лексемах *съ дубомъ, сбыть, сдѣлать* пишется с в предлоге или префиксе,

несмотря на то что произносится [з]. Правописание этих слов аналогично написанию слов, в которых буква *с* соседствует с гласным: *сѣ ухомѣ*, *сѣзуть* и т. д. А в словах *надѣ селомѣ*, *надсмѣяться* слышится глухое произношение конечного согласного [т] в первой морфеме, но пишется *д* по аналогии с таким словом, как *надѣ озеромѣ*. Там, где морфологический состав слова выглядит недостаточно прозрачным, столкновение морфологического принципа и фонетического приводит к победе последнего. Несмотря на родство наречия *везде* с местоимением *весь*, в первой лексеме пишется *з* в соответствии с фонетическим принципом [Богородицкий 1910: 139].

«Подобным же образом берет перевес фонетическое письмо над письмом по аналогии при написании префиксов *раз*, *низ* и *воз*, не встречающихся отдельно (т. е. в качестве предлогов), а также и префикса *из* (употребляющегося и в виде предлога): перед глухими согласными (за исключением *с*) все эти префиксы пишутся фонетически через *с*, напр. *распятіе*, *нисходить*, *востокѣ*, *исчезать* (но — *разсмотрѣть*, *возсоздать*, *изстари*)»¹ [Богородицкий 1910: 139].

Фонетическим принципом регулируется написание приставок, оканчивающихся на -з, -с, которые сохраняют *з* перед звонкими согласными и меняют ее на *с* перед буквами, обозначающими глухие согласные: *из-*, *низ-*, *воз-*, *раз-* (*роз-*). На этимологическом принципе основано написание приставок *без-*, *чрез-*, *через-* во всех позициях с *з* и правописание приставок *из-*, *низ-*, *воз-*, *раз-* (*роз-*) с буквой *з* перед *с*.

Употребление приставок *ис-*, *нис-*, *вос-*, *рас-* (*рос-*), используемых перед глухими согласными (но только не перед *с*), и замена их на *из-*, *низ-*, *воз-*, *раз-* (*роз-*) перед звонкими — «правописание правильное фонетически и неправильное исторически; сравнительно с правописанием этих приставок непоследовательно сохранение всюду *з* в *без-* и *чрез-*, *через-*, — правильное исторически и неправильное фонетически» [Ушаков 1911: 34].

По мнению Д. Н. Ушакова, правописание таких приставок, как *без-*, *чрез-*, *через-*, независимо от последующей буквы, поддерживается произношением их перед звонкими или перед гласными [Ушаков 1911: 64–65], где конечный согласный приставки слышится отчетливо. Однако, на наш взгляд, не соответствует реальному произношению звуков, так как в указанных приставках звонкий согласный, попадая в положение перед глухим, ассимилируется.

Анализ текста «Евгений Онегин» А. С. Пушкина показывает, что в письменной речевой практике периода создания произведения наблюдались

¹ Здесь и далее при цитировании текста запись дается в новой орфографии, однако сохраняется дореформенное правописание примеров.

колебания в употреблении приставок на -з и -с. Так, наряду с нормативными формами, приводимыми поэтом: *Всѣ **предразсудки** истребя* [Евг. О. 1838: 43], ***Разсудокъ** мой изнемогаетъ* [Евг. О. 1838: 82], *И чтобъ ея **разспять** горе* [Евг. О. 1838: 53], *Въ слезахъ **раскашлялась** она* [Евг. О. 1838: 194] — и другими, в которых приставки используются согласно правилу — перед глухой согласной корня пишется *рас-*, а перед корнем, начинающимся со звонкой или буквы *с*, ставится приставка *раз-*, — в произведении автора отмечаются отступления от действующей орфографической тенденции. Несмотря на то, что автор дает нормативное написание *разсказать*, которое встречается лишь единожды: ***Разскажи** мнѣ, няня* [Евг. О. 1838: 71], в тексте гораздо чаще приводится иной вариант: четыре раза повторяется лексема *рассказъ* и один раз глагольная форма *рассказывать*: *Обильный чувствами **рассказъ*** [Евг. О. 1838: 46]. Все это свидетельствует о неустойчивости орфографической нормы написания приставок на -з, -с.

Непоследовательность в выборе приставки отмечается и с морфемой *из-* / *ис-*. Правила ее употребления аналогичны нормам написания приставки *раз-* / *рас-*. С одной стороны, морфема *из-* употребляется не только перед звонкими и буквой *с*, как гласит правило: *изжечь* [СЦР, II: 113], *изнемогать* [СЦР, II: 119], *изсκολбить* [СЦР, II: 123]. Материалы «Словаря церковнославянского и русского языка» 1847 г. показывают, что она встречается и перед глухими согласными: *изцарапать*, *изчерпать* [СЦР, II: 126], *изшарить*, *изшелушить*, *изцелять*, *изщипать* [СЦР, II: 127]. С другой стороны, приставка *ис-* используется перед глухими: *испачкать* [СЦР, II: 138], *истолочь*, *истопить* [СЦР, II: 144], *исходить*, *исхудать* [СЦР, II: 147]. Анализ употребления этих приставок, по данным словаря, позволяет выявить некоторую закономерность. Несмотря на то, что и *из-*, и *ис-* употребляются перед буквами, обозначающими глухие звуки, в лексикографическом источнике не наблюдается смешения их выбора при соседстве с одной и той же буквой. Так, *из-* ставится перед такими глухими, как *ц*, *ч*, *ш*, *щ*, а *ис-* — перед *к*: *искроить*, *искромсать* [СЦР, II: 137], *п*: *испачкать* [СЦР, II: 138], *испугать* [СЦР, II: 142], *т*: *истоить*, *истребовать* [СЦР, II: 146], *х*: *исходатайствовать* [СЦР, II: 147].

Обращение к другому нормативному источнику, правда изданному почти на пятьдесят лет раньше, показывает, что в русском языке было рекомендовано написание с приставкой *из-*, так как «Словарь Академии Российской» 1789–1794 гг. фиксирует слова с морфемой *из-*, не предлагая слова, в которых встречалась бы приставка *ис-*: *изкоптить* [САР, III: 808 стлб.], *изкривить* [САР, III: 950 стлб.], *изтаскать* [САР, VI: 39 стлб.], *изтолочь* [САР, VI: 157 стлб.], *изходить* [САР, III: 239 стлб.], *изхищаю* [САР, VI: 540 стлб.], *изчисляю* [САР, VI: 780 стлб.], *изшить* [САР, VI: 931 стлб.], *изщипываю* [САР, VI: 963 стлб.] и др.

Анализ орфографии лексем, в которых используются другие приставки на -з, -с, показывает, что в этом издании в словах пишутся приставки, оканчивающиеся на -з. С этой буквой в справочном издании даются даже слова *возтокъ* [САР, VI: 76 стлб.], *возторгъ* [САР, VI: 195 стлб.]. Этот факт наталкивает на следующие размышления. Весьма сомнительно считать, что орфографическая норма могла эволюционировать за 50 лет настолько, что кардинально изменилось написание слов, в которых -з была частью приставки. Такое правописание, в котором не используются приставки на -с, показывает сознательный отказ составителей лексикографического издания от выбора приставок на -с. Поэтому в такой подаче слов, зафиксированной в работе, можно усмотреть предпочтения составителей словаря.

Г. О. Винокур писал, что в этой монументальной работе, которая создавалась в эпоху поиска языковой нормы, мы наблюдаем стремление регламентировать речевое употребление. XVIII век в Российской империи был периодом формирования книжного языка нового типа, которому надлежало стать заменой старой книжной речи, основывающейся на языке церковной литературы. «Книжный язык естественно тяготеет к единообразию, в особенности в области внешних форм, и в первую очередь — в области правописания. Общеизвестно, что устойчивого правописания у нас в XVIII в. не было. Между тем стремление к такой устойчивости несомненно существовало» [Винокур 1959].

Однако, предлагая единственно возможный способ написания слов с приставками, оканчивающимися на -з, авторы «Словаря Академии Российской» не смогли избежать противоречий, так как в тексте, адресованном читателям, мы обнаруживаем отступление от лексикографической тенденции передачи слов. Так, в Предисловии к изданию встречаем: *Всякому въ лѣтописяхъ искусившемуся* [САР, I: V], вместо рекомендованных ими же форм *изкушенный* [САР, III: 1108 стлб.], *изкусъ* [САР, III: 1108 стлб.], или находим другой пример: *расположеніе оныхъ* [САР, I: VI], хотя источник дает нормативное написание: *разположеніе* [САР, III: 1283 стлб.] и др.

Как отмечают сами составители, так как много в русском правописании зависит от употребления, часто используют з вместо с и наоборот, то академическое издание соблюдает в словаре правописание, принятое в церковных книгах [САР, I: XIII]. Все это свидетельствует о попытках кодификации формирующейся орфографической нормы, однако примеры отступления от устанавливаемых догм правописания являются отражением письменной речевой практики, существующей в обществе.

Сравнение нормы употребления, зафиксированной в «Словаре церковнославянского и русского языка» 1847 г., с практикой письма свидетельствует об отсутствии единства взглядов лингвистов, писателей,

поэтов по вопросу употребления приставок. В текстах А. С. Пушкина приставка *ис-* используется перед глухими согласными: *Не посылалъ Господь мнѣ исцѣленья* [Бор. Год. 1838: 337], *Исчезло счастье юныхъ лѣтъ* [Евг. О. 1838: 18], за исключением позиции перед буквой *с*, в этом положении ставится морфема *из-*: *Изсльдовать на мѣсть это дѣло* [Бор. Год. 1838: 263], *На синихъ, изъльченныхъ льдахъ* [Евг. О. 1838: 228]. Однако тоже непоследовательно используется приставка *ис-*. Оказываясь в положении перед буквой *п*, в одних случаях автор пишет *ис-*, а в других — отступает от нормы и дает *из-*: *Но ихъ исправить не хочу* [Евг. О. 1838: 33], *Иль явно, иль изподтишка* [Евг. О. 1838: 146], хотя лексикографический источник закрепляет написание, соответствующее современному: *исподтишка* [СЦР II: 140]. Отсюда можно сделать вывод о том, что в практике письма правило не устоялось.

Сопоставление двух версий издания произведения «Гимн лиро-эпический, на прогнание французов из Отечества 1812 года» Г. Р. Державина позволяет также сделать некоторые выводы относительно изменения языковой тенденции употребления приставок на *-з*, *-с*. В работе, опубликованной в 1866 г. под редакцией Я. Грота, морфема *ис-* пишется перед глухими согласными, в том числе и перед буквой *с*: *Исшелъ изъ безднѣ огромный звѣрь* [Державин 1866: 2], *Исчезъ змѣй-исполинь!* [Державин 1866: 2], *Исслали храмы стонѣ* [Державин 1866: 6], *Но какъ исчислить всѣхъ героевъ* [Державин 1866: 16]. Такой порядок соответствует современной норме правописания приставок на *-з*, *-с*.

Обращение к более раннему изданию (1813 г.) показывает, что во всех этих примерах пишется приставка *из-*: *изшелъ* [Державин 1813: 3], *изчезъ* [Державин 1813: 4], *изслали* [Державин 1813: 9], *изчислить* [Державин 1813: 20], что согласуется с нормой правописания (*из-* ставится перед *ц*, *ч*, *ш*, *щ*), зафиксированной в лексикографическом источнике — «Словаре церковнославянского и русского языка» 1847 г. В то же время мы встречаем приставку *ис-*: *То только тѣмъ, что взоры искосивъ* [Державин 1813: 16], *Звѣрь исходитъ отъ бездны*² [Державин 1813: 24], что также соответствует тенденции, зафиксированной в словаре (*ис-* фиксируется перед *к*, *п*, *т*, *х*), однако в комментариях, которые даны автором после текста Лиро-эпического гимна, приставка *ис-* выступает в позиции перед буквой *ч*, с которой ранее употреблялась приставка *из-*: *Видно изъ исчисления Дерптскаго Профессора Гецеля...* [Державин 1813: 27].

Если в передаче слов с приставками на *-з*, *-с*, оказывающимися в положении перед звонкими и глухими, отражается непоследовательность, так

² В примечании к тексту гимна Г. Р. Державин дает ссылку на текст Апокалипсиса, глава 11. ст. 7 и глава 13. ст. 1.

как одно и то же слово в словарях, художественной литературе пишется по-разному, то слова, в которых есть приставка *без-*, как показывают материалы нашего исследования, передаются единообразно: *безпрерывно трудился на литературномъ поприщѣ* [Греч 1827: IV], *Къ чему безплодно спорить съ вѣкомъ?* [Евг. О. 1838: 14], *Чувствительны, безпечны вновь* [Евг. О. 1838: 26], *Безстрашно вшелъ во сердце водъ* [Державин 1813: 7], *Такъ мыслить безпристрастно* [Державин 1866: 17].

Последовательно отражается написание слов с приставками перед буквой *с*. В большинстве случаев в такой позиции используются приставки на звонкую *з*: *языкъ можетъ быть разсматриваемъ* [Греч 1827: 3], *изсльдование памятниковъ* [Чернышев 1915: 24], *слова не разставлены* [Чернышев 1915: 63]. На наш взгляд, сохранение конечной -з вызвано необходимостью разграничения префиксальной морфемы и корневой.

В работах по дореформенной орфографии [см., например, Борзенков 1823: 13–14; Грот 1873: 88–89; Грот 1894: 47 и др.], служащих руководством для пишущих, фиксируется правило о написании приставок, но не объясняется, чем обусловлен особый статус некоторых из них (*без-*, *чрез-/через-*), а также чем вызвано особое положение корневой согласной *с*. По утверждению Ф. И. Буслаева, орфография «ограничивалась условно принятыми обычаями письма, вовсе не касаясь причин, почему пишут так, а не иначе; и не затрудняя себя вопросами о том, всегда ли писалось то или другое так, как теперь писать принято» [Буслаев 1858: VIII].

Очевидно, наличие в русском языке предлогов *без*, *чрез/через*, орфография которых закреплена в грамматиках, способствовало сохранению этого правописания и в словах, где *без-* и *чрез-/через-*, являясь приставками, входили в состав слов. Подтверждение этой точки зрения находим у В. В. Каверинной, исследовавшей варьирование конечных согласных префиксов на материале периодических изданий XVII–XIX вв. Она отмечает преимущественное использование приставки *без-*, объясняя, предположительно, такую устойчивость «влиянием орфографии соотносительного предлога *без*, достаточно употребительного и отличающегося, как все предлоги, более стабильной по сравнению с приставками орфографией» [Каверина 2005: 61].

Предлог-приставка *без*, имеющий значение ‘лишение или недостаток’, употреблялся вместо отрицательной частицы *не*: *безблагодатныя* [САР, I: 121 стлб.], поэтому отчетливо вычленялся в слове, равно как и *чрез/через*, указывающий на что-либо, находящееся за чем-либо, чередование, наделяющий имена существительные, прилагательные и наречия, с которыми он сочетался, значением превосходной степени: *чрезмърный*, *чрезвычайный*, *чрезъ чуръ* [САР, VI: 804 стлб.], *черезчуръ* [Шереметевский 1891: 92]. Что касается предлога-приставки *из*, имеющего значение

‘движение наружу’, а также других приставок на -з, то их не всегда можно вычленишь в структуре слов. Ср. *исчезать* — префиксальное производное от *чезати* ‘потухать, пропадать’ [Шанский и др. 1975: 180]; *восторг* — образование от *въстѣргати*, которое в свою очередь создано от *тѣргати* ‘рвать’ [Там же: 94].

Таким образом, узнаваемость приставок *без-*, *чрез-/через-* давала им особый статус, поэтому в словах с ними в конце приставки независимо от последующей звонкой или глухой согласной закреплялась -з.

Там, где состав слова оставался неясным, как отмечает Д. Н. Ушаков, «где приставка тесно срослась с корнем, возможно сохранить фонетическое написание, напр., *восток*» (курсив наш. — У. Т.) [Ушаков 1911: 85]. Учитывая этот фактор, по отношению к приставкам *из-/ис-*, *воз-/вос-*, *раз-/рас-*, *низ-/нис-*, даже опознаваемым в структуре слов (ср. *расши́тый*), действовало общее правило (перед глухой согласной корня ставилась буква -с, а перед звонкой — соответственно -з).

Стройность в написании префиксов *без-*, *чрез-/через-* поддерживалась также закреплением их орфографии в грамматиках, словарях, справочниках. К разному в употреблении других приставок, на наш взгляд, приводило непоследовательное исполнение правила, так как перед буквами, обозначающими глухие звуки (кроме с) должна была произойти замена конечной звонкой приставки на глухую, однако, как показывают материалы нашего исследования, перед одними глухими это происходило, а перед другими нет.

Если обратиться к педагогическому этюду преподавателя методики русского языка В. П. Шереметевского, изданному в 1891 году, то мы обнаружим, что единства взглядов на вопрос написания приставок *воз-*, *из-*, *низ-*, *раз-* не было. Это «пресловутое правило», как отмечает лингвист, разделило и учебники, и учителей на два враждебных лагеря: «предлоги *воз*, *из*, *низ*, *раз* перед *к*, *п*, *т*, и *х* (так гласит эта формула в учебниках более воздержных) и перед *ц*, *ч*, *ш*, и *щ* (прибавляют менее воздержные) изменяют *з* на *с*»³ [Шереметевский 1891: 7–8]. Так, например, в «Сокращенной русской грамматике» А. Х. Востокова, изданной в 1831 году, говорится только об одной части глухих согласных: отмечает-ся «перемена *з* на *с* в предлогах слитных *воз*, *из*, *низ*, *раз* перед твердыми согласными *п*, *т*, *к*, *х*; напр. *вспомнить* (вм. *взпомнить*), *воспитание* (вм. *возпитание*), *истекать* (вм. *изтекать*), *искупить* (вм. *изкупить*), *расходъ* (вм. *разходъ*)» [Востоков 1831: 173]. Существование разных взглядов на орфографию приставок на -з/-с поддерживало вариативность в их написании.

³ Пунктуация текста сохранена.

Анализ примеров употребления лексем с приставками на -з, -с, зафиксированных в XIX веке в текстах художественной литературы, в лексикографических трудах, позволяет сделать следующие выводы.

1. Обнаруживаемые в источниках разные варианты написания слов, имеющих приставки *из-/ис-*, *воз-/вос-*, *раз-/рас-*, не подводимые под современное правило правописания приставок (перед глухими согласными — с, перед звонкими — з) и имеющие отклонение от орфографических норм, рекомендованных лингвистами, можно объединить в группы: *из-*, *воз-*, *раз-* ставятся перед *ц*, *ч*, *ш*, *щ*, а *ис-*, *вос-*, *рас-* пишутся перед *к*, *п*, *т*, *х*.

2. Однако отсутствие единого правила, которому бы подчинялось написание всех слов, имеющих приставки на -з, -с, приводило к разному в орфографии, когда в одной позиции перед какой-либо глухой используется приставка на -с, а перед другой глухой — приставка на -з.

3. Отдельные случаи отклонения в написании слов, допускаемые авторами художественных произведений и лексикографами, с одной стороны, свидетельствуют о неустойчивости орфографической нормы и трудностях ее усвоения, а с другой — о необходимости выработки единого правила, которое способствовало бы упорядочению языковой нормы.

В истории русского правописания отражаются фонетический и этимологический принципы. Фонетическое начало письма подчинено этимологическому, которое позволяет сохранить следы происхождения и состава слов. Русское правописание восходит к церковнославянскому, но в его становлении немалую роль сыграло и произношение, резко отличающееся от фонетики славянской, что нашло отражение в том, что «старинное историческое письмо» сблизилось с живой речью. Такое слияние оснований фонетического и этимологического принципов происходит без системы и не всегда последовательно, но во многих случаях настолько положительно, что на этом основался обычай, установилось общее соглашение. Для раннего периода церковнославянского письма характерно сохранение фонетических начертаний. На фонетическом принципе основываются: 1) слияния предлога-приставки с другим словом, в целях устранения удвоения звуков, не свойственного церковнославянскому языку, например, *рас̑мотрити*, *рас̑шити*; 2) слитные написания слов с предлогами-приставками. Поясняя действие орфографических оснований, Я. К. Грот приводит такие примеры слитного написания слов: *иш̑тезнути*, *иш̑титати* вместо *изчезнути*, *изсчитати*; написание *в̑зскричати* вместо *в̑зкр̑ичати* [Грот 1886: 4].

В 1862 г. на педагогическом собрании В. Я. Стоюнин предложил устранить орфографические разногласия, рекомендовав ряд написаний. Среди прочих предложений — *рассказ̑ь*, *рассужден̑іе*, *бессн̑ьж̑е*, *бессловесный*. Названные Я. К. Гротом совершенно непрактичными по новизне своей правила [Грот 1873: 68], как видим, вошли в свод русской орфографии.

Влиянием произношения обусловлено развитие русского правописания. Изменению подвергаются свистящие *з, с*, которые приспособляются к последующим согласным в силу действия закона уподобления звуков. Так, Я. К. Грот объясняет орфографию слов: вместо *возходѣ, изполнять* пишут *восходѣ, исполнять*; вместо *сдѣсь, вездѣ* встречаем *здѣсь, вездѣ* [Грот 1886: 5].

Что касается орфографических правил, зафиксированных в справочном пособии Я. К. Грота 1873 г. [Грот 1873: 88–89], то отмечается, что правописание приставок *воз, из, низ, раз*⁴ имеет устоявшийся характер: перед глухими согласными приставки оканчиваются на глухую *с*, перед звонкими и *с* удерживают в них *з*. Особняком стоит в этой группе приставка *без-*, сохраняющая конечный согласный независимо от последующей буквы. Однако выделять эту приставку из группы однотипных приставок и применять к ней особые правила, считает лингвист, нет оснований, так как часть *бес-* встречается в памятниках письменности: *бесконьчьнѣ, бескрѣвьнѣ* [СС 1994: 81].

Как показывает история русской орфографии, современное правило написания приставок на *-з, -с*, имеющее единые, непротиворечивые основания, устраняющее графический разнобой и базирующееся на фонетическом принципе, было установлено Декретом о введении нового правописания (1917 г.) [Декрет 1942].

Таким образом, в результате проведенного исследования можно сделать следующие выводы. В лексикографических трудах конца XVIII века было зафиксировано безальтернативное написание слов с приставками, оканчивающимися на *-з*. Стремление кодифицировать орфографию слов с приставками на такую согласную не нашло широкий отклик у общественности, поэтому в письменной речевой практике рекомендации использовать везде *з* не следовали, предпочитая фонетическое написание приставок.

С середины XIX века и в словарях, и в речевой практике наблюдаются изменения в критериях выбора приставок на *-з, -с*. Несмотря на учет фонетических оснований (перед буквами, обозначающими глухие звуки, писать приставку на *-с*, а перед звонкими — приставку на *-з*), материалы нашего исследования показывают, что в лексикографических изданиях выработка правила осуществлялась постепенно, поэтому перед одними глухими (*ц, ч, ш, щ*) писали приставки *из-, воз-, раз-*, а перед другими (*к, п, т, х*) ставили *ис-, вос-, рас-*. Однако при всем многообразии вариантов написания слов с приставками на *-з, -с*, отмеченных в научных трудах и в текстах художественных произведений, незыблемым было написание

⁴ В работе Я. К. Грота они называются предлогами.

приставки *без-*. Во всех словах, где встречалась эта приставка, она сохраняла звонкую з. Орфография приставок *без-*, *чрез-/через-* поддерживалась наличием соотносительных предлогов. В случае с морфемой *из-* этого не происходило, несмотря на имеющийся также соотносительный предлог, так как не всегда отчетливо выделялась эта приставка. Поэтому по отношению к приставкам *из-/ис-*, *воз-/вос-*, *раз-/рас-*, *низ-/нис-* применялось общее правило о сохранении -з перед звонкой или ее замене — перед глухой. Что касается позиции приставок перед словами, начинающимися с буквы с, то изменений не происходило, чтобы показать границу между префиксальной и корневой морфемами.

Декретом о введении нового правописания в начале XX века были устранены случаи отступления от правила выбора приставок, которое получило единообразный вид и непротиворечиво реализуется в современном русском языке.

Источники

Бор. Год. — Борис Годунов // Сочинения Александра Пушкина. Т. 1. СПб.: Типография экспедиции заготовления государственных бумаг, 1838. С. 257–373.

Декрет — Декрет о введении нового правописания // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. М.: Управление делами Совнаркома СССР, 1942. С. 187–188.

Державин 1813 — Державин Г. Р. Гимн лиро-эпический, на прогнание французов из Отечества 1812 года. СПб.: В Медицинской типографии, 1813. 34 с.

Державин 1866 — Державин Г. Р. Собрание сочинений под ред. Я. Грота. Т. 3. СПб., 1866 [Электронный ресурс]. URL: https://imwerden.de/pdf/derzhavin_hymn.pdf (дата обращения: 19.02.2022).

Евг. О. — Евгений Онегин, роман в стихах // Сочинения Александра Пушкина. Т. 1. СПб.: Типография экспедиции заготовления государственных бумаг, 1838. С. 1–256.

САР — Словарь Академии Российской. Ч. I–VI. СПб.: Императорская Академия Наук, 1789–1794.

СС — Старославянский словарь (по рукописям X–XI вв.). Ок. 10 000 сл. / ред. Р. М. Цейтлин, ред. Р. Вечерка, ред. Э. Благова. М.: Русский язык, 1994. 842 с.

СЦР — Словарь церковнославянского и русского языка, составленный Вторым отделением Императорской Академии Наук. Т. I–IV. СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1847.

Литература

- Богородицкий В.А.* Очерки по языковедению и русскому языку: Пособие при изучении науки о языке. 3-е изд., пересм. и испр. Казань: Типолиитография Императорского Казанского университета, 1910. VI, 456 с.
- Борзенков Д.С.* Начертание правил российского правописания. 3-е изд. Харьков: Университетская типография, 1823. 31 с.⁵
- Буслаев Ф.И.* Опыт исторической грамматики русского языка: Учебное пособие для преподавателей / сост. Ф. Буслаевым. Ч. 1: Этимология. М.: Университетская типография, 1858. XL, 244 с.
- Винокур Г.О.* К истории нормирования русского письменного языка в конце XVIII века (Словарь Академии Российской, 1788–1794) // Избранные работы по русскому языку. М.: Учпедгиз, 1959. С. 162–187 [Электронный ресурс]. URL: <http://philology.ru/linguistics2/vinokur-59f.htm> (дата обращения: 19.02.2022).
- Востоков А.Х.* Сокращенная русская грамматика для употребления в низших учебных заведениях, составленная по поручению Комитета рассмотрения учебных пособий Александром Востоковым. СПб.: Типография Департамента народного просвещения, 1831. 16, 207 с.
- Греч Н.И.* Пространная русская грамматика. Т. 1. СПб.: Типография Н. Греча, 1827. XVI, 386 с.
- Грот Я.К.* Спорные вопросы русского правописания от Петра Великого доньше: Филологическое разыскание Я. Грота. СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1873. 162 с.
- Грот Я.К.* Несколько разъяснений по поводу замечаний о книге «Русское правописание»: Записка Я.К. Грота, читанная во Втором отделении Академии наук. СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1886. 57 с.
- Грот Я.К.* Русское правописание: Руководство, составленное по поручению Второго отделения Академии наук. 11-е изд. СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1894. XII, 120, XL с.
- Каверина В.В.* Орфография русских периодических изданий XVII–XIX вв.: варьирование конечных согласных префиксов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2005. № 4. С. 57–66.
- Ненашева Л.В.* Из истории правописания приставок на -з/-с // Русский язык в школе. 2010. № 5. С. 68–71, 92.
- Ушаков Д.Н.* Русское правописание: Очерк его происхождения, отношения его к языку и вопроса о его реформе. М.: В.С. Спиридонов, 1911. 102 с.

⁵ Автор в книге не указан, установлен по изданию: *Чириков Г.С.* Указатель книг и брошюр, напечатанных в Харькове. Харьков, 1890.

- Чернышев В. И. Законы и правила русского произношения: Звуки. Формы. Сочетания слов: Опыт руководства для учителей, чтецов и артистов. 3-е изд., пересмотр. Петроград: Типография Императорской Академии Наук, 1915. 108 с.
- Шанский Н. М., Иванов В. В., Шанская Т. В. Краткий этимологический словарь русского языка: Пособие для учителей / под ред. С. Г. Бархударова. 3-е изд., испр. и доп. М.: Просвещение, 1975. 543 с.
- Шереметевский В. П. К вопросу о «единообразии» в орфографии, по поводу академического руководства «Русское правописание»: Педагогический этюд преподавателя педагогики и методики русского языка Владимира Шереметевского. М.: Университетская типография, 1891. VI, 92 с.

References

- Bogoroditskii V. A. *Ocherki po yazykovedeniyu i russkomu yazyku: Posobie pri izuchenii nauki o yazyke* [Essays on linguistics and the Russian language: A guide to the study of the science of language]. 3rd ed., revis. Kazan, Typolithography of Imperial Kazan University, 1910. VI, 456 p.
- Borzenkov D. S. *Nachertanie pravil rossiiskogo pravopisaniya* [Inscription of the rules of Russian spelling]. 3rd ed. Kharkiv, University Printing House, 1823. 31 p.⁶
- Buslaev F. I. *Opyt istoricheskoi grammatiki russkogo yazyka: Uchebnoe posobie dlya prepodavatelei* [The experience of the historical grammar of the Russian language: A textbook for teachers]. Compiled by F. Buslaev. Part 1. Etymology. Moscow, University Printing House, 1858. XL, 244 p.
- Chernyshev V. I. *Zakony i pravila russkogo proiznosheniya: Zvuki. Formy. Sochetaniya slov: Opyt rukovodstva dlya uchitelei, chtecov i artistov* [Laws and rules of Russian pronunciation: Sounds. Forms. Word combinations: An experience of leadership for teachers, readers and artists]. 3rd ed., revis. Petrograd, Publ. House of Imper. Academy of Sciences, 1915. 108 p.
- Grech N. I. *Prostrannaya russkaya grammatika* [Extensive Russian grammar]. Vol. 1. St. Petersburg, Printing House of N. Grech, 1827. XVI, 386 p.
- Grot Ya. K. *Spornye voprosy russkogo pravopisaniya ot Petra Velikogo donyne: Filologicheskoe razyskanie Ya. Grot* [Controversial issues of Russian spelling from Peter the Great to this day: Philological Research by Ya. Grot]. St. Petersburg, Publ. House of Imper. Academy of Sciences, 1873. 162 p.
- Grot Ya. K. *Neskol'ko raz'yasnenii po povodu zamechanii o knige "Russkoe pravopisanie": Zapiska Ya. K. Grot, chitannaya vo Vtorom otdelenii Akademii nauk* [A few clarifications about the comments about the book "Russian Spelling": A note by Ya. K. Grot, read in the Second

⁶ The author in the book is not listed, installed by publication: Chirikov G. S. *Ukazatel' knig i broshyur, naпечатannykh v Khar'kove* [Index of books and brochures printed in Kharkiv]. Kharkiv, 1890.

- Department of the Academy of Sciences]. St. Petersburg, Publ. House of Imper. Akademy of Sciences, 1886. 57 p.
- Grot Ya. K. *Russkoe pravopisanie: Rukovodstvo, sostavlennoe po porucheniyu Vtorogo otdeleniya Akademii nauk* [Russian spelling: A guide compiled on behalf of the Second Branch of the Academy of Sciences]. 11th ed. St. Petersburg, Publ. House of Imper. Akademy of Sciences, 1894. XII, 120, XL p.
- Kaverina V. V. [Spelling of Russian periodicals of the 17th–19th centuries: variation of final consonant prefixes]. *Bulletin of St. Petersburg University. Series 9. Philology. Oriental studies. Journalism*. 2005, no. 4, pp. 57–66. (In Russ.)
- Nenasheva L. V. [From the history of spelling prefixes on -z/-s-]. *Russkii yazyk v shkole*. 2010, no. 5, pp. 68–71, 92. (In Russ.)
- Shanskii N. M., Ivanov V. V., Shanskaya T. V. *Kratkii etimologicheskii slovar' russkogo yazyka: Posobie dlya uchitelei* [Concise etymological dictionary of the Russian language: Manual for teachers]. Ed. by S. G. Barkhudarov. 3rd ed., corr. and add. Moscow, Prosveschenie Publ., 1975. 543 p.
- Sheremetevskii V. P. *K voprosu o "edinoobrazii" v orfografii, po povodu akademicheskogo rukovodstva "Russkoe pravopisanie": Pedagogicheskii etyud prepodavatelya pedagogiki i metodiki russkogo yazyka Vladimira Sheremetevskogo* [On the issue of "uniformity" in spelling, on the academic leadership "Russian spelling": Pedagogical study of the teacher of pedagogy and methodology of the Russian language Vladimir Sheremetevsky]. Moscow, University Printing House, 1891. VI, 92 p.
- Ushakov D. N. *Russkoe pravopisanie: Ocherk ego proiskhozhdeniya, otnosheniya ego k yazyku i voprosa o ego reforme* [Russian spelling: An essay on its origin, its relation to the language and the question of its reform]. Moscow, V. S. Spiridonov, 1911. 102 p.
- Vinokur G. O. [On the history of the regulation of the Russian written language at the end of the 18th century (Dictionary of the Russian Academy, 1788–1794)]. *Izbrannye raboty po russkomu yazyku* [Selected works on the Russian language]. Moscow, Uchpedgiz Publ., 1959, pp. 162–187. (In Russ.) Available at: <http://philology.ru/linguistics2/vinokur-59f.htm> (accessed 19.02.2022).
- Vostokov A. Kh. *Sokrashchennaya russkaya grammatika dlya upotrebleniya v nizshikh uchebnykh zavedeniyakh, sostavlenaya po porucheniyu Komiteta rassmotreniya uchebnykh posobii Aleksandrom Vostokovym* [An abbreviated Russian grammar for use in lower educational institutions, compiled on behalf of the Committee for the Review of Textbooks by Alexander Vostokov]. St. Petersburg, Printing House of the Department of Public Education, 1831. 16, 207 p.

Мифопоэтическое пространство бани в стихотворениях Б. А. Слуцкого и В. С. Высоцкого

Илья Алексеевич Александров, Московский гуманитарный университет (Москва, Россия),
aleks-ilia91@yandex.ru

DOI: 10.31857/S013161170024709-8

АННОТАЦИЯ: Образ бани, имеющий в истории русской словесности глубокие мифопоэтические корни, находил воплощение и в произведениях советской литературы. Так, в стихотворениях «Баня» Б. А. Слуцкого и «Банька по-белому» В. С. Высоцкого создаются архетипные образы бани, которые, несмотря на включенность в них реалий советской жизни, проявляют свою архаичную синкретическую природу. Сюжет посещения бани реализован разговором о прошлом — военно-фронтовом в первом случае и лагерном во втором. Связующий для двух текстов мотив очищения, духовного и физического, аккумулирует изменение темпоральных границ сюжета. Как пространство пограничное и сакральное, локус бани словно переносит героев в прошлое. Характерно, что для передачи таких смыслов поэты прибегают к одним и тем же доминантам художественного языка. Поэтика повторов и однородностей, с помощью которой осуществляется ориентация на уподобление устно-разговорной, а не литературно-книжной речи, погружает читателя в мир сказочности и раскрывает концепт рая. В то же время стихотворение В. С. Высоцкого можно расценивать как логическое продолжение «Бани» Б. А. Слуцкого: лагерное прошлое лирического героя «Баньки по-белому» восполняет пробел в изображении картины времени. Вступая в диалог с текстом Б. А. Слуцкого, стихотворение В. С. Высоцкого делает образ эпохи целостным.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Б. А. Слуцкий, В. С. Высоцкий, баня, мифопоэтика, очищение, прошлое, поэтика повторов и однородностей

для цитирования: Александров И. А. Мифопоэтическое пространство бани в стихотворениях Б. А. Слуцкого и В. С. Высоцкого // Русская речь. 2023. № 1. С. 103–113. DOI: 10.31857/S013161170024709-8.

The Language of Fiction

Mythopoetic Space of Banya in Poems of B. A. Slutsky and V. S. Vysotsky

Il'ya A. Aleksandrov, Moscow University for the Humanities (Moscow, Russia),
aleks-ilia91@yandex.ru

ABSTRACT: The image of the banya (a Russian steam bath) with its deep mythopoetic roots in the history of Russian literature is embodied in the works of the Soviet literature as well. Thus, the poems “Banya” by B. A. Slutsky and “White Banya” by V. S. Vysotsky create the archetypal images of the bathhouse, which, despite the realities of the Soviet life described in them, manifest their archaic syncretic nature. The plot of the banya visit is represented by talking about the past — the military one in the first case and the labour camp one in the second. The motive of spiritual and physical purification connecting the two texts, accumulates the change of the temporal boundaries of the plot. As a borderline and a sacred space, banya locus seems to take the heroes into the past. It is typical that poets resort to the same dominants of artistic language in order to express such meanings. The poetics of repetitions and homogeneities, with the help of which the orientation towards assimilating oral-colloquial rather than literary-book speech is carried out, immerses the reader in the world of fabulousness and reveals the concept of paradise. At the same time, the poem by V. S. Vysotsky can be regarded as a logical continuation of Slutsky’s poem: the camp past of the lyrical hero depicted in “White Banya” fills the gap in the representation of the picture of that period. Initiating a dialogue with the text of B. A. Slutsky, the poem by V. S. Vysotsky makes the image of the era complete.

KEYWORDS: B. A. Slutsky, V. S. Vysotsky, bathhouse, mythopoetics, purification, the past, the poetics of repetitions and homogeneous terms

FOR CITATION: Aleksandrov I. A. Mythopoetic Space of Banya in Poems of B. A. Slutsky and V. S. Vysotsky. Russian Speech = Russkaya Rech'. 2023. No. 1. Pp. 103–113. DOI: 10.31857/S013161170024709-8.

Мифопоэтические образы, обусловленные архаичными представлениями о жизни и смерти, добре и зле, пространстве и времени, не отвечали доктрине соцреалистического искусства. Однако в литературе советского периода они не теряли своей актуальности и, более того, находили оригинальное художественное воплощение. Так, Б. А. Слуцкий и В. С. Высоцкий стали авторами двух разных и одновременно близких «мифопоэтических» текстов — «Баня» (опубликовано в 1955 г.) и «Банька по-белому» (опубликовано в 1977 г.).

Уже при беглом прочтении стихотворений становится очевидным их сходство в построении поэтики, основанной на многочисленных повторях и однородных конструкциях. В то же время понятна разница в их риторической установке. Если в тексте Б. А. Слуцкого слышатся отголоски гражданственности, гордость за подвиг своих соотечественников, то В. С. Высоцкий, наоборот, прибегает к исповедальному лиризму, повествуя о личном опыте — нелегкой доле заключенного. Однако, как мы видим, подобные расхождения не кажутся такими принципиальными в свете другого немаловажного аспекта. И у Б. А. Слуцкого, и у В. С. Высоцкого тема бани является лишь поводом для разговора об эпохальных событиях: Великой Отечественной войне и репрессиях. Мифопоэтический локус бани, связанный с ритуальным омовением и переходностью, становится временным порталом в прошлое. Поэтому мы предлагаем рассматривать баню как мифопоэтическое пространство. Под мифопоэтическим пространством в литературном произведении мы понимаем уходящую в архаику пространственную модель, не равную остальному миру. Это система координат, целостный образ, наполненный символизмом, обладающий магической способностью подчинять себе человека и его бытие, менять мир человека и его отношения со временем.

В связи с этим актуальны вопросы: насколько глубоки и значимы семантические переключки двух текстов в построении мифопоэтического локуса бани? Как синкретическое пространство перемещает героев в прошлое?

Как средства поэтики связаны с сюжетом перемещения в *разное*, но такое хронологически *близкое* трагическое прошлое?

Согласно наиболее распространенному пониманию, уходящему корнями в синкретические представления о жизни и смерти, баня — это место очищения человека, причем не только физического, но и духовного. Заголовок стихотворения Б. А. Слуцкого с точки зрения первично заложенной семантики исключает неоднозначность. Текст имеет линейное повествование и представляет собой рассказ о посетителях бани, героях, переживших войну как на фронте, так и в тылу, — одноруких инвалидах, матросах, партизанах, рабочих:

Там ордена сдают вахтерам,
Зато приносят в мыльный зал
Рубцы и шрамы — те, которым
Я лично больше б доверял.

Там двое одноруких спины
Один другому бодро трут.
Там тело всякого мужчины
Исчеркали война и труд...

Упомянутые герои, как и полагается в бане, проходят физическое очищение и достигают катарсиса («чувство острого блаженства»), что вытекает из семантики заглавия, поскольку блаженство — состояние внутреннее, психологическое. Словарь Д. Н. Ушакова дает следующее толкование существительного: блаженство — «высокая степень счастья, наслаждение» [Ушаков 2014: 40]. Но есть ли координаты того места, недостижимого мира, в котором простой человек способен испытать духовное и физическое преображение, если не сказать «воскресение»? Слуцкий, с одной стороны, дает ответ на этот вопрос и уточняет — «в периферийном городке». С другой стороны, такое обозначение — не что иное, как собирательный образ. Местоположение «городка» и самой бани не конкретизировано. Стоит обратить внимание на анафорическое построение с помощью указательного местоимения «там». Всего местоимение «там» встречается двенадцать раз, и в тексте оно звучит как грамматический конструкт мифологизации образа. Нетрудно расслышать в нем отголосок пушкинской сказочности. В посвящении поэмы А. С. Пушкина «Руслан и Людмила» местоимение «там» является также лейтмотивным («Там чудеса...», «Там на неведомых дорожках...», «Избушка там...»)¹. В свете наблюдений «в периферийном городке» можно рассматривать как зачин, эквивалентный «в некотором царстве, в некотором государстве». Однако «периферийный» — это еще

¹ См. у Стёркиной Н. И. «Вы не были в раю районном?»

и окраинный, далекий от центра, т. е. приближенный к границе. В такой двойственности смыслов образ бани приобретает обогащенную мифопоэтическую природу.

Повествовательность стихотворения также в значительной мере содержит мотивы и образы, говорящие о мифопоэтизме и сказочности. Пройдя вахту — своеобразную границу миров — субъект оказывается в «мыльном зале», т. е. месте сакрального омовения. Локус «мыльного зала» становится рамочным с точки зрения композиции. Картина коллективного мытья, всеобщего очищения в «мыльном зале» последовательно раскрывается через фокусировку внимания на каждом человеке, разворачивается через галерею портретов. Подобная организация пространства соответствует идее всеобщего равенства, братства: «Там двое одноруких спину // Один другому сильно трут...». Коллективное переживание блаженства, с одной стороны, отвечает духу советского времени, с другой стороны, подчеркивает мифопоэтизм происходящего.

Упомянутые выше повторы «там», конструкция «одноруких — один другому», на наш взгляд, говорят об установке текста на устно-разговорную, а не литературно-книжную традицию. Примечательно, что начало и финал стихотворения — идейно значимые части текста — содержат повтор-обращение «вы не были» и ключевое слово «баня», с помощью которых образуется кольцевая композиция. Такие лейтмотивы — не единичный прием, а лишь пример поэтики повторов и однородностей. В частности, очевидно вплетение в речь одних и тех же и близких по семантике местоименных форм, или, как писал относительно таких фигур В. Е. Хализев, «вариаций», выстраивающих новый эпизод с добавлением. Такое решение определено несколькими функциями. В первую очередь это помогает выразить идею всеобщего равенства, служит приемом каталогизации образов («тело *всякого* мужчины»), является при этом элементом яркой синекдохи («Там по рисунку *каждой* травмы...»). Также такой прием фиксирует темпоральность, связанную с архетипностью сюжета («Читаю каждый вторник я...»). Мотив посещения бани строится на цикличности. Характерная регулярность ассоциирует время и пространство, придавая действию ритуальность. Как известно, на Руси и в дореволюционное время суббота, т. е. день, предвещающий воскресный поход в церковь, считалась банным (наиболее ярко, к слову, это отражено в рассказе В. М. Шукшина «Алёша Бесконвойный», где герой нарушает заведенное в колхозе предписание посещать субботние собрания и уходит париться в баню: «Что же он делал в субботу? В субботу он топил баню. Все. Больше ничего не делал». Банная ритуальность по силе превосходит социальные нормы и предписания). Относительно повторов и вариаций В. Е. Хализев высказывал следующее: «Нечто подобное исторически раннему эпосу явственно и в других жанрах

(сказках, балладах). Так, в пушкинской «Сказке о царе Салтане», наследующей фольклорную традицию, по несколько раз повторен ряд текстовых эпизодов: «Ветер на море гуляет/ И кораблик подгоняет»; «Ветер весело шумит,/ Судно весело бежит» [Хализев 2004: 278]. Если учитывать сказанное и допускать, что архаичный прием мог трансформироваться в более поздних художественных текстах, то напрашивается предположение: стилизованная под сказочность речь выступает вспомогательным средством передачи сюжета перехода и очищения. В свою очередь доминирующая однородность напоминает традиционную для фольклора бинарность, которая имеет множество вариантов, опционально исключаящих или дополняющих друг друга («гуси-лебеди», «долго ли, коротко ли», «молочные реки — кисельные берега», «живая вода — мертвая вода» и т. д.). В стихотворении «Баня» Б. А. Слуцкого такой ход является ключевым и встречаются следующие конструкции: «рубцы и шрамы», «война и труд», «волнуясь и ликуя», «визг и хохот», «бедствий и сражений», «согнуть и сгорбить», «кино и стадионом», и в самом конце «парились иль нет?». Вопросительная концовка как бы ставит под сомнение реальность. Но именно такое очищение ведет к перемещению в прошлое.

В центре внимания лирического субъекта оказывается, как уже было сказано, галерея портретов — фронтовиков и тружеников тыла. Герой стихотворения осмысливает войну снова, а физическое обнажение позволяет сказать правду о прошлом: «Читаю... Без лести и обмана драмы/ Или романы без вранья...». Понятие «война» приобретает визуальное выражение, раскрывающееся через татуировки, *тексты на теле*, благодаря которым герой словно *прочитывает* прошлое. Здесь и романтические «лиловые татуировки» плаваний матроса, и «Не забудем мать родную!» партизана. При всем очевидном чувственно-эмоциональном участии субъекта, психологизированном переживании прошлого, наиболее эксплицированном в строках: «Но бедствий и сражений годы // Согнуть и сгорбить не смогли// Ширококостную породу// Сынов моей большой земли...», Б. А. Слуцкий выбирает эпический тон повествования. Образ советского народа героизирован через индивидуализацию и в то же время обобщен формулой «сынов моей большой страны».

Итак, баня в одноименном стихотворении Б. А. Слуцкого — сакрализованное пространство, поскольку в нем очищение достигается путем омовения и равенства, что, в свою очередь, ведет к блаженству. Находящееся в неопределенном месте, оно способно переносить в прошлое. Финальные строки содержат концепт, исчерпывающий все эти смыслы, — баня называется *раем* («Вы не были в *раю* (курсив наш. — И. А.) районном?»). Согласование строится на фонетической игре (созвучие «*раю*» — «*районном*»), которая также является примером неполного повтора.

Война, труд, героизм — все эти понятия образуют внутренний мир героя Б. А. Слуцкого. В. С. Высоцкий в стихотворении-песне «Банька по-белому» говорит о другой стороне прошлого, используя при этом схожие приемы построения художественного пространства.

Заголовок «Банька по-белому» имеет расширенный семантический ореол. При считываемом лексическом значении (в бане по-белому дымоход, в отличие от бани по-черному, выходит наружу) подтекст раскрывается через лирический сюжет. Герой В. С. Высоцкого через исповедальность перемещается в прошлое. Рассказ о драматичных годах заключения приводит его к катарсису. Для передачи смысла очищения В. С. Высоцкий обращается к цветовому символизму *белого*. Е. В. Климакова отмечает: «Помимо того, что белый цвет является символом невинности других, чистоты, совершенства и т. д., он заключает в себе амбивалентное значение, единство жизни и смерти» [Климакова 2010: 105]. Стоит обратить внимание на то, что при отвлеченном восприятии словосочетание «банька по-белому» звучит как плеоназм, поскольку баня сама по себе — это место очищения.

Определение локуса сюжета очищения сопровождается уточнением пространственных координат. Первая строфа содержит упоминание:

На полоче, у самого краюшка
Я сомненья в себе истреблю...

В данных строках соединяется семантика пространственной пограничности и положения на краю (что лейтмотивно для поэзии В. С. Высоцкого в целом), и это координирует перемещение в прошлое. Семантика белого цвета, помноженная на подтекст пограничности и переходности, говорит о сакральности пространства. Баня в тексте Б. А. Слуцкого также находится в *периферийном* городке. На первый взгляд, у В. С. Высоцкого переход связан с чувством физического раскрепощения («Разомлею я до неприличности,/ Ковш холодный — и все позади...»). Однако именно пространство обладает синкретическим потенциалом. Строка «Я сомненья в себе истреблю...» постпозитивна по отношению к обозначению локуса («На полоче, у самого краюшка...»), из чего следует, что исповедальный настрой героя обусловлен именно *местом* нахождения.

Интонационно повествование о прошлом сродни рассказу о чем-то героическом. Во-первых, неисчислима сумма жизненного опыта, во-вторых, идейным ядром опыта, духовной опорой определяется вера: «Сколько веры и лесу повалено,/ Сколь изведано горя и трасс...». Прошлое ассоциируется с религиозной преданностью Сталину, о которой в настоящем напоминает татуировка. Так же, как и в стихотворении Б. А. Слуцкого, наковка — это символический текст о прошлом. Его словесное построение

говорит о сакральности — образ вождя вначале умалчивается, затем раскрывается. Автор прибегает к расшифровке перифразы:

...И наколка времен культа личности
Засинеет на левой груди.
<...>
А на левой груди — профиль Сталина...

Герой В. С. Высоцкого недвусмысленно говорит о лагере («сколько лесу повалено») и через подтекст актуализирует мифологию жизни ГУЛАГа. Среди заключенных бытовала легенда о защитных свойствах татуировки в виде профиля И. В. Сталина на груди². Проходящая через текст вера оказывается не просто частью прошлого, но называется идеей, приводящей в *рай*. Однако очищение дает разуверение в рае и открывается горько-иронический смысл этого образа:

Застучали мне мысли под темечком,
Получилось — я зря им клеймен,
И хлещу я березовым веничком
По наследию мрачных времен.

Здесь идейный переворот сознания, переосознание «рая» как «мрачного времени» обусловлен балладным жанровым началом. Нельзя забывать, что «Банька по-белому» создавалась как песня. В. И. Козлов выделяет отдельный класс «мещанских баллад» В. С. Высоцкого: «Традиционная баллада как раз жанр мистический — трагедия, которая в ней случается, всегда имеет метафизическое объяснение: расплата за грехи, бесовство, Божья кара. А в “мещанской” балладе правит случай, произвольный и беспощадный» [Козлов 2015: 81]. Перипетийный разворот «Баньки по-белому», заключенный в стратегии «вера-разуверение», противоположен установкам мещанской баллады. Многолетний устой священного отношения к вождю разрушается только ритуально — путем *очищения* («И хлещу я березовым веничком/ По наследию мрачных времен...»). В этом аспекте построение вполне традиционно и основано на перипетии психологического сюжета. В то же время необходимо помнить, что повествовательная законченность является важной чертой баллады как лиро-эпического жанра вообще. В случае же с героем В. С. Высоцкого в психологическом сюжете сложно поставить точку — субъект остается в некотором промежуточном состоянии, обусловленном переходным

² О существовании легенды пишет, в частности, исследователь культуры уголовного мира А. А. Смирнов: «Считалось, будто бы такая “наколка” спасает “урку” от расстрела: чекисты не отважатся стрелять в изображения вождей. Потому и наносились профили Ленина и Сталина на грудь, либо слева, либо по обе стороны» [Смирнов].

пространством: «Пространство бани у Высоцкого является переходным между инфернализированным “раем” и “белым светом”, между длительной и тяжелой несвободой и еще не освоенной, нереализованной свободой» [Климакова 2010: 106].

Как минимум еще одна отличная от балладного жанра структура оказывается функционально оправданной. Именно она позволяет понять механизм временного перемещения героя. Разговор о прошлом ведется в доверительной интонации, обращение к «хозяйюшке» свидетельствует об очень личном переживании. «Хозяйюшка» — лицо, не равное остальной аудитории. Помимо балладного начала, таким образом, в стихотворении определимы элементы послания. Раскрепощенность в адресации, искренность позволяют посмотреть на прошлое без приукрашивания. Прошлое здесь — временная категория не социально-гражданского значения, но личного. Это, тем не менее, так же, как и в «Бане» Б. А. Слуцкого, ведет к подражанию фольклорной традиции. Отмеченная выше установка на повтор, заложенная в заголовке, является частью общей языковой структуры. Поэтика повторов и однородностей проявляется и в самой строфике, и в песенной композиции — рефренах-припевах. На протяжении текста мы видим конструкции: «раскалю... раскалю», «веры и леса», «горя и трасс», «а на левой груди... а на правой», «из Сибири в Сибирь», «на карьере ли, в топи ли», «слезы и сырца» — и, наконец, рефрен-припев:

Протопи ты мне баньку по-белому —
Я от белого свету отвык.
Угорю я, и мне, угорелому,
Пар горячий развяжет язык.

Такие повторы и однородности являются не вспомогательными приемами, но одним из традиционных для В. С. Высоцкого риторических средств. Использование одинаковых слов и форм, а также близких по смысловому полю понятий — способ постижения пространства, освоения границ образа. Немаловажной языковой стратегией становится абсолютизация мысли, чувства и образа через особую лексико-тематическую интенсивность. «Риторический подход к языковым явлениям проявляется у Высоцкого на всех уровнях языка. На лексическом уровне — это тяга к исчерпыванию лексики и фразеологии той предметной области, за которую он берется....» [Хазагеров 1998: 105], — справедливо замечает Г. Г. Хазагеров. Лагерная и банная тема переплетаются, обозначаются следующими группами слов и словосочетаний: «полок», «ковш», «угорю», «пар», «протопи», «березовым веничком»; «наколка», «лесу повалено», «горя», «трасс», «два охранника», «Сибирь», «слезы», «сырца». Синтез пространства и времени происходит и на лексическом уровне, что формирует мифопоэтический характер ситуации перехода.

* * *

Как мы видим, произведения В. С. Высоцкого и Б. А. Слуцкого не просто сопоставимы по своей тематике. Лирическое повествование и у Б. А. Слуцкого, и у В. С. Высоцкого активно за счет поэтики повторов и однородностей. Различны идеи стихотворений. «Банька по-белому» показывает другую часть прошлого, без которой эпическая картина у Б. А. Слуцкого оказывается неполной. Общественное противопоставлено личному. В. С. Высоцкий как бы устраняет дискретность, показывая ложность идеологического пафоса, проходя психологический путь от веры к разуверению. Процесс очищения и омовения осуществляется в сакральном пространстве, которое помогает постигнуть случившееся — и у народа в целом, и у каждого человека в отдельности.

Источники

Высоцкий В. С. Своя колей: песни. Екатеринбург: У-Фактория, 2008. 480 с.

Пушкин А. С. Руслан и Людмила / Пушкин А. С. Избр. соч. В 2 т. Самара: Самарский дом печати, 1995. Т. 1. 703 с.

Слуцкий Б. А. Сегодня и вчера. Книга стихотворений. М.: Молодая гвардия, 1963. 184 с.

Шукшин В. М. Алёша Бесконвойный / Шукшин В. М. Калина красная. Повести и рассказы. М.: Эксмо, 2013. 800 с.

Литература

Климакова Е. В. Мифопоэтические аспекты творчества В. С. Высоцкого: дис. ... канд. филол. наук / Красноярск, 2011. 180 с.

Козлов В. И. Высоцкий — поэт с черного хода // Prosōdia. 2015. № 3. С. 79–93.

Смирнов А. А. Великие битвы уголовного мира. История профессиональной преступности Советской России. Книга первая (1917–1940 гг.) [Электронный ресурс]. URL: <https://history.wikireading.ru/207212> (дата обращения: 30.06.2022).

Стеркина Н. И. Вы не были в раю районном? [Электронный ресурс]. URL: https://www.ng.ru/ng_exlibris/2019-06-06/13_984_bania.html (дата обращения: 28.06.2022).

Ушаков Д. Н. Толковый словарь современного русского языка. М.: Аделант, 2014. 800 с.

Хаззагеров Г. Г. Две черты поэтики Высоцкого // Мир Высоцкого: Исследования и материалы. 1998. Вып. II. С. 82–106. (In Russ.)

Хализев В. Е. Теория литературы. М.: Высшая школа, 2004. 405 с.

References

- Khalizev V. E. *Teoriya literatury* [Theory of literature]. Moscow, Vysshaya Shkola Publ., 2004. 405 p.
- Khazagerov G. G. [Two features of Vysotsky's poetics]. *Mir Vysotskogo: issledovaniya i materialy*, 1998, no. 2, pp. 82–106.
- Klimakova E. V. *Mifopoeticheskie aspekty tvorchestva V. S. Vysotskogo* [Mythopoetic aspects of V. S. Vysotsky's creativity]. Diss. ... kand. filolog. nauk. Krasnoyarsk, 2011. 180 p.
- Smirnov A. A. *Velikie bitvy ugovnogo mira. Istoriya professional'noi prestupnosti Sovetskoi Rossii. Kniga pervaya (1917–1940 gg.)* [The great battles of the criminal world. The history of professional crime in Soviet Russia. Book One (1917–1940)]. Available at: <https://history.wikireading.ru/207212> (accessed 30.06.2022).
- Sterkina N. I. *Vy ne byli v rayu raionnom?* [Have you been to the paradise of the district?]. Available at: https://www.ng.ru/ng_exlibris/2019-06-06/13_984_bania.html (accessed 28.06.2022).
- Ushakov D. N. *Tolkovyj slovar' sovremennogo russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of the modern Russian language]. Moscow, Adelant Publ., 2014. 800 p.

Реминисцентный характер перифразы «на берегах Невы» в мемуарах Ирины Одоевцевой

Карина Алеговна Жулькова, Институт научной информации по общественным наукам РАН
(Россия, Москва), zhulkova.karina@mail.ru

Виктория Валерьевна Никульцева, Московский финансово-юридический университет
МФЮА (Россия, Москва), severjanin@list.ru

DOI: 10.31857/S013161170024710-0

АННОТАЦИЯ: В статье подчеркивается реминисцентный характер номинативной перифразы «*на берегах Невы*», обращается внимание на то, что в названии мемуаров, в эпиграфе, в предисловии и в заключении русская поэтесса, прозаик И. Одоевцева, используя ономастическую перифразу не в ивановской версии («*на берегу*»), не в пушкинском книжном звучании с неполногласной лексемой («*на брегах*»), а в полногласном («*на берегах*»), делает ее более светской и расширяет не только пространство города, но и литературный контекст. Так, автор воспоминаний отсылает читателя к большому количеству поэтических произведений XIX и XX вв. («Евгений Онегин», «19 октября» («Роняет лес багряный свой убор...») А. Пушкина, «Январский день. На берегу Невы...» Г. Иванова, «Кассандра» О. Мандельштама, «Элегия» А. Ладинского, «14 декабря 1918 года» З. Гиппиус, «К моей родине. Элегия» П. Плетнёва и др.), в совокупности образующих *петербургский текст* русской литературы. Перифраза «*на берегах Невы*» становится функциональным стилистическим приемом, своеобразной меткой, сообщая дополнительные аллюзии воспоминаниям Одоевцевой, в которых послереволюционный Петроград предстает не столько городом исторических потрясений, сколько центром русской культуры.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: И. Одоевцева, А. Пушкин, Г. Иванов, ономастическая перифраза, «на берегах Невы», петербургский текст, реминисценция, поэтическая семантика

для цитирования: Жулькова К. А., Никульцева В. В. Реминисцентный характер перифразы «на берегах Невы» в мемуарах Ирины Одоевцевой // Русская речь. 2023. № 1. С. 114–127. DOI: 10.31857/S013161170024710-0.

The Language of Fiction

The Reminiscence of the Periphrasis “On the Banks of the Neva” in the Memoirs of Irina Odoevtseva

Karina A. Zhulkova, Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (Russia, Moscow), zhulkova.karina@mail.ru

Victoria V. Nikultseva, Moscow University of Finance and Law MFUA (Russia, Moscow), severjanin@list.ru

ABSTRACT: The article emphasizes the reminiscent nature of the nominative periphrasis “on the banks” (rus. — na beregah) and draws attention to the fact that the onomastic periphrasis that Russian poetess and prose writer Odoevtseva uses in the title, in the epigraph, in the preface as well as in the conclusion of her memoirs, is not used as in Ivanov’s version “on the shore” (rus. — na **beregu**) and not in the Pushkin’s bookish version “on the rivages” with the incomplete-vowel lexeme (rus. — na **bregah**), but in the full-vowel (rus. — na **beregah**). That makes it more secular and expands not only the urban place of the city described in the memoirs, but also the literary context.

Thereby, the author of the memoirs refers to a great range of poetic works of XIX and XX centuries (“Eugene Onegin”, “October 19” (“The forest drops its crimson dress ...”) by A. Pushkin, “January day. On the banks of the Neva ...” by G. Ivanov, “Cassandra” by O. Mandelstam, “Elegy” by A. Ladinsky, “December 14, 1918” by Z. Gippius, “To my homeland. Elegy”

by P. Pletnev, etc.), which establish a special style characteristic of the literature of St. Petersburg.

The periphrasis “on the banks of the Neva” becomes a functional stylistic device and a distinctive feature that gives additional allusions to Odoevtseva’s memoirs, in which the post-revolutionary Petrograd (formerly name of St. Petersburg) is presented as the centre of Russian culture rather than a city of historical upheaval.

KEYWORDS: I. Odoevtseva, A. Pushkin, G. Ivanov, onomastic periphrase, “on the banks of the Neva”, St. Petersburg text, reminiscence, poetic semantics

FOR CITATION: Zhulkova K. A., Nikultseva V. V. The Reminiscence of the Periphrasis “On the Banks of the Neva” in the Memoirs of Irina Odoevtseva. Russian Speech = Russkaya Rech'. 2023. No. 1. Pp. 114–127. DOI: 10.31857/S013161170024710-0.

Ирина Владимировна Одоевцева¹ — русская поэтесса, прозаик, родилась на берегах Даугавы в Риге, однако свои воспоминания связала с другими берегами. Первая часть мемуарной трилогии — «На берегах Невы» (1967) — представляет культурную жизнь Петрограда конца 1910-х — начала 1920-х годов, вторая — «На берегах Сены» (1978–1981) — посвящена русской эмиграции в Париже, третья — недописанная, названная «На берегах Леты» (1990), «так как, сами понимаете, дальше этих берегов уже ничего не бывает», — должна была стать «справочником, подспорьем в работе для новых поколений» [Радашкевич 1990] исследователей, изучающих литературу Серебряного века.

Устойчивая перифраза, созданная по модели берега (брега) + собственное имя водного объекта, фигурирующая в заглавии каждой из мемуарных книг Одоевцевой, применялась многими русскими поэтами, в том числе А. С. Пушкиным. По замечанию В. М. Калинин, «Пушкин для обозначения поэтического топоса часто использовал сочетания со словом “берег”, в том числе словосочетания, созданные по модели берег (брег) / берега (брега) + собственное имя водного объекта или объекта, омываемого водой, как реального, так и мифического: невские берега, берега Невы, брега Невы (о Петербурге); берега Салгира, брега Салгира, брега Тавриды (о Крыме); брега Коцита, берега Леты, Стигийский брег (о загробном мире); брег парнасских вод (о Парнасе)» [Калинкин 2018: 6].

¹ Настоящее имя Ираида Густавовна Гейнике (1895–1990).

Название первой части мемуаров Одоевцевой немедленно отсылает читателя к хрестоматийным пушкинским строкам:

*Онегин, добрый мой приятель,
Родился **на берегах Невы**,
Где, может быть, родились вы
Или блистали, мой читатель* [Пушкин 1975: 8].

Ономастическая перифраза «*на берегах Невы*», обозначая Петербург, сообщает дополнительные аллюзии воспоминаниям Одоевцевой, в которых послереволюционный Петроград предстает не столько городом исторических потрясений, сколько столицей² русской литературы, центром напряженной духовной жизни. Впоследствии Париж станет преемником Петрограда, наследником старой русской культуры в эмиграции. Именно поэтому особое значение приобретают для мемуаристки последние строки упомянутой онегинской строфы:

*Там некогда гулял и я:
Но вреден север для меня* [Пушкин 1975: 8].

Намек поэта на вынужденный отъезд из столицы в южную ссылку иронично коррелирует с судьбой самой мемуаристки и многих из тех, чьи литературные портреты она создает в своих воспоминаниях.

Аллюзивно связывается с книгой Одоевцевой и другая пушкинская строфа (гл. III, строфа XXII), в которой встречается словосочетание «*на берегах Невы*»:

*Я знал красавиц недоступных,
Холодных, чистых, как зима,
Неумолимых, неподкупных,
Непостижимых для ума;
<...>
Над их бровями надпись ада:
Оставь надежду навсегда.
Внушать любовь для них беда,
Пугать людей для них отрада.
Быть может, **на берегах Невы**
Подобных дам видали вы* [Пушкин 1975: 56].

Интересно, что выражение «*оставь надежду навсегда*» — пушкинская интерпретация знаменитой надписи над входом в ад из поэмы А. Данте «Божественная комедия»: «*Оставь надежду, всяк сюда входящий*» («*Оставьте*

² 11 марта 1918 г. большевики перенесли столицу в Москву.

всякую надежду, входящие сюда», буквальный перевод с итальянского *«Lasciate ogne speranza, voi ch'entrate»*) («Ад», песнь 3, строфа 9) — стало названием послевоенного романа Одоевцевой³. Избрав для повествования о жизни советской России 1930-х годов дантовские строки, писательница воспользовалась не буквальным переводом с итальянского, не переводом оставшегося в СССР поэта-акмеиста М. Л. Лозинского (*«Входящие, оставьте упования»*) или писателя русского зарубежья Б. К. Зайцева (*«Оставьте всякую надежду вы, входящие!»*), а именно пушкинской строкой. Но если в романе Одоевцевой *«Оставь надежду навсегда»* (1954) эта фраза лишена иронии, то в связи с ее мемуарами *«На берегах Невы»* она воспринимается как часть целого в своей первоначальной шутливой характеристике *«красавиц недоступных»*. Так, номинативная перифраза *«на берегах Невы»* становится функциональным стилистическим приемом, объединяющим это пушкинское лирическое отступление с воспоминаниями Одоевцевой, являясь в данном случае неким мостиком во времени, заставляющим поискать *«подобных дам»* в Петрограде начала XX в. Причисляет ли мемуаристка себя к *«холодным, чистым, как зима»*? Думается, такой образ польстил бы ей. Несмотря на сделанное в предисловии признание в том, что она пишет воспоминания *«не из эгоистического желания»*, *«не о себе и не для себя»*, а о тех, кого дано было *«узнать “на берегах Невы”»* [Одоевцева 1988: 11], намерение *«вписать себя в звездную карту петроградского поэтического небосклона»* [Лекманов 2020: 9] у Одоевцевой, безусловно, было.

Являясь своеобразной меткой, перифраза *«на берегах Невы»* указывает на еще одну реминисценцию, связанную с другими хрестоматийными пушкинскими строками. В стихотворении Пушкина *«19 октября»* (*«Роняет лес багряный свой убор...»*) центральная тема — воспоминания. Не по своей воле оторванный от Петербурга, не имеющий возможности присутствовать на встрече лицеистов поэт создает проникнутые особой теплотой портреты своих друзей (Н. Корсакова, Ф. Матюшкина, И. Пущина, А. Горчакова, А. Дельвига, В. Кюхельбекера). *«Лицейский шум, лицейские забавы»*, *«дух песен»*, разговоры о *«Шиллере, о славе, о любви»* и люди родные *«по музе, по судьбам»* [Пушкин 1974: 37] — тревожат память, заставляют тосковать по утраченной юности и по тем, с кем разлучен на время или навсегда.

Ощущение изгнанничества, настроение, выраженное Пушкиным в эпитетах, метафорах, гиперболах, связанных с *холодом* (*«Сребрит мороз увянувшее поле»*, *«А ты, вино, осенней стужи друг»*, *«В обители пустынных*

³ Роман *«Оставь надежду навсегда»* был написан ею после войны, в 1945–1946 годах, вскоре он был опубликован на французском, английском и испанском языках, первое издание на русском языке вышло в свет в 1954 г. в Нью-Йорке, и только в 1991 г. он был напечатан в журнале *«Октябрь»*.

вьюг и хлада», «И вечный лед полуночных морей», «фортуны блеск холодный», «Невидимо склоняясь и хладея, / Мы близимся к началу своему...») [Пушкин 1974: 37–40], передано и в стихотворении супруга Одоевцевой Георгия Владимировича Иванова (1894–1958) «Январский день. На берегу Невы...» (1922)⁴, микрофрагмент которого мемуаристка выбрала в качестве эпиграфа к своим воспоминаниям.

Нельзя не заметить, как в этом стихотворении Иванова помимо холода («январский день», «несется ветер»), также создающего ощущение бесприютности, соединились лексемы трех вышеуказанных пушкинских строф: блистал (у Пушкина «или блистали, мой читатель»), дама (у Пушкина «подобных дам встречали вы»), на льду (у Пушкина «вечный лед полуночных морей»):

*Январский день. На берегу Невы
Несется ветер, разрушеньем вея.
Где Олечка Судейкина, увы!
Ахматова, Паллада, Саломея?
Все, кто блистал в тринадцатом году, —
Лишь призраки на петербургском льду.
Вновь соловьи засвищут в тополях
И на закате, в Павловске иль Царском,
Пройдет другая дама в соболях,
Другой влюбленный в ментике гусарском...
Но Всеволода Князева они
Не вспомнят в дорогой ему тени [Иванов 1993: 287].*

Мотив памяти / забвенья также наследуется Ивановым («Где Олечка Судейкина, увы!», «Не вспомнят в дорогой ему тени») у Пушкина («И ныне здесь, в забытой сей глуши», «Минутное забвенье горьких мук», «Опомнимся — но поздно! и уныло / Глядим назад, следов не видно там», «Он вспомнит нас»). В том же 1922 г. — переломном, связанном с расставанием с любимым городом — появляется стихотворение Одоевцевой «Январская луна. Огромный снежный сад...», в котором звучат аналогичные мотивы:

*Как облака плывут! Как тихо под луной!
Как грустно, дорогая!
Вот этот снег, и ночь, и ветер над Невой
Я вспомню умирая⁵.*

⁴ Стихотворение перекликается с «Позмой без героя» Ахматовой: оба поэта вспоминают Петербург 1913 года и упоминают тех же людей (Вс. Князева, Судейкину). Саломея Андроникова была подругой Ахматовой.

⁵ Здесь и далее тексты стихотворений приводятся с сайта www.culture.ru.

Спустя много лет, под «чужими небесами» составляя свои воспоминания, она предварит их эпитафией, выхватывая из стихотворения супруга только ономастическую перифразу и строчку о ветре:

На берегах Невы

Несется ветер, разрушеньем вея... [Одоевцева 1988: 10].

Одоевцева намеренно сосредоточивает внимание на двух лексемах «ветер» и «разрушение» (возможно, «ветер» был навеян Иванову «бурей» Пушкина из того же «19 октября»: «Когда постиг меня судьбины гнев, / Для всех чужой, как сирота бездомный, / **Под бурю** главой поник я томной»). Это ветер перемен, ветер испытаний, пронесшийся сквозь века по всевидящему городу, в котором «блистают» уже другие люди.

В «Путеводителе по книге Ирины Одоевцевой “На берегах Невы”» О. А. Лекманов сообщает, что в 1961 г. Одоевцева становится участницей поэтического семинара, организованного Ю. П. Иваском, где разбирается стихотворение Иванова «Январский день. На берегу Невы...», в котором поэт «прощается с эпохой русской модернистской культуры, завершившейся с началом Первой мировой войны, и перечисляет имена тогдашних знаменитых петербургских “европеянок нежных” (по формуле Мандельштама) — актрисы Ольги Глебовой-Судейкиной, Анны Ахматовой, поэтессы Паллады Богдановой-Бельской, героини стихов Ахматовой и Мандельштама Саломеи Андрониковой-Гальперн, а также несчастливо влюбленного в Глебову-Судейкину поэта Всеволода Князева, служившего в гусарском полку» [Лекманов 2020: 449].

Одоевцева же, по мнению исследователя, от «ветра, разрушеньем веющего» пытается спасти время, проведенное ей в послереволюционном Петрограде — промежуток с ноября 1918 г. по лето 1922 г., — воспринимаемое ею как эпилог предшествующей эпохи. Воссоздавая атмосферу Серебряного века, связанную с захватывающими событиями и неординарными людьми, она мастерски рисует емкие художественные образы современников: Г. Иванова, Н. Гумилёва, М. Лозинского, О. Мандельштама, М. Кузмина, А. Ахматовой, А. Блока, А. Белого, А. Ремизова, Ф. Сологуба, — зримо и ярко выписывает портреты людей, с которыми связана ее юность, ее первые шаги в поэзии.

О. А. Лекманов акцентирует внимание на замене в эпитафии мемуаров Одоевцевой «единственного числа на множественное (у нее: “на берегах”; у Иванова — “на берегу”)» [Лекманов 2020: 449–450]. Однако следует отметить, что в 1958 г. при подготовке собрания сочинений, которое Иванову было обещано, поэт переработал многие тексты, в том числе «Январский день. На берегу Невы...». Стихотворение было опубликовано Юрием Терапиано в мюнхенских «Мостах» в 1961 г. Помимо субституции соот-

носительным коррелятом (*на берегу / на берегах*) в первой строке, Иванов добавил в конце еще одну строфу:

*Ни Олечки Судейкиной не вспомнят,
Ни чёрную ахматовскую шаль,
Ни с мебелью ампирной низких комнат —
Всего того, что нам смертельно жаль* [Терапиано 1961: 140].

Дискуссия между Ю. Терапиано, утверждающим, что, сравнивая две версии, «читатель сам увидит, насколько переработанная совершеннее и законченнее» [Терапиано 1961: 137], и В. Крейдом, полагающим, что последнее четверостишие «начисто» лишено «прелестной музыки первой версии» [Крейд 2007: 60], выходит за рамки обозначенной нами темы, поэтому, не продолжая ее, отметим, однако, что в новой версии акцент перемещается на лексему *«смертельно»*, отсылая — в свою очередь — к заключительной строке стихотворения Одоевцевой «Январская луна. Огромный снежный сад...» (*«Я вспомню умирая»*), обнажая взаимовлияние, которое испытывали поэты.

Сказывается оно и в переключке между другим ивановским стихотворением — «Как осуждённые, потерянные души» (1924), — также содержащим рассматриваемую перифразу, и словами Одоевцевой из предисловия к мемуарам, в которых она предполагает «окунуться в те трагические, страшные и прекрасные, несмотря на все ужасы, первые пореволюционные годы» [Одоевцева 1988: 11]. На антитезе, лежащей в основе этой сентенции о *«страшных и прекрасных годах»*, строится и поэтическое «припоминание» «чудного Петербурга» Иванова: *«Как были счастливы, как были мы несчастны / В туманном городе на берегу Невы»*.

Важно отметить, что Одоевцева в названии своих воспоминаний, в эпиграфе, в предисловии и в заключении использует перифразу не в ивановской версии (*«на берегу»*), не в пушкинском книжном звучании с неполногласной лексемой (*«на брегах»*), а в полногласном (*«на берегах»*), делая ее более светской и расширяя не только пространство города, но и литературный контекст.

Таким образом автор воспоминаний отсылает читателя к большему количеству поэтических произведений, в совокупности образующих *петербургский текст* русской литературы. Комментатор книги «На берегах Невы», обратившись к интернет-ресурсу «Национальный корпус русского языка» («Поэтический корпус»), находит всего пять релевантных примеров употребления сочетания *«на берегу Невы»* отечественными стихотворцами (в двух стихотворениях Иванова, в двух — Мандельштама и в поэме Некрасова), а с учетом других форм значительно больше: девять случаев использования сочетания *«на берегах Невы»* (в стихотворениях А. Ладинского, К. Вагинова, З. Гиппиус, Вл. Соловьёва, А. К. Толстого, К. Павловой,

П. Плетнёва, А. Востокова и Г. Державина) и еще семь — «на *берегах Невы*» (в поэтических произведениях В. Маяковского, К. Вагинова, А. Пушкина (трижды, см. выше), И. Крылова и А. Сумарокова) [НКРЯ].

Среди всех этих текстов для Одоевцевой наиболее актуальными представляются такие, как «Кассандре» (1917) О. Э. Мандельштама, адресованное А. А. Ахматовой, эмигрантская «Элегия» (1933) А. П. Ладинского («И только голос лиры / К тебе из синевы, / И только город сирий / *На берегах Невы*») и «14 декабря 1918 года» З. Н. Гиппиус о декабристах («Минули годы, годы, годы... / А мы все там, где были вы. / Смотрите, первенцы свободы: / Мороз на *берегах Невы!*»), в которых прослеживается то же преклонение пред Петербургом, воспоминания о нем и людях, связанных с ним одной судьбой.

В стихотворении О. Э. Мандельштама «Кассандре» (1917) идейно и композиционно важны контрасты «будущее — прошлое», «счастье — страдание», «потери — приобретения», «свет — тьма», «город — природа», разделяющие пространство текста на две части: жизнь в Петербурге до 1917 года и после революции. Петербургский текст создается пересечением многочисленных семантических полей: «время, жизнь» (*цветущие мгновенья, семнадцатый год, жизнь, сто лет тому назад*), «человек» (*губы, глаза, голова, народ, один — другой, скифский, человек*), «страдание» (*мучат, омерзительный, бред, безрукая, зачумлённая, больная*), «христианство» (*торжественное бденье*), «любовь» (*любя, полюбил*), «праздник» (*шалый праздник, бал*), «Петербург» (*столица, на берегу Невы, высокие дома, площадь с броневиками*), «потеря» (*потеряли, ограблен, ограбить, закон*), «свет» (*горящие, сиять, солнце*), «звук» (*звуки, тихая*), «память» (*воспоминанья*), «античная история» (*Кассандра, Александр*), «приобретения» (*победа, свобода, равенство, искал*), «вода» (*Нева, корабельный*), «природа» (*лес, волки, солнце*), «зима» (*декабрь, зима*). Мотив предопределенности человеческой жизни, неизбежности судьбы определяет появление античных образов. Оксюморон «безрукая победа» может трактоваться двояко: как образ изломанной статуи греческой богини и как образ восстания, принесшего страдания и смерть; введение личных имен — *Кассандры* (как заголовочного слова текста и как обращения в составе первой и последней строф, участвующих в кольцевом строении текста), предвещающей несчастье, и *Александра* («сияло солнце Александра» (Македонского)), на пике славы всё сметающего на своем пути, отсылает читателя к греко-римской истории и мифологии. По мысли автора, который, подобно Кассандре, предсказывает несчастье родному городу, вещающий правду обречен на расправу:

*Когда-нибудь в столице шалой
На скифском празднике, на берегу Невы —
При звуках омерзительного бала
Сорвут платок с прекрасной головы.*

Не случайно в цитируемом лозунге французской революции слово «братство» заменено на «закон», что в окружении лексем «волки», «потеряли», «ограблен», «броневики» создает контекстуальную иронию «закон» — «беззаконие», подчёркнутую ассонансом на [а] и [о]:

*На площади с броневиками
Я вижу человека — он
Волков горящими пугает головнями:
Свобода, равенство, закон.*

Семантика «петербургского текста» обуславливается не только аллюзией 'античность' — архитектура города (*шальная столица, площадь, высокие дома*), но и символикой: образами зимы (холода), воды (Невы), священнослужений (*торжественное бденье*), мореплавания (*корабельный лес*), жестокости, поругания и распущенности (*скифский праздник, омерзительный бал, сорвут платок с прекрасной головы, больная Кассандра*), болезни и сумасшествия (*жизнь — необходимость бреда*).

Античные образы — неотъемлемый элемент архитектоники текста в стихотворении А. П. Ладинского «Элегия» (1933). Образы богини Афины Паллады, величия и падения Римской империи порождают контрасты прошлого и настоящего (Рим — Петербург), приобретений и потерь (*горькая слава — расставанья час*):

*Я с горькой славой Рима
Судьбу твою сравнил.
Я ледяные зимы
Палладе посвятил.*

Паллада — это и имя Богдановой-Бельской, куртизанки, салон которой пользовался успехом у петербургского демимонда. Введение этого имени собственного в «античный» контекст создает двоякое прочтение первой строфы элегии: возможно, лирический герой вспоминает зимние вечера, проведенные в литературно-музыкальном салоне этой женщины, которой посвятили стихи Вс. Князев, И. Северянин, Н. Гумилёв, А. Ахматова, Г. Иванов и мн. др.

Семантическое пространство города образовано пересечением полей «Петербург» (*колонны, город сырый, на берегах Невы*), «зима» (*ледяные зимы, сугробы*), «природа» (*лес, синева, небесные*), «вода» (*дожди, Нева, слезы, снег*), античная история (*Рим, Паллада, колонны*), «приобретения» (*слава*), «судьба» (*судьба, гроб, сон, метаморфоза, мир*), «страдание» (*слезы, расставанье, горькая*), «человек» (*глаза*), «звук» (*голос лиры, плач*).

Образы судьбы и смерти, страдания приобретают необычную трактовку у Ладинского: город восстает из снега, бросая вызов законам природы.

Возникшая оппозиция «город — природа» определяет введение анафоры, метафоры и сравнения:

*Наперекор сугробам
Там вырос мир колонн,
Как странный лес за гробом,
Как непонятный сон.*

Звуковая, визуальная и тактильная семантика текста усилена введением анафоры вкупе с ассонансом на [o]:

*И только голос лиры
К тебе из синевы,
И только город сирый
На берегах Невы.
И только слёзы, слёзы
Твоих небесных глаз,
Твои метаморфозы
И расставанья глас.*

Контрастам и оппозициям отведена важная роль и в стихотворении З. Н. Гиппиус «14 декабря 1918 года». Скрытые временные параллели проводятся между восстанием декабристов 1825 года и революционными событиями 1917 года. Так же, как в произведениях Мандельштама и Ладинского, образ Петербурга выстраивается языковыми и стилистическими приемами.

За счет лексических и семантических контрастов «страдание — звук — судьба», «воспоминания — реальность», «жизнь — смерть», «время — безвременье», «счастье — страдание», «холод — свет», «декабристы — потомки» вкупе с преобладающими нисходяще-восходящими интонациями создается риторичность и торжественность «петербургского текста». Тема города и человека в нем возникает на пересечении таких семантических полей, как «время» (*прошло, нет возврата, день, в первый раз, годы, минули, годовщина, восемьдесят лет, начатое*), «зима» (*морозный, мороз, декабрьский*), «Петербург» (*площадь, сенат, ступени, Зимний, крыльцо, на берегах Невы*), «жизнь» (*оживе́м*), «движение» (*сошлись, идут, сойдите, несли, пойдем*), «счастье» (*упованье, трепещут, вино*), «любовь» (*любовь, милые*), «военная обязанность» (*мундирная, подвиг*), «восстание» (*кровь, свобода, освободительный*), «свет» (*погашен, костер, ослепительный*), «человек» (*сердце, первенцы, дети, внуки, стопы*), «судьба» (*могилы, тени милые, смертные долины, свершить суждено*), «страдание» (*корчимся в муке, всё меньше сил, страшных, режущее-остер*), «звук» (*зовем*), «память» (*завет, не забыли, лелеяли, хранили*).

Вуалируя параллели между восстанием декабристов и октябрьской революцией, Гиппиус подчеркивает чувство вины потомков, чувствующих бессилие перед историческими переменами.

*Мы — ваши дети, ваши внуки...
У неоправданных могил,
Мы корчимся всё в той же муке,
И с каждым днём всё меньше сил.*

Это чувство бессилия нагнетается введением лексем с температурно-тактильной семантикой (*морозный день, трепещут жадные сердца, подвиг режуще-остер, погашен, кровью, костёр, мороз на берегах Невы, декабрьской, дыханьем, вино*), вступающих в контрастирующие отношения.

Если в произведениях Мандельштама и Ладинского семантика незыблемого и вечного города связана не только с потерями, но и с приобретениями, не только с каменной архитектурой, но и с водной стихией, а также выстраивается через античную символику и через оппозицию города природе, то у Гиппиус городской текст неразрывно связан с движением, с мотивами счастья и человеческих страстей, военной обязанностью. В то же время все три «петербургских текста» роднит наличие семантических полей «время», «человек», «страдание», «звук», «зима/холод». С лейтмотивами памяти, жизни, любви, света, потерь неразрывны тексты Мандельштама и Гиппиус, в то время как Ладинского роднит с Гиппиус только тема судьбы и смерти.

Контрасты «жизнь — смерть», «счастье — страдание», распад жизни на фазы «до и после» превалируют у Мандельштама и Гиппиус, тогда как Мандельштама с Ладинским сближает оппозиция «город — природа», «потери — приобретения».

Совпадение временных планов (прошлое — настоящее) отмечается в произведениях Ладинского и Гиппиус, модальных (реальных и ирреальных) — у Мандельштама и Гиппиус; у Мандельштама же прошлое противопоставлено будущему, а у Ладинского действие представлено только в реальной модальности.

Интонационный рисунок текстов Гиппиус и Мандельштама носит восходяще-нисходящий характер во всех строфах, кроме последней, которая увенчана восходящими интонациями; мелодика текста Ладинского единообразна.

Все три стихотворения написаны ямбом с пиррихиями⁶: у Мандельштама — разностопным, у Ладинского — трехстопным, у Гиппиус — четырехстопным. В основе эвфонии⁷ всех трех стихотворений лежат

⁶ Пиррихий — стопа, состоящая из двух безударных слогов.

⁷ Эвфония, или благозвучие, — качество некоторых звуков или их сочетаний, делающее их приятными для произнесения.

ассонансные⁸ и аллитеративные⁹ инкрустации на [o], [a] и [p], наиболее отшлифованные в тексте Ладинского и наименее тщательно отделанные Гиппиус.

Итак, город, воздвигнутый «*на берегах Невы*», вечен, незыблем, холоден, молчалив, равнодушен к человеку, которому причиняет страдания. Он и источник счастья, искания, «упования», и символ несбывшихся надежд и бесплодных мечтаний. Для Ирины Одоевцевой же Петербург — островок счастья, оставленного на родине.

В преамбуле к своей книге мемуаристка обращалась к читателю: «Я пишу эти воспоминания с тайной надеждой, что вы, мои читатели, полюбите как живых тех, о ком я вспоминаю. Полюбите их, воскресите их в своей памяти и в сердцах. И тем самым подарите им бессмертие. Вы, мои современники, и вы, те, кто будет читать, — я и на это самоуверенно надеюсь — “*На берегах Невы*”, когда меня уже давно не будет на свете» [Одоевцева 1988: 13].

Ахматовой, Мандельштаму, Гиппиус и многим другим поэтам Серебряного века посвящено много увлекательных страниц в мемуарах Одоевцевой, но столь же значительным героем воспоминаний предстает сам город. Слова П. А. Плетнёва из стихотворения «К моей родине. Элегия» (1820), в которых «родимый край» («Немой моей мечты прибежище и рай») влечет поэта: «С каким бы восхищеньем, / Заботы бросив все *на берегах Невы*, / Домашним образам я поклонился», — перекликаются со словами, заключающими первую книгу мемуаров Одоевцевой: «Нет, я чувствую, я знаю, такой счастливой, как здесь, *на берегах Невы*, я уже никогда и нигде не буду» [Одоевцева 1988: 313].

Таким образом, перифраза «*на берегах Невы*» становится своеобразным маркером, выявляющим в *петербургском тексте* русской литературы те произведения, мотивы и образы которых помогают Одоевцевой воссоздать атмосферу культурной столицы, вбирающей в себя все эпохи города, меняющегося и одновременно неизменного.

Источники

Иванов Г. Собр. соч.: в 3 т. / Сост., подгот. текста, вступ. ст. Е. В. Витковского; коммент. Г. И. Мосешвили. М.: Согласие, 1993. Т. 1. 656 с.

НКРЯ — Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru/new/search-poetic.html> (дата обращения: 02.05.2022).

⁸ Ассонанс — прием звуковой организации текста, особенно стихотворного: повторение гласных звуков.

⁹ Аллитерация — повторение одинаковых или однородных согласных в стихотворении, придающее ему особую звуковую выразительность.

Одоевцева И. В. На берегах Невы: Литературные мемуары / Вступ. статья К. Кедрова; Послесл. А. Сабова. М.: Худож. лит., 1988. 334 с.

Пушкин А. С. Евгений Онегин. Собр. соч.: в 10 т. М.: Худож. лит., 1975. Т. 4. 520 с.

Пушкин А. С. Стихотворения 1825–1836. Собр. соч.: в 10 т. М.: Худож. лит., 1974. Т. 2. 688 с.

Терапиано Ю. Варианты стихотворений Георгия Иванова (Первое стихотворение — прежний текст, второе — измененный автором) // Мосты. Мюнхен, 1961. № 6. С. 133–145.

Литература

Калинкин В. М. Поэтонимологическое: заметки, комментарии, примечания // Восточно-славянская филология. Сер. Языкознание. Горловка: Издательство ОО ВПО «ГІІІА», 2018. С. 3–7.

Крейд В. П. Георгий Иванов. Москва: Молодая гвардия, 2007. 30 [2] с.

Лекманов О. А. «Жизнь прошла. А молодость длится...» Путеводитель по книге Ирины Одоевцевой «На берегах Невы» / Олег Лекманов; под общ. ред. Н. А. Богомолова. Москва: Издательство АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2020. 864 с.

Радашкевич А. Публицистика. Ирина Одоевцева. На берегах Леты // Русская мысль. Париж, 1990. № 3852 [Электронный ресурс]. URL: http://www.radashkevich.info/publicistika/publicistika_74.html (дата обращения: 02.05.2022).

References

Kalinkin V. M. [Poetonymological: notes, comments, notes]. Vostochnoslavjanskaya filologiya. Ser. Linguistics. Gorlovka, OO VPO "GIJA" Publ., 2018, pp. 3–7. (In Russ.)

Krejd V. P. *Georgii Ivanov* [Georgy Ivanov]. Moscow, Molodaya Gvardiya Publ., 2007. 30 [2] p.

Lekmanov O. A. "Zhizn' proshla. A molodost' dlitsya..." *Putevoditel' po knige Iriny Odoevcevoi "Na beregah Nevy"* ["Life has passed. And youth lasts ..."] A guide to the book by Irina Odoevtseva "On the banks of the Neva", Oleg Lekmanov; ed. by N. A. Bogomolov. Moscow, AST Publ., Redakcija Eleny Shubinoj, 2020. 864 p.

Radashkevich A. [Journalism. Irina Odoevtseva. On the shores of Lethe]. Russkaja mysl'. Paris, 1990. No. 3852. (In Russ.) Available at: http://www.radashkevich.info/publicistika/publicistika_74.html (accessed 02.05.2022).

Русская речь

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛ

Оригинал-макет подготовлен *И. Барановым, И. Мустаевым*

Зав. редакцией *О. В. Антонова*

Редакторы *А. В. Занадворова, М. А. Пузина*

Корректоры *Н. В. Никитин, В. Л. Цумарева*

Верстка *С. В. Родионовой*

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

119019, Москва, ул. Волхонка, 18/2,
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН,
редакция журнала «Русская речь»,
тел.: +7 495 637-27-35, e-mail: rus-rech@mail.ru

Подписано к печати 27.02.23 г.

Дата выхода в свет 23.03.23 г.

Формат 60×88 ¹/₁₆

Уч.-изд. л. 10,4

Тираж 155 экз.

Зак. 17/1а

Цена свободная

УЧРЕДИТЕЛИ:

Российская академия наук

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина

ИЗДАТЕЛЬ:

Российская академия наук

119071, Москва, Ленинский пр-кт, д. 14

20 экземпляров распространяются бесплатно

Исполнитель по контракту № 4У-ЭА-131-22

ООО «Интеграция: Образование и Наука»

105082, г. Москва, Рубцовская наб., д. 3, стр. 1, пом. 1314

Отпечатано в ООО «Институт информационных технологий»

Свидетельство о регистрации в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций ПИ № ФС 77-82889

от 14.03.2022 г.

Адрес типографии: 170021, Тверская область, г. Тверь, Дачная улица, дом 33, офис 1

16+